

Во дни беды – бедой людей болей,
Дели с другими тяжесть их скорбей! [1]
Саади

ГЛАВА 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В АФГАНИСТАНЕ В 60-70-Х ГОДАХ

2.1. Афганистан накануне «демократического эксперимента»

Хотя Афганистан не участвовал во Второй мировой войне, однако она тяжело отразилась на его экономике, положении широких народных масс и внутривластной обстановке. Из-за разрыва внешнеэкономических связей значительно сократился традиционный афганский экспорт и импорт промышленных товаров первой необходимости, за счет которых страна почти полностью обеспечивала нужды населения. В стране беспрецедентные размеры приняла спекуляция, росли цены и инфляция, еще ниже пал и без того низкий жизненный уровень народа. Господство верхушки торговой буржуазии на внутреннем рынке и ее монопольные права на внешнюю торговлю пагубно сказывались на деятельности мелкой и средней буржуазии. Огромные масштабы приняло разорение ремесленников и кустарей. В афганской деревне усилился процесс обезземеливания и обнищания крестьянства. В зоне пуштунских племен участились восстания и конфликты. Широилось политическое брожение в кругах демократически настроенной общественности.

Сложившаяся к концу войны обстановка в Афганистане грозила серьезными социальными потрясениями. В этих условиях правящий монархический режим предпринял ряд мер социально-экономического характера, которые, однако, не принесли ожидаемых результатов. Оказавшись не в состоянии справиться с экономическими трудностями и остановить нарастание внутривластной напряженности, в 1946 году ушло в отставку правительство Мухаммада Хашим-хана (он бессменно возглавлял кабинет с 18 октября 1929 года). Ему на смену пришло правительство во главе с другим дядей короля – Шах Махмуд-ханом. Но и оно не смогло выдвинуть сколько-нибудь позитивной программы вывода страны из социально-экономического и политического кризиса, хотя и пыталось сделать это (например, выпустило из тюрем много политических заключенных, ослабило контроль за общественно-политической жизнью страны, сделало попытку снять остроту аграрной проблемы путем переселения разорившихся скотоводов и земледельцев-пуштунов в северные районы страны, начало строительство Гильмендской ирригационной системы).

В рассматриваемое время под воздействием внутренних и внешних факторов – разгрома фашизма, подъема национально-освободительного движения в мире и регионе, обострения межгосударственных афгано-пакистанских отношений в связи с неучетом, как это виделось Афганистану, пуштунской проблемы при разделе британской Индии на Пакистан и Индийский Союз и т.д. – на арену общественно-политической борьбы в Афганистане начали выходить оппозиционные течения и группировки буржуазно-демократического толка, духовно связанные с движением младоафганцев 20-х годов. Первыми среди них в 1947 году заявило о себе политическое течение «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»). Во главе его стал мелкий помещик из-под Кандагара Мухаммад Расул-хан Пуштун. Большую моральную и материальную поддержку движению, особенно на первых порах, оказывал Абдул Маджид Заболи, «отец» нарождавшейся афганской буржуазии. В числе активных участников этого движения были известные представители афганской (в основном пуштунской) интеллигенции – поэт и ученый-филолог Гуль Пача Ульфат, поэт и президент афганской Академии языка и литературы «Пашто толына» (1946-1951 гг.) Абдурауф Бенава, историки Абдулхай Хабиби и Ахмад Али Кохзад, писатель Нур Мухаммад Тараки (см. о нем Приложение 6), член Совета улемов маулана Кази Бахрам, член семьи хазратов Мухаммад Юсуф Моджаддеди, а также Абдулла Тохи, Хаджи Дост Мухаммад и др. [2]

Манифестом идей и взглядов «вишзальмиянцев» стала публикация Абдурауфа Бенава в редактируемом им журнале «Кабул». «Мы, пробудившаяся молодежь, – писал он, – стремимся к тому, чтобы трудиться на благо отчизны и своего народа, чтобы вывести афганцев из темницы незнания и невежества, чтобы искоренить до конца существующие в народе недостойные обычаи и пороки, чтобы послать на работу молодых бездельников и лентяев, чтобы мыслить свободно без постороннего вмешательства и самим определять, что нам приемлемо и что не подходит, чтобы предоставить женщинам их законные права, чтобы стать опорой для своего суверенного правительства, чтобы подорвать основы взяточничества, вероломства и угнетения, чтобы содействовать развитию отечественной промышленности и ремесел, чтобы использовать национальные богатства для процветания и блага народа, чтобы способствовать всестороннему прогрессу Афганистана и создать афганскому народу новую жизнь». [3]

На первых порах их деятельность проходила в рамках просветительства. Однако вскоре эти рамки стали для них узкими и они перешли на позиции открытого политического критицизма и буржуазного реформаторства. В 1949 году «вишзальмиянцы» приняли участие в выборах в парламент и провели в его нижнюю палату – Народный совет седьмого созыва – несколько своих депутатов (Г.П.Ульфат, А.Хабиби, М.Г.М.Губар, А.Махмуди и др.). Вместе с другими представителями демократических кругов – членами парламента – они образовали в нем свою фракцию, назвав ее Национальным фронтом (видимо, следуя примеру Национального фронта Мосаддыка в иранском межджисе). Их реформаторские взгляды разделяли в нижней палате из 120 ее членов, по крайней мере, от 40 до 50 депутатов. [4] С парламентской трибуны они критиковали деятельность правительства, обвиняли высокопоставленных должностных лиц, в частности министров общественных работ, финансов и экономики, в казнокрадстве, злоупотреблениях властью, коррупции, алчности, корыстолюбии и пренебрежении к нуждам народа, требовали разделения трех ветвей власти, введения свободы печати и проведения реформ в общественно-политической сфере, разоблачали антиафганский, расточительный и малоэффективный характер деятельности американской ком-

пани «Моррисон-Надсен», строившей на р. Гильменд ирригационную систему, и т.д.

Под давлением радикальной оппозиции правительство в январе 1951 года было вынуждено сделать ей уступку и принять Закон о печати, согласно которому в стране разрешалось издание частных (независимых) газет и журналов и отменялась предварительная цензура. Месяц с небольшим спустя «Виш зальмиян» приступила к изданию газеты «Ангар» (издатель и главный редактор – Файз Мухаммад Ангар; газета выходила два раза в неделю на языках дари и пушту). [5] В передовой статье первого номера газеты ее главной целью провозглашалось служение народу. Программные установки движения были изложены в статьях Н.М.Тараки «Желания народа. Чего мы хотим?» и Абдуррахмана Махмуди «Чего мы хотим?», а также в публикациях А.А.Кохзада, А.Бенава, Бабрака Гостали и других. Основными их требованиями являлись: установление в стране режима конституционной монархии и демократии, формирование национального правительства, ответственного перед парламентом, создание и свободное функционирование легальных политических партий (по выражению Н.М.Тараки, «партий патриотического толка», а А.Махмуди – «национально-демократических партий»), проведение свободных выборов в парламенте, создание условий для широкого участия народа в государственных делах, запрещение средневековых пережитков в сфере социальных и производственных отношений, улучшение жизни трудовых слоев населения, пробуждение сознания народа, в том числе молодежи.[6] При этом большие надежды возлагались на созданный в апреле 1950 года Союз студентов Кабульского университета, одним из основателей которого и его активным членом был будущий студент юридического факультета Бабрак Кармаль (см. о нем Приложение б).

Для «Виш зальмиян» центральной во внешнеполитической области являлась пуштунская проблема, приобретающая особую остроту с разделом британской Индии на Пакистан и Индийский Союз и игнорированием Англией требования афганского правительства о предоставлении зарубежным братьям-пуштунам права на самоопределение. Данная проблема еще больше обострилась с появлением государства Пакистан, который не только отверг право пуштунского народа на самоопределение, но и начал жестоко подавлять его национально-освободительное движение. «Вишзальмияновцы», выступая в защиту пакистанских пуштунов, в принципе разделяли политику своего правительства, однако требовали принятия им по этой проблеме более решительных внешнеполитических мер. Их беспокоила также и неурегулированность афгано-иранских разногласий по проблеме использования вод реки Гильменд.

Весной 1951 года возникли другие политические движения, стоявшие на близких к «Виш зальмиян» идейных и политических позициях. Их участники группировались вокруг независимых газет «Ватан» («Родина») и «Нидайи хальк» («Голос народа»), издававшихся в Кабуле, соответственно с 21 марта и 1 апреля 1951 года. Издателем «Ватан» и главным идеологом этой группировки являлся известный историк, участник младоафганского движения 20-х годов, советник министра информации и печати, депутат парламента Мир Гулям Мухаммад Губар. Ядро движения составляли президент исторического общества Ахмад Али Кохзад, Мир Мухаммад Сиддик Фарханг (главный редактор «Ватан» с 10 июля 1951г.), писатели Али Ахмад Наими и Абдул Халим Атефи, генерал Фатех Мухаммад (Фыркмышр), журналист Хоруш (главный редактор «Ватан» с 1 по 16 номера), советник премьер-министра Абдулхай Азиз, преподаватели Кабульского университета Фарук Эттемади и Абу Бакр, директор энциклопедического общества «Ариана» Али Асгар Шоа, поэт Сарвар Джуя, маулана Фазль Раби, Сеид Мухаммад Афган и др. [7]

Основателем, лидером и главным идеологом группировки «Нидайи хальк» был врач, депутат парламента Абдуррахман Махмуди. Кроме него, в ее руководство входили чиновник министерства финансов Мухаммад Наим Шаян, инженер Вали Мухаммад Атаи (главный редактор «Нидайи хальк»; зять А.Махмуди), врач Насрулла Юсуфи, братья А.Махмуди – врач Абдурахим Махмуди, лейтенант Мухаммад Аман Махмуди и чиновник министерства связи Мухаммад Азим Махмуди, чиновник департамента печати Мухаммад Юсуф Аина. [8]

Активисты «Ватан» и «Нидайи хальк» в выступлениях с трибуны парламента и на страницах своих печатных органов отличались, по сравнению с «Виш зальмиян», более выраженным радикализмом и большим вниманием как к внутренним социально-экономическим проблемам, так и к вопросам внешней политики страны. Их предложения в социально-экономической сфере сводились по существу к ускорению государственно-капиталистического развития страны путем ограничения концентрации капитала в частных руках, усиления вмешательства государства в экономику, введения монополии на внешнюю торговлю, стимулирования сельскохозяйственного производства через изменение системы землевладения (правда, этот тезис ими не конкретизировался), государственное кредитование крестьянства и создание крестьянских кооперативов. Они призывали отменить бегар и незаконные привилегии и установить в обществе равенство и социальную справедливость. Большое внимание уделялось ими проблеме жизни социальных низов. В области внешней политики они выступала в поддержку национально-освободительных движений, в том числе зарубежных пуштунов и белуджей, против колониализма и сохранение и укрепление афганского нейтралитета. [9] Однако при всей новизне и остроте своих программных требований оппозиционные группировки не ставили своей задачей коренное изменение существовавшего строя, а их деятельность не выходила за рамки умеренных, эгалитарных призывов.

В июле 1951 года на базе движения «Нидайи хальк» была создана политическая партия «Хальк» («Народ»). Ее председателем стал Абдуррахман Махмуди, а секретарем – Мухаммад Наим Шаян. Просуществовав до весны следующего года, партия в своей деятельности, однако, не вышла за пределы столицы и осталась по составу немногочисленной и организационно не оформленной.

Кульминация в деятельности демократической оппозиции пришлась на весну 1952 года, когда в стране состоялись выборы в нижнюю палату парламента восьмого созыва. В ходе подготовки к ним она встретила резкое противодействие как со стороны властей, так и консервативно-клерикальных кругов. Последние в ряде мест, особенно в Кабуле, прибегали к физической расправе над сторонниками оппозиционных группировок, проводившими предвыборную кампанию, срывали их встречи с избирателями. В феврале,

накануне выборов, по указанию правительства была закрыта газета «Ватан» – последняя из оставшихся частных изданий (другие оппозиционные газеты под разными предложениями – угроза общественной безопасности, антиконституционные действия и т.п. – были запрещены еще ранее: газета «Ангар» – в апреле, а «Нидайи хальк» – в июле 1951 года). Заблокирована, а затем и была запрещена деятельность Союза студентов Кабульского университета. Практиковались многочисленные аресты представителей прогрессивной интеллигенции. В такой обстановке ни один из кандидатов от оппозиции не прошел в парламент. В ответ на это в апреле 1952 года лидеры демократических группировок организовали в Кабуле массовую демонстрацию и митинг своих сторонников. К ним присоединились столичное студенчество и учащаяся молодежь. Властям был заявлен решительный протест против вмешательства в избирательную кампанию и фальсификации результатов выборов.

Правящая династия, усмотрев в этом выступлении угрозу устоям власти, обрушила на оппозицию жестокие репрессии. Против демонстрантов были брошены войска. Деятельность всех демократических течений и группировок была запрещена. По западным данным, аресту подверглись 25 наиболее активных и видных лидеров движения. [10] Большинство из них было приговорено к длительным срокам тюремного заключения, в том числе самая, пожалуй, яркая фигура леводемократического крыла буржуазно-демократического движения 1947-1952 годов Абдурахман Махмуди, генерал Фатех Мухаммад, С.Джуя, Хаджи Дост Мухаммад, Барат Али Тадж, маулана Кази Бахрам, А.Тохи – к 9,5 годам, М.Г.М.Губар, А.М.Хоруш, А.Х.Атефи, М.Н.Шаан, М.Аман Махмуди, М.М.С.Фарханг, Бабрак Кармаль – к 4 годам и т.д. [11] После разгрома движения другие его участники пошли на соглашательство с властями, третьи, разочаровавшись в своих былых иллюзиях, отошли от активной политической деятельности.

Однако, несмотря на поражение этого первого в стране в послевоенный период демократического движения, оно имело несомненное значение для последующего общественного развития Афганистана. Указанное движение обогатило его участников определенным опытом политической борьбы и, что самое главное, положило начало консолидации общественных сил на основе демократических ценностей, а также подготовило наиболее радикально настроенные элементы к постепенному переходу в будущем к новому, качественно отличному от прежнего политическому мышлению.

С разгромом в 1952 году оппозиции в Афганистане наступил период временного, относительного затишья в открытой внутривнутриполитической борьбе, продолжавшийся до начала 60-х годов. Это было во многом связано с приходом к власти в сентябре 1953 года правительства во главе с двоюродным братом короля сардаром Мухаммадом Даудом (см. о нем Приложение б) и провозглашением им так называемой политики «руководимой экономики». Политически активная афганская демократическая общественность горячо приветствовала планы нового премьера по ускорению экономического развития страны и преодолению ее вековой отсталости. Особенно восторженно она встретила его обещания реформировать политические институты Афганистана и демократизировать общественную жизнь.

При реализации своей экономической программы М.Дауд рассчитывал получить широкую иностранную финансовую и технико-экономическую помощь. Однако западные страны, прежде всего США, обусловили предоставление такой помощи разного рода политическими требованиями, вроде: вступлением Афганистана в создаваемые Западом на Ближнем и Среднем Востоке военные блоки; признанием «линии Дюранда» государственной границей Афганистана с Пакистаном; предоставлением Соединенным Штатам Америки территории страны для строительства аэродромов и других военных объектов; сокращением торговли с Советским Союзом и восточноевропейскими странами на основе принятого в США в 1951 году закона «О взаимном обеспечении безопасности» и т.д.

Афганские правящие круги отчетливо понимали, что принятие этих требований неизбежно повлечет за собой утрату страной своей государственной независимости. В связи с этим Афганистан, оберегая свой суверенитет, вынужден был пойти на широкое торгово-экономическое сотрудничество с Советским Союзом и странами Восточной Европы, которые в обмен на такую помощь не выдвигали каких-либо предварительных политических условий. По просьбе Афганистана в январе 1954 г. Советский Союз предоставил ему кредит в сумме 3,5 млн. долл. на весьма выгодных условиях (3 % годовых и с выплатой традиционными товарами афганского экспорта – хлопком и шерстью) для строительства хлебозавода, элеватора и мельницы в Кабуле и одного элеватора в Пули-Хумри, в октябре этого же года – еще 2,1 млн. долл. для сооружения асфальтобетонного завода, поставки дорожно-строительных машин, оборудования, автомобилей и оказания технического содействия в благоустройстве столицы и других городов, а в декабре 1955 года в ходе визита в Кабул советской правительственной делегации – долгосрочный кредит в размере 100 млн. долл. на развитие афганской экономики.

В рамках провозглашенной политики «руководимой экономики» Афганистан с 1956 года приступил к осуществлению первого пятилетнего плана экономического развития. Около 70 % всех внешних займов и кредитов, потребовавшихся по этому плану, были получены от социалистических стран, в основном СССР. Советский Союз обязался предоставить Афганистану финансовое и материально-техническое содействие в строительстве 16 различных объектов, в том числе гидроэлектростанций в Наглу и Пули-Хумри, Джангалакского авторемонтного завода в Кабуле, завода азотных удобрений в Мазари-Шарифе, трех плотин, Желалабадского ирригационного комплекса с гидроэлектростанцией, госфермами и разветвленной инфраструктурой, аэродромов в Кабуле и Баграме, автомагистрали через Гиндукуш, речного порта Кызылкала (Шерхан) и других. Кроме того, советская сторона предоставила Афганистану долгосрочный (на 50 лет), беспроцентный кредит в сумме 15 млн. долл. на проведение геологопоисковых, разведочных и аэрофотосъемочных работ на нефть и газ в его северных провинциях. [12] В целом, по западным данным, советская экономическая помощь Афганистану в 1953-1963 годах составила почти 400 млн. долл. В 50-начале 60-х годов успешно развивались советско-афганские отношения также в сфере торговли, подготовки национальных кадров, культуры и науки. Советский Союз занимал первое место в общем внешнеторговом обороте Афганистана: к 1963 году доля СССР в импорте Афганистана составляла 53 %, а

в экспорте – 31 %. [13]

Что касается западной помощи Афганистану, то она заметно уступала по размерам советской и предоставлялась в основном на краткосрочной основе, под высокие проценты (от 3 до 7,5 % годовых) и с условием погашения кредитов в валюте. Так, американская помощь этой стране в 1950-1959 годах оценивалась в 148,3 млн. долл., в то время как советская за этот же период достигала уже 246,2 млн. долл. [14]

В начале 1955 года правительство М.Дауда вступило в переговоры с Советским Союзом по вопросу получения военной помощи. Для афганского правительства правовую основу под этот вопрос подвела Лоя джирга, состоявшаяся в Кабуле в ноябре 1955 года. В условиях угрозы независимости Афганистана она рекомендовала правительству «любыми возможными средствами, любым доступным честным способом укрепить и вооружить страну в целях ее обороны». [15] С 1956 года Афганистан начал получать широкую советскую военную помощь, не связанную никакими политическими или иными условиями. Поставки боевой техники и вооружения осуществлялись на концессионной основе из расчета оплаты половины или даже четверти их стоимости. Кроме того, Советский Союз в течение 1953-1963 годов оказал этой стране помощь в строительстве военной инфраструктуры, в частности военных аэродромов в Баграме, Кабуле и Мазари-Шарифе, систем связи и коммуникаций и т.д. Все это позволило Афганистану в короткие сроки реорганизовать и модернизировать свою армию и таким образом заметно укрепить обороноспособность страны перед лицом неприкрытого военно-политического давления и шантажа извне.

Военная помощь, в том числе и присутствие советских военных специалистов в стране (в то время их было не более 150 человек) и подготовка афганских военных кадров в советских военно-учебных заведениях, не означали ни в коей мере превращение Афганистана в сателлита Советского Союза. Афганистан оставался независимым, нейтральным и неприсоединившимся государством. Как бы там его недруги из конъюнктурных соображений ни утверждали обратное, он в 50-60-х годах проводил самостоятельную, отвечающую национальным интересам внешнюю политику, чем снискал уважение и авторитет на международной арене и внутри страны. К началу 60-х годов страна поддерживала дипломатические отношения с более чем 40 странами. Единственной нерешенной внешнеполитической проблемой, постоянно омрачавшей отношения Афганистана с его восточным соседом, была проблема Пуштунистана. Правительство М.Дауда, последовательно выступая в поддержку национально-освободительной борьбы зарубежных пуштунов, исходило из формулы непризнания Пуштунистана частью Пакистана без согласия на то самих пуштунов.

К началу 60-х годов Афганистан сделал заметный шаг вперед в своем экономическом развитии. Внутренняя и внешняя политика правительства М.Дауда, особенно в первые годы его правления, получила в целом поддержку всех слоев формировавшегося класса буржуазии и широких кругов афганской общественности. Все это, вместе взятое, способствовало установлению в стране относительной внутривнутриполитической стабильности и некоторому расширению социальной базы режима.

Однако в начале 60-х годов, несмотря на некоторые несомненные сдвиги в хозяйственном строительстве и осуществлении ряда социально-экономических преобразований (создание государственных кредитных учреждений, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, введение государственной монополии на торговлю рядом важных экспортных и импортных товаров, усиление таможенного и валютного контроля, расширение сети общего и профессионального образования, снятие чадры женщинами и т.д.), отчетливо обнаружилась ограниченность внутренней политики правительства М.Дауда, его нежелание (или неспособность) сколько-нибудь реформировать отжившую систему политических институтов и демократизировать общественную жизнь, облегчить положение широких трудовых слоев населения страны, в первую очередь беднейшего крестьянства и лиц наемного труда. Страна по-прежнему оставалась экономически отсталой; остро ощущались нерешенность аграрного и национального вопросов, нехватка продовольствия и рост безработицы. В связи с этим усилилось недовольство не только среди трудящихся низов, но и среди мелкой и средней буржуазии, чья предпринимательская деятельность серьезно сдерживалась сохранением архаичных, докапиталистических форм собственности и социальных отношений. М.Дауд стал неумолимо терять поддержку среди либерально-буржуазных и прогрессивных кругов страны, составлявших, пожалуй, самую значимую для него социальную опору с момента его вступления в должность премьера в 1953 году. В оппозиции к М.Дауду стояла и клерикальная элита, не раз предпринимавшая во второй половине 50-х годов против него заговоры и открытые выступления. Недовольство его внутренней и внешней политикой выражали также наиболее консервативные слои афганского общества, придерживавшиеся прозападной ориентации. Они резко критиковали правительство за ухудшение афгано-пакистанских отношений и ограничение связей с западными странами, а также даудовскую политику вмешательства в экономику.

Все годы пребывания у власти М.Дауд подвергался давлению и обструкции со стороны его противников при дворе: клана маршала Шах Вали (дяди короля), тесно связанного с консервативно-клерикальными кругами страны, и группировки самого короля Захир-шаха и наследного принца Ахмад Шаха. Король, наблюдая за ростом влияния и популярности в стране своего энергичного двоюродного брата и сосредоточением в его руках всей исполнительной власти, не без оснований опасался за судьбу трона. Конфликт между ними приобрел особенно острый характер с начала 60-х годов, когда в стране стали все громче раздаваться требования о реформе политической системы. М.Дауд предложил королю пересмотреть конституцию и создать двухпартийную систему правления, при которой правительство формировалось бы на партийной основе и подчинялось парламенту, а король, передав свои функции представительным органам власти, выполнял бы лишь церемониальные обязанности по типу английской монархии и олицетворял единство нации. Захир-шах не мог, естественно, согласиться на предлагаемую ему номинальную роль в государстве. Он и его группировка, поддержанная кланом Шах Вали, склонялись к необходимости допустить в известных пределах легальное функционирование политических партий и организаций, несколько расширить права парламента при сохранении верховной власти монарха и предоставить населению более

широкие права и свободы. [16]

Отказавшись принять предложение М.Дауда относительно реформы политической системы страны, король не оставил ему места в высших эшелонах власти. Следует заметить, что уход строптивого М.Дауда с политической арены отвечал самым сокровенным желанием Захир-шаха избавиться от своего потенциального соперника и, наконец-то, добиться свободы действий для себя как главы государства. В сложившейся ситуации М.Дауд, лишившись поддержки «справа» и «слева», а также и «сверху», вынужден был в марте 1963 года уйти в отставку.

Пришедший ему на смену новый кабинет министров во главе с таджиком Мухаммадом Юсуфом, стремясь найти и дать адекватный ответ общественным настроениям, выступил с широкоэшелонными заявлениями относительно готовности провести модернизацию государственного управления и демократические преобразования, внести определенные изменения в экономическую жизнь страны и нормализовать афгано-пакистанские отношения, разорванные в сентябре 1961 года.

Первым делом весной 1963 года правительство М.Юсуфа при посредничестве иранского шаха нормализовало афгано-пакистанские отношения. В сфере экономики оно взяло курс на более широкое стимулирование и поддержку частного предпринимательства, выдвинув вместо политики «руководимой экономики» политику «руководимой смешанной экономики». В политической области главное внимание было уделено разработке новой конституции. Ее подготовка заняла 1,5 года. В августе 1964 года она была опубликована для всеобщего ознакомления, в сентябре принята Лоя джиргой, а 1 октября утверждена и введена в действие королем.

Новая конституция Афганистана подтвердила конституционно-монархический строй государства. [17] Король, объявленный «воплощением национального суверенитета», «защитником основ священной религии ислам» и «средоточием национального единства», наделялся широкими полномочиями в области законодательной, исполнительной и судебной властей. Одним из новшеств конституции явилось запрещение членам королевской семьи занимать посты в парламенте, правительстве и Верховном суде, а также участвовать в деятельности политических партий (ст. 24). Данная конституционная норма была явно направлена против М.Дауда, чтобы окончательно лишить его возможности заниматься политикой. В конституции предусматривалось впервые в истории Афганистана разделение трех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной (ст. 97). Гражданам страны предоставлялись широкие права и свободы: неприкосновенность личности, жилища и собственности, свобода передвижения и выбора места жительства, свобода мысли и слова, печати, переписки, собраний, равенство всех подданных перед законом, право на труд и бесплатное образование и т.п. (ст. 25-40). Конституция декларировала право на создание обществ и политических партий при условии, если их задачи, идеи и деятельность не будут противоречить положениям Основного закона.

В соответствии с новой конституцией некоторые изменения претерпел и парламент. Он предусматривался в составе двух палат: «Вулуси джирги» (Народной джирги) и «Мышрано джирги» (Джирги старейшин). Обе палаты (за исключением одной трети членов «Мышрано джирги», назначаемой королем) избирались населением на основе всеобщих тайных и прямых выборов. Впервые афганский парламент получил право контроля за деятельностью правительства, в том числе и выражать ему вотум недоверия (ст. 65 и 89).

Конституция 1964 года открыла для Афганистана десятилетие бурных политических событий и перемен, получившее в исторической литературе название «демократического эксперимента».

2.2. Создание НДПА. Проблемы стратегии и тактики. Газета «Хальк»

«Дух перемен», привнесенный «сверху» в общественно-политическую жизнь страны, и начатая вскоре новым правительством практическая реализация программных установок (разработка законов о печати, выборах и политических партиях; предоставление льгот национальному частному предпринимательству; возобновление нормальных афгано-пакистанских отношений и т.д.) всколыхнули широкие круги афганской общественности и послужили толчком для активизации деятельности различных политических сил.

Огромное воздействие на их взгляды и настроения в этот период оказывали также факторы внешнего порядка, прежде всего широкий размах и успехи национально-освободительной борьбы в афро-азиатском и других регионах мира, растущая популярность среди радикальных кругов афганского общества социалистических идей. В создавшейся обстановке оппозиционное движение в Афганистане, в отличие от выступлений демократической общественности страны в 1947-1952 годах, стало постепенно принимать общенациональный характер.

В условиях почти поголовной неграмотности и политической пассивности социальных «низов», особенно сельского населения, выразителем общественных настроений этого времени становятся городские средние слои – низшие и средние прослойки интеллигенции и чиновничества, студенчество, мелкая, а также средняя буржуазия. Первой формой собрания и идейной подготовки радикальной части указанных слоев явились тайные кружки, возникшие в 1963 году. [18] К началу 1965 года их число достигло 30 в составе примерно 50-70 человек.

С самого начала своего возникновения они группировались преимущественно вокруг двух центров, лидерами и признанными авторитетами которых были Нур Мухаммад Тараки и Бабрак Кармаль. Формирование кружков во избежание их провала и гонений со стороны властей происходило, как правило, по принципам родства, землячества, племенной и национальной принадлежности. При этом кружки, входившие в сферу влияния Н.М.Тараки, объединяли в своих рядах главным образом представителей низших прослоек пуштунской интеллигенции и чиновничества, тесно связанных с афганскими родоплеменными структурами и трудящимися слоями общества. Что касается кружков, действовавших под руководством

Б.Кармалю, то они изначально комплектовались в основном за счет представителей верхних и средних эшелонов городской интеллигенции, госслужащих и студенчества – выходцев из национальных меньшинств, а также городских таджикизированных пуштунов. Национальные и социальные различия в структуре двух центров уже на стадии их кружковой деятельности и особенно в последующем, в рамках НДПА, явились одной из причин взаимной неприязни, вражды и острого соперничества.

Руководителем кружка являлся назначаемый секретарь. В деятельности кружков главное внимание уделялось изучению марксистской теории и анализу на этой основе внутреннего и международного положения страны. Собрания (занятия) кружка проводились регулярно, как правило, каждую неделю. Обычно на обсуждение членов кружка выносились такие вопросы: обмен мнениями по международному положению на основе прослушивания передач зарубежных радиостанций, прежде всего программ Народной партии Ирана (Туде) «Вестник Ирана» и Московского радио; обсуждение и анализ событий внутри страны, особенно политики правящих кругов и деятельности политической оппозиции, включая и параллельных леводемократических группировок; заслушивание доклада-сообщения и дискуссия по какому-либо теоретическому вопросу (тема и основной докладчик определялись заранее). Материалы для доклада и дискуссии брались в основном из книги В.Г.Афанасьева «Основы философских знаний», журналов «Дония» (Туде) и «Проблемы мира и социализма»; сообщение членов кружка о их беседах с коллегами по работе по актуальным проблемам афганской действительности и о предпринятых мерах по вовлечению в движение новых членов.

По признанию бывших кружковцев, идейно-политический уровень занятий в целом был крайне низок и примитивен, а выбор тем для дискуссий носил бессистемный и случайный характер. Руководство кружков видело эти недостатки и слабости и стремилось компенсировать их путем установления контактов с Народной партией Ирана, в частности через посредство сотрудника министерства информации Афганистана Мухаммада Наима Шаяна, и получения от нее не только политической литературы, но и практической помощи со стороны ее пропагандистских кадров. Контакты с НПИ имели позитивное влияние на идейное становление афганской революционной демократии. Вместе с тем, как справедливо отмечал В.В.Басов, некоторые неправильные установки НПИ, например, о роли национальной буржуазии в революционной борьбе, элементы сектантства и догматизма в работе с массами в последующем негативно сказались на деятельности НДПА. [19]

По мере расширения и активизации деятельности кружков среди представителей радикальной интеллигенции стало постепенно крепнуть стремление к их объединению и созданию основ будущей партии. Определенная часть революционно-демократических кругов уже в тот период склонялось к идее создать партию марксистского характера.

Первая попытка объединить упомянутые кружки и на их базе создать партию под названием «Объединенный национальный фронт Афганистана» (ОНФА) была предпринята в сентябре 1963 года. В инициативное политическое ядро по организации партии, названное «Руководящим комитетом» («Комитайи сарпараст»), вошли известный афганский общественный деятель и историк Мир Гулям Мухаммад Губар, писатель Нур Мухаммад Тараки, сотрудник министерства планирования Бабрак Кармаль, офицер полиции Мир Акбар Хайбар, сотрудник исследовательского отдела Кабульского университета Мухаммад Тахер Бадахши, [20] профессор Кабульского университета Али Мухаммад Зохма, [21] президент горного департамента министерства горных дел и промышленности Мир Мухаммад Сиддик Фарханг. Активное участие в усилиях по созданию ОНФА принимали доктор Абдурахим Махмуди, чиновник Гулям Джелани Бахтари (двоюродный брат Б.Кармалю), редактор журнала «Кабул» Мухаммад Сиддик Рухи, сотрудник МИДа Афганистана Шах Мухаммад Дост и другие.

Указанные лица, собранные волею судьбы и времени под одной «крышей» Руководящего комитета, придерживались, однако, различных взглядов по вопросам о путях и средствах решения социально-экономических и политических проблем развития страны, а также и по вопросам о характере и программе будущей партии. Значительная часть членов и активистов Руководящего комитета, составлявших его буржуазно-демократическое и либеральное крыло, выступала за парламентские формы борьбы и создание демократической партии, которая бы объединяла в своих рядах патриотически настроенную интеллигенцию, крестьян, рабочих, ремесленников и национальную буржуазию. Вместе с тем они не возражали против того, чтобы в руководящее ядро такой партии вошли и коммунистические элементы. Революционно-демократическое крыло Руководящего комитета (Н.М.Тараки, Б.Кармаль, М.А.Хайбар, М.Т.Бадахши) и его сторонники, составлявшие численное меньшинство среди учредителей партии, ратовали за создание коммунистической партии и за использование в общественно-политической деятельности всех возможных средств борьбы, какие могли бы потребоваться в конкретных условиях страны. [22]

Программные установки ОНФА, носившие буржуазно-демократический характер, включали: ликвидацию в стране остатков феодализма; демократизацию государственного строя в рамках конституционной монархии; обеспечение национального равноправия, свободы личности, слова, собраний, профсоюзной деятельности и создание крестьянских союзов; издание прогрессивного закона о труде и внедрение принципов социального страхования рабочих; расширение народного образования; усиление роли государства в развитии экономики; обеспечение всеобщих и обязательных выборов в парламент при тайном голосовании; обеспечение равноправия мужчин и женщин; укрепление национального суверенитета; проведение борьбы за мир, против проявления колониализма, в поддержку прав народа Пуштунистана на самоопределение. [23]

Активизация деятельности оппозиционных сил, в том числе и левого направления, серьезно беспокоила правящие круги. Последние при изложении намечавшихся программ преобразований стали широко апеллировать к политической активной части интеллигенции и студенчества, стремясь заручиться ее поддержкой и склонить к сотрудничеству с властями и таким образом приостановить нарастание напряженности в общественных отношениях. Наряду с этим, дворцовая аристократия во главе с дядей короля мар-

шалом Шах Вали и консервативно-клерикальные круги начали оказывать в разных формах давление на оппозицию и ее видных деятелей.

Все это, вместе взятое, не могло не отразиться на позициях и поведении представителей буржуазно-демократического и либерального крыла оппозиционного движения. Многие из них стали склоняться к сотрудничеству с властями и поддержке правительственных программ преобразований, в которых увидели возможность реализовать на деле свои взгляды и убеждения. В дальнейшем некоторые из них отошли от политической деятельности (М.Г.М.Губар), другие же приняли предложение двора об участии в разработке проекта конституции и других законов и заняли высокие государственные посты (М.С.Фарханг, С.Сельджуки и др.). Позднее ряд из них стали депутатами парламента. В связи с прекращением деятельности буржуазных демократов в рамках Руководящего комитета практически были сведены на нет усилия по созданию ОНФА, который так и не стал реальностью политической жизни афганского общества. Однако работа, проведенная Руководящим комитетом, не была бесполезной: в его рядах четко определились два далеко не схожих подхода к характеру и формам борьбы будущей партии, разработаны ее основные программные установки, выяснены идейные расхождения между умеренной и радикальной частями демократической оппозиции и приобретен определенный опыт по вопросам организации партии.

Радикальные элементы и после размежевания с умеренными деятелями не отказались от намерения создать свою политическую организацию и упорно продолжали усилия в этом направлении. Их решимость довести задуманное до его логического завершения еще больше укрепилось в связи с обещанием правящих кругов страны разрешить деятельность политических партий и организаций и особенно после утверждения в начале октября 1964 года новой конституции, которая декларировала право подданных Афганистана на создание политических партий. [24]

По мысли участников кружков, группировавшихся вокруг Н.М.Тараки, создаваемая партия должна была быть «партией рабочего класса, вооруженной научной идеологией». [25] Вскоре, однако, для прогрессивной общественности страны стало совершенно очевидным, что правящая верхушка Афганистана, едва приоткрыв дверь для либерализации режима, не намерена была пускать за порог оппозиционные демократические силы, тем более левого толка, и позволять ни при каких условиях легального существования их партий и организаций. Данное обстоятельство, а также отсутствие закона о политических партиях заставило леводемократические элементы создать и провести учредительный съезд партии в нелегальных условиях.

I Учредительный съезд Народно-демократической партии Афганистана состоялся 1 января 1965 года в столичном районе Шер Шахмина (другое название этого района – Картайи чар), в доме Н.М.Тараки. На съезд было избрано 30 делегатов от 30 кружков, изучавших марксистскую теорию, [26] а именно: Нур Мухаммад Тараки, Бабрак Кармаль, Мухаммад Тахер Бадахши, Гулям Дастигир Панджшер, Шахрулла Шахпар, Султан Али Кештманд, доктор Салех Мухаммад Зерай, Мир Акбар Хайбар, Абдул Карим Мисак, доктор Акбар Шах Вали, доктор Мухаммад Захер Задран, Абдул Ваххаб Сафи, Сулейман Лайек, Нур Ахмад Нур, Мухаммад Хасан Барек Шафии, Акрам Каргар, Мулла Иса Каргар, Абдул Хади Карим, Мухаммад Захер Офок, Абдул Хаким Шараи Джаузджани, Абдул Хаким Халали, Вакиль Абдулла Джаджи, Нурулла Колали, Адам-хан Джаджи, Гулям Мохиддин Зармати, Ата Мухаммад Шерзай, Абдул Каюм Кавили, инженер Халияр, Абдул Кудус Горбанди, Мухаммад Исмаил Данеш. [27] Большинство из них являлись руководителями (секретарями) кружков. В работе съезда приняли участие лишь 27 делегатов. Трое из избранных делегатов (М.А.Хайбар, М.И.Данеш и А.Г.Горбанди) по разным причинам не смогли прибыть на съезд.

Делегаты Учредительного съезда представляли 15 провинций страны (Кабул, Пактию, Газни, Лагман, Парван, Кандагар, Герат, Майдан, Бадахшан, Фарьяб, Кунар, Фарах, Джаузджан, Логар, Тахар). Социально-классовый состав участников съезда был довольно однородным: 25 человек принадлежали к интеллигенции и лишь двое (Мулла Иса Каргар и Акрам Каргар) – к рабочим. Их национальный состав характеризовался следующими данными: 12 человек являлись пуштунами, 9 – таджиками, 3 – узбеками и 3 – хазарейцами. Среди делегатов съезда не было ни одного военного, хотя к этому времени в армии уже действовала тайная военная организация, стоявшая на одинаковых с НДПА идейных позициях. По соображениям безопасности, в работе съезда не участвовал и избранный его делегатом офицер полиции М.А.Хайбар. [28] Трое делегатов являлись офицерами запаса и в отставке. В числе участников съезда было 19 человек с высшим образованием (все они окончили в разное время тот или иной факультет Кабульского университета, как-то: медицинский (4 чел.), филологический (6 чел.), богословский (3 чел.), экономический (3 чел.), юридический (2 чел.) и сельскохозяйственный (1 чел.). Остальные имели среднее, начальное или частное образование. Средний возраст делегатов съезда составлял 28-30 лет.[29]

Съезд начал свою работу в 14.00 и завершил ее в 2.00 ночи. Первое заседание съезда открыл М.Т.Бадахши, который после представления делегатам Н.М.Тараки и Б.Кармалю предложил избрать председателем съезда Адам-хана Джаджи, а его заместителем – А.Х.Шараи Джаузджани. Председательствующий после короткой вступительной речи предоставил слово Н.М.Тараки для доклада «Об историческом развитии Афганистана и о значении создания в стране прогрессивной партии». Последний во время выступления развернул над трибуной красный флаг, что всеми присутствующими было встречено горячими аплодисментами. Затем с докладом «О современном положении Афганистана и задачах группы «Прогресс» [30] выступил Б.Кармаль. [31]

Важное место в представленных съезду докладах было отведено обоснованию идейно-политической платформы создаваемой партии, кратким оценкам истории борьбы афганского народа за независимость против британских колонизаторов и влияния внешних факторов на успех этой борьбы в новейшее время, а также анализу внутреннего положения страны и роли политических кружков в пробуждении сознания народа. Особое внимание было уделено раскрытию тенденций мирового развития в условиях существования социалистического содружества. Подчеркивалось влияние Октябрьской революции в России на на-

ционально-освободительную борьбу народа Афганистана и значение бескорыстной технико-экономической Советского Союза и других социалистических стран для преодоления вековой отсталости афганского государства. Нельзя не заметить, что авторы докладов при анализе и оценках современной исторической обстановки в Афганистане и в мире исходили из выводов Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 года, а также концептуальных положений по проблемам национально-освободительного движения, изложенных в Программе КПСС, принятой на XXII съезде в 1961 году. [32]

В докладе Н.М.Тараки были определены характер, цели и задачи создаваемой партии. Она мыслилась как партия рабочего класса и трудящихся страны, призванная вести борьбу за идеологию этого класса и быть составной частью рабочих партий мира. В качестве непосредственной задачи партии выдвигалась задача «собрать вокруг себя трудящихся, интеллигенцию, обучить их идеологии рабочего класса» и на этой основе организовать борьбу в Афганистане за интересы трудящихся. Стратегическим лозунгом партии провозглашалось «построение в стране общества, свободного от эксплуатации человека человеком». [33] 11 лет спустя, в 1976 году, фракция «Хальк» в брошюре «О Народно-демократической партии Афганистана» несколько по-иному, с известной поправкой на время, излагала программные установки, одобренные I Учредительным съездом партии. В частности, в ней утверждалось, что «первый съезд НДПА учредил коммунистическую партию Афганистана» и что «съезд поставил перед собой конечную цель – построение социалистического общества в Афганистане на основе творческого учета общих закономерностей и революционных принципов марксизма-ленинизма в конкретных условиях страны». Далее заявлялось, что «НДПА с самого начала своего существования... борется за осуществление антифеодальной, антиимпериалистической и демократической революции», победа которой «является стратегической целью партии». [34]

Н.М.Тараки, выступая по организационным вопросам, изложил основные принципы программы и устава партии, разработанных в общих чертах еще Руководящим комитетом в его первоначальном составе, и предложил назвать партию «Народно-демократической партией Афганистана». Наряду с этим, Б.Кармалем было высказано другое предложение: назвать организацию «Прогрессивной партией Афганистана». Однако оно не получило на съезде широкой поддержки.

После обсуждения докладов и выступления Н.М.Тараки делегаты съезда единодушно согласились принять за основу предложенные принципы программы и устава партии и поручили комиссии в составе Б.Кармала, Г.Д.Панджшери, М.Т.Бадахши и доктора А.Шах Вали разработать проекты указанных документов с учетом высказанных на съезде мнений и предложений. [35] Затем участники съезда тайным голосованием избрали ЦК НДПА в составе 11 человек, в том числе членами ЦК Н.М.Тараки, Б.Кармала, М.Т.Бадахши (сотрудник исследовательского отдела Кабульского университета), С.А.Кештманда (сотрудник министерства горных дел и промышленности), Ш.Шахпара (сотрудник министерства сельского хозяйства), С.М.Зерая (преподаватель медицинского факультета Кабульского университета), Г.Д.Панджшери (сотрудник министерства информации) и кандидатами в члены ЦК – А.В.Сафи (чиновник министерства сельского хозяйства), А.Шах Вали, М.З.Задрана (преподаватели медицинского факультета Кабульского университета) и А.К.Мисака (служащий техникума завода «Джангалак»). Таким образом, вышший руководящий орган НДПА, избранный Учредительным съездом, был представлен в социальном плане лицами из числа мелкобуржуазной интеллигенции и государственных служащих, а в национальном отношении – пуштунами (4 чел.), таджиками (4 чел.), хазарейцами (2 чел.) и одним узбеком. Съезд принял также текст письма НДПА к народу Афганистана, написанный Б.Кармалем, Г.Д.Панджшери, М.Т.Бадахши и М.Х.Бареком Шафи.

После завершения работы съезда состоялся пленум ЦК партии, на котором присутствовали все делегаты съезда. На нем первым секретарем ЦК партии единогласно был избран Н.М.Тараки, а его заместителем – Б.Кармаль.

Во исполнение решения Учредительного съезда партия развернула работу по расширению и организационному укреплению своих рядов. В составе ЦК НДПА были созданы постоянные комиссии по основным направлениям его деятельности: организационная, теоретическая, финансовая и контрольная. Заседания ЦК проводились регулярно, один раз в неделю. Уже к ноябрю 1965 года было образовано 17 партийных комитетов в Кабуле и 9 – в провинциях. Кроме того, были созданы инициативные группы в городах Кундузе, Хосте, Газни, Герате и Шибиргане. Однако основной сферой интересов и деятельности партии по-прежнему оставались столичная городская интеллигенция, государственные служащие, студенческая и учащаяся молодежь. Рабочих, крестьян и ремесленников в партию вовлекалось крайне мало. В 1967 году в рядах партии насчитывалось 515 членов, а к лету 1968 года уже более 1,5 тысяч членов. [36] Наиболее крупные организации действовали в Кабульском университете, Кабульском политехническом институте (КПИ), лицее «Хабибия» (здесь уже к концу 1965 г. было около 30 членов партии). В КПИ секретарем ячейки был Наджмуддин Кавьяни, а среди ее членов – З.Размджу, А.Остовар, Э.Васель, Х.Карим, Асадулла Руг и др.

В рассматриваемый период, как и на этапе кружковой деятельности, организации НДПА и созданная при ЦК комиссия по идеологии большое внимание уделяли идейно-политической учебе партийцев, ознакомлению их с основами философии, политэкономии, научного социализма и вопросами текущей политики. Предпринимались также попытки разобраться в вопросах теории и практики национально-демократической революции, концепции государства национальной демократии, теории некапиталистического развития. Представляется, что именно с этой целью Н.М.Тараки по своей личной инициативе совершил в конце 1965 года поездку в СССР. Как признавали позже в частных беседах партийные активисты тех лет, глубоко понять и осмыслить указанные проблемы и вопросы теории им все же не удавалось из-за отсутствия в их распоряжении оригинальных научных трудов, нехватки политической литературы и квалифицированных пропагандистов. Таких хорошо подготовленных и популярных лекторов

пропагандистов, как Мир Акбар Хайбар, в партии были считанные единицы. Политическая учеба продолжала носить бессистемный характер. Какой-либо принятой программы занятий и лекционной пропаганды у партии не было. Существенным недостатком являлось также то, что партия и после своего создания во многом сохраняла кружковые формы пропаганды и организации и не перешла к широкой агитации среди трудящихся масс, что не могло не ограничивать сферу ее влияния и ее социальную базу.

Весной 1966 года, в соответствии с накануне принятым Законом о печати, НДПА получила разрешение на издание газеты «Хальк» («Народ») – первого печатного органа ЦК партии (подробно о «Хальк» и ее публикациях см. ниже). Следует заметить, что, наряду с «Хальк», в первой половине этого года в столице начали издаваться еще четыре частные газеты, имевшие разную политическую и социально-классовую окраску и направленность. [37]

В первом, сдвоенном, номере «Хальк», вышедшем из печати 11 апреля 1966 года на языках пушту и дари, была опубликована программа партии, названная по соображениям конспирации «Демократической программой Хальк» (имелась в виду газета «Хальк». – М.С.). Она была разработана комиссией во главе с Б.Кармалем с учетом взглядов и идей, высказанных на I Учредительном съезде партии, дополнена членами ЦК НДПА и единогласно утверждена на расширенном пленуме ЦК партии. [38] Эпиграфом для нее были взяты слова: «Во имя беспредельных страданий угнетенных народов Афганистана».

Программа включала введение и четыре раздела, в которых раскрывались и обосновывались программные установки партии в политической, экономической, социальной и культурной областях.

Во введении был дан краткий анализ внутренней и международной обстановки и сформулированы принципиальные оценки и программные лозунги партии. В нем было отмечено, что общественно-экономической строй страны является феодальным и что народы Афганистана и их передовые представители с момента восстановления независимости в 1919 году «вели героическую борьбу за ликвидацию феодальных порядков, абсолютизма и внутренней реакции, за искоренение влияния колониализма и империализма». Однако эта борьба, указывается в документе, потерпела временное поражение из-за отсутствия благоприятных внутренних и международных условий и в результате феодалам и их правящим кругам удалось сохранить власть в своих руках, что в дальнейшем «привело к обострению основного противоречия между крестьянами и феодалами, противоречия между народами страны и империализмом». [39]

На основе анализа общественного развития Афганистана и с учетом позитивных сдвигов, происшедших в мире после второй мировой войны, в программе был сделан вывод о том, что в стране «появились реальные возможности для освобождения от оков феодальной реакции, воздействия факторов колониализма и империализма» и разрешения указанного выше основного противоречия на путях реализации Демократической программы Хальк под руководством прогрессивных и патриотических сил.

Развивая далее данный тезис, программа называла главной причиной отсталости страны, нищеты, невежества и страданий афганского народа политическое и экономическое господство класса феодалов, крупных купцов-спекулянтов и компраторов, прогнивших бюрократов и представителей международных империалистических монополий и предлагала в завуалированной форме заменить мирным путем существующий несправедливый общественный порядок и избрать некапиталистический путь развития. В качестве средства решения данной задачи и стратегической цели национального и общедемократического движения объявлялось создание правительства национальной демократии. Социальной опорой такого правительства, по мнению авторов программы, должен был стать «объединенный национальный фронт всех прогрессивных, демократических и патриотических сил, то есть рабочих, крестьян, прогрессивной интеллигенции, ремесленников, мелкой буржуазии (мелких и средних собственников) и национальной буржуазии, которые ведут... борьбу за национальную независимость, демократизацию общественной жизни и доведение до конца демократического, антиимпериалистического и антифеодального движения».

Программа, формулируя свою позицию во внешнеполитической области, дала высокую оценку и выразила поддержку решениям Лоя джирги 1955 года, определившим основные принципы внешней политики Афганистана: нейтралитет, миролюбие и мирное сосуществование, антиколониализм и антиимпериализм, неприсоединение к военным блокам.

В политическом разделе программы были сформулированы важнейшие задачи, которые предстояло решать с созданием национально-демократического правительства, а именно:

1) защита территориальной целостности, политической независимости, экономической самостоятельности и национального суверенитета Афганистана;

2) сосредоточение всей полноты власти в руках народа и укрепление народовластия в форме правительства национальной демократии;

3) избрание «Шура» («Совета»), высшего законодательного органа, из представителей всех слоев и классов населения страны на основе всеобщих, равных, свободных и прямых выборов, при тайном голосовании;

4) обеспечение независимого характера судебной системы и ведения судопроизводства на основе соблюдения демократических принципов;

5) создание условий, при которых народы страны могли бы пользоваться широкими демократическими, политическими и гражданскими правами: свободой мысли и слова, печати, собраний, создания политических партий и профсоюзов, правом на забастовки и демонстрации, свободой передвижения, выбора профессии, работы и места жительства, личной неприкосновенности, равным правом на занятие государственных должностей, правом избирать и быть избранными по достижении 18 лет в любые демократические органы без какой-либо дискриминации по признакам пола, национальности, места рождения, вероисповедания, убеждений, образования, характера работы и имущественного положения и т.д.

В числе других задач большое внимание было уделено решению национального вопроса. Отметив существование в Афганистане значительных ограничений прав и свобод и дискриминации по национальному признаку, программа предусматривала в качестве одной из обязанностей национально-

демократического правительства принятие неотложных мер по объединению и сплочению всех народностей и племен Афганистана «на основе обеспечения интересов угнетенных классов, принципов братского равенства и всесторонней борьбы против любых проявлений национального гнета». Наряду с этим, выдвигалась идея пересмотреть административное деление страны с учетом экономических, языковых и культурных особенностей ее отдельных районов, а также решить языковую проблему.

Программа резко осудила навязанную британскими колонизаторами так называемую «линию Дюранда» и отторжение от Афганистана части его территории и заявила о поддержке национально-освободительного движения народа Пуштунистана и его права самому решать свою политическую судьбу.

В международной области Демократическая программа Хальк выступила за «проведение независимой и активной миролюбивой внешней политики и приверженность курсу позитивного нейтралитета с правом свободного выбора», в защиту всеобщего мира и политики мирного сосуществования, за установление дружественных, равноправных и взаимовыгодных связей со всеми народами, политическими кругами и правительствами, за укрепление и расширение тесных дружественных отношений с передовыми странами, противодействие всем агрессивным военно-политическим блокам и союзам, в поддержку Организации Объединенных Наций, борьбы за упрочение всеобщей безопасности, разоружение под полным международным контролем, против колониализма, неоколониализма и империализма, в поддержку национально-освободительных и прогрессивных движений в мире.

В экономическом разделе программы было заявлено, что Афганистан, обладая богатыми природными и людскими ресурсами, «может в короткие сроки поднять жизненный уровень народа, обеспечить его продуктами питания, одеждой и жильем и открыть доступ к образованию и медицинскому обслуживанию». Однако, по мнению издателей программы, огромной преградой на пути быстрого роста производительных сил и экономического развития страны стали феодальный строй и его феодальные и дофеодальные производственные отношения, жестокая эксплуатация и угнетение народных масс. Чтобы в кратчайшие сроки, еще при жизни одного поколения, покончить с вековой отсталостью Афганистана, превратить его в промышленную страну и обеспечить ее экономический подъем и социальный прогресс, необходимо, подчеркивается в документе, «изменить существующий порядок и вместо отживших несправедливых отношений... ввести новую систему национальной экономики (основанную на новых справедливых отношениях) в интересах производителей материальных благ».

В связи с этим предлагалось в рамках некапиталистического пути развития осуществить «в качестве большой национальной и гуманистической задачи» систему экономических мероприятий, которые обеспечили бы быстрое развитие национальной экономики на основе государственного планирования и дальнейшего укрепления и расширения госсектора. В области развития национальной промышленности предусматривались: индустриализация страны на основе новой техники и за счет государственного капиталовложения и иностранных займов и помощи; поощрение частных и смешанных частно-государственных капиталовложений под руководством государства в развитие легкой промышленности и установление ответственности правительства за защиту отечественных (государственных и частных) промышленных товаров от конкуренции с аналогичными товарами иностранного производства; оказание покровительства ремесленному производству и льготное кредитование ремесленников через их кооперативы.

Принимая во внимание остроту и значение решения аграрно-крестьянского вопроса для судеб страны и ее народа, составители программы отвели в ней особое место изложению и обоснованию аграрной платформы партии. Ее главным пунктом была идея осуществить в Афганистане демократическую земельную реформу как условие, которое могло бы обеспечить «социально-экономический прогресс и демократизацию общественной жизни, развитие производительных сил и ликвидацию отживших производственных отношений в сельском хозяйстве страны». Коренные аграрные преобразования мыслилось провести «на основе социальной справедливости, с участием всех крестьян и непосредственно в интересах малоземельных и безземельных землевладельцев, путем введения прогрессивного и демократического законодательства», которое аннулирует всю феодальную систему и ее институты, искоренит эксплуатацию и нищету трудящихся крестьян и высоко поднимет сельскохозяйственное производство в стране. Среди других мер в аграрной сфере программа предлагала оказание помощи и поддержки мелким и средним землевладельцам, гарантирование им права собственности, ликвидацию в соответствии с законом задолженности крестьян ростовщикам, освоение целинных земель с целью создания на них больших государственных ферм или передачи этих земель в пользование сельскохозяйственных кооперативов малоземельных и безземельных крестьян и кочевников, создание потребительских, сбытовых и производственных крестьянских кооперативов и предоставление им необходимых льгот по приобретению сельскохозяйственных машин, инвентаря и химических удобрений, установление справедливых цен на сельскохозяйственную продукцию, улучшение семеноводства и агрономической помощи, учреждение по линии государства крупного сельскохозяйственного банка и предоставление крестьянам долгосрочных ссуд и кредитов на льготных условиях, осуществление ирригационного строительства и т.д.

Программа намечала целый ряд мероприятий по улучшению положения скотоводов-кочевников, в частности ликвидацию в сфере скотоводства отживших дофеодальных отношений и эксплуатации пастухов, создание скотоводческих кооперативов и оказание им ветеринарной и другой помощи, обустройство пастбищ, улучшение пород скота т.д. В качестве важнейшей социальной задачи выдвигались перевод кочевников на оседлость и улучшение их жизненных условий, а также решение на демократических началах проблемы их племенного уклада жизни.

Касаясь сферы торговли, программа подвергла резкому осуждению деятельность в Афганистане иностранных торговых фирм, местных купцов-спекулянтов и компрадоров и возложила на них вину за ввоз в страну предметов роскоши и непромышленных товаров в обмен на вывоз сырья, за растративание национальных богатств и утечку капиталов за рубеж и ущерб, наносимый ими развитию национальной промышленности и укреплению экономической независимости. Для преодоления указанных пороков на-

ционально-демократическому правительству предлагалось национализировать внешнюю торговлю, установить контроль над торговлей путем введения протекционистских мер, расширить меновую (бартерную) торговлю и ввоз в страну машин и технического оборудования. В области внутренней торговли и финансов предполагалось стабилизировать рыночные цены, принять меры к удовлетворению нужд населения в товарах первой необходимости и защите интересов мелких и средних торговцев перед крупными купцами и компрадорами, снять тяжелое бремя косвенных налогов с плеч народа, расширить систему прямого прогрессивного налогообложения и на основе социальной справедливости возложить его на состоятельные слои и классы общества.

Социальные требования НДПА охватывали широкий круг вопросов и включали: обеспечение всем способным трудиться право на труд при получении соответствующей заработной платы, достаточной для удовлетворения материальных и духовных нужд; право на отдых при 42-часовой рабочей неделе для всех категорий рабочих и на получение ими ежегодного оплачиваемого отпуска; право всех трудящихся на пенсию по возрасту, болезни и инвалидности; запрещение использования труда детей моложе 15 лет; создание профессиональных союзов; учреждение нейтральных судов с участием в них представителей рабочих для разбора конфликтов между рабочими и работодателями и наблюдение за правильным применением законов о труде; строительство удобного и дешевого жилья для всех обездоленных слоев и классов в городе и деревне и принятие мер по недопущению непомерно высокой платы за наем жилья, дуканов и т.п.; создание демократических союзов женщин и устранение дискриминации женщин в сфере труда и заработной платы, предоставление им 80-дневного оплачиваемого отпуска перед и после рождения ребенка; охрану здоровья матери и ребенка; реорганизацию государственного управленческого аппарата; борьбу против самоуправства и беззакония, недисциплинированности, взяточничества, бюрократизма, волокиты, деспотизма и казнокрадства высокопоставленных должностных лиц; создание компетентных политических судов с открытым и беспристрастным судопроизводством; пересмотр и отмену всех законов и установлений, которые противоречат интересам народа и демократии; введение бесплатного медицинского обслуживания, подготовку медицинского персонала и создание широкой сети медицинских и оздоровительных учреждений и, наконец, решительную борьбу с суевериями, употреблением опиума, чарса и алкоголя, проституцией и другими проявлениями моральной распушенности.

В области культуры программа НДПА призывала к развитию национальной культуры и просвещения масс и ознакомлению их с передовой современной мировой культурой, чему, как отмечено в этом документе, «постоянно мешали правящие реакционные, феодальные классы, преследуя свои узкокорыстные цели». Объявив своей целью осуществление в стране «культурной революции», авторы программы выдвинули следующие конкретные требования: осуществление повсеместно в Афганистане всеобщего, обязательного бесплатного начального образования на родном языке, начиная с 7-летнего возраста (мальчиков и девочек), без какой-либо дискриминации; проведение в жизнь обязательного бесплатного среднего образования; обеспечение для учащихся – выходцев из трудящихся слоев населения всех районов страны – возможности получения специального, среднего и высшего образования с предоставлением им стипендий и общежитий; принятие мер к расширению сети университетов и научно-исследовательских учреждений, оказание помощи ученым, писателям и работникам искусств; сохранение исторических памятников, развитие музейного дела и археологических исследований; расширение международных культурных связей; осуществление «всеобщего джихада» против неграмотности; развитие спорта и расширение сети культурно-просветительских учреждений; нравственное и духовное воспитание учащейся и студенческой молодежи; принятие решительных мер с целью развития языков и культуры различных племен и народностей, особенно в отсталых провинциях страны, и обеспечение их социально-экономического подъема; расширение и развитие свободных и демократических средств массовой информации.

Заключая изложение программных установок партии, их авторы выразили поддержку ценностям и демократическим целям новой конституции страны (1964 г.) и заявили: «На данном историческом этапе мы решительно боремся мирным и открытым путем за создание правительства национальной демократии и за некапиталистический путь развития на основе прогрессивной идеологии и научного мировоззрения... не упуская из виду своей конечной цели и перспективы общественного развития, коей является построение социалистического общества». Они призвали все прогрессивные и демократические силы, всех подлинных патриотов и сторонников программы «объединиться в рядах демократического движения Хальк и бороться за претворение в жизнь его целей и задач.

Создание НДПА явилось, несомненно, выдающимся событием афганской истории второй половины XX в., знаменовавшим собой появление в стране совершенно новой общественно-политической силы, которая впервые открыто, с позиций революционного демократизма выступила за интересы широких народных масс и социальный прогресс. Социально-классовые акценты в лозунгах и деятельности партии стали наглядным свидетельством начавшегося в стране процесса деления и поляризации общественно-политических сил по классовому признаку, являющемуся, по выражению В.И.Ленина, «самым глубоким основанием политической группировки». [40] Необходимо еще раз подчеркнуть, что организационное оформление рядов леводемократических сил и выработка идейных основ партии были исторически обусловлены и тесно связаны со всем предшествующим социально-экономическим и политическим развитием Афганистана, с опытом и традициями демократического движения в стране, особенно в послевоенный период, и огромным воздействием внешних факторов на взгляды и настроения передовой афганской общественности.

С обнародованием программы НДПА общественно-политическая жизнь Афганистана обогатилась новым содержанием и перспективой. Поэтому не случайно, что партия и ее программные лозунги сразу же оказались в фокусе широкого общественного внимания и идеологической борьбы, симпатий и антипатий различных слоев и классов и политических сил страны, в том числе и правящей верхушки. Если для демократически настроенных сил Афганистана содержание программы и ее аргументация стали своеобразным

путеводителем в их пропагандистской и политической деятельности, то для консервативно-клерикальных, правых кругов – объектом злобных нападок и дискредитаций. Повышенный интерес к НДПА начал проявляться и за рубежом, особенно по мере развертывания ею организаторской, пропагандистской и парламентской деятельности.

Коренным положением, выдвинутым в программе партии и определившим по существу все ее содержание, была идея создания национально-демократического правительства, опирающегося на широкий объединенный национальный фронт прогрессивных, патриотических и демократических сил общества и выражающего интересы широкого спектра социально-классовых сил от рабочих и крестьян до национальной буржуазии. Как уже было сказано, в тот период НДПА исходила из возможности мирного перехода власти от бюрократических и торгово-помещичьих кругов к национально-демократическому правительству. Вместе с тем следует заметить, что, хотя партия в своем программном документе и не упоминала слово «революция», однако ее установки о необходимости «ликвидации феодальной системы и ее институтов», «осуществления аграрных преобразований на основе социальной справедливости», «искоренения эксплуатации трудового крестьянства» [41] и т.п. означали фактически призыв к социальной революции и радикальному изменению существующего строя. Заслугой НДПА явилось также то, что, выдвигая некапиталистический путь развития в качестве альтернативы для избавления афганского народа от нищеты и отсталости, она отвергала хищнический капитализм как общественную систему и считала ее неприемлемой для Афганистана.

На основе анализа конкретно-исторических условий и выяснения социально-классового содержания национально-демократического движения в Афганистане авторы программы впервые в афганской политической литературе дали расшифровку понятия «народ» («хальк»), включив в него те слои и классы общества (крестьян, рабочих, прогрессивную интеллигенцию, ремесленников, мелкую и среднюю национальную буржуазию), которые по своему объективному положению были заинтересованы и способны принять участие в решении задач национально-демократической революции. Отсюда вполне логично, почему слово «хальк», несущее указанную смысловую нагрузку, вошло в название «Народно-демократической партии Афганистана».

Нужно отдать должное авторам программы в том, что они при анализе социально-экономической и политической ситуации в стране смело критиковали реакционные и абсолютистские круги, обвиняя их в удушении в прошлом прогрессивных движений, возлагали на них ответственность за нищету, беды и страдания афганского народа и подавление гражданских свобод и требовали принятия мер для изменения существовавших тогда несправедливых порядков. [42]

В целом программа НДПА по своему содержанию носила революционно-демократический характер. Примечательно, что программные установки партии шли несравненно дальше расплывчатых требований оппозиционных группировок конца 40-начала 50-х годов. На сей раз демократические круги апеллировали непосредственно к трудящимся слоям и классам и выступали как защитники их интересов.

Однако легально изданный манифест партии как первый документ подобного рода в истории становления афганской революционной демократии не был лишен ряда ошибочных оценок и трактовок, поверхностных суждений, элементов догматизма и сектантства, торопливости и необоснованности в выдвигании лозунгов политической борьбы. Это проявилось, в частности, в упрощенном толковании социально-классовой структуры населения страны, неучете фактора незавершенности процессов классового образования и массового деклассирования, преувеличении степени феодальности афганского общества, [43] умалении роли и влияния буржуазии, игнорировании традиционных структур и институтов, их роли и места в политической борьбе (родоплеменной организации и сохраняющегося влияния ее верхушки, механизма джирг и племенной демократии, приверженности традициям, средневековым обычаям и религии) и т.д.

Авторы программы, о чем говорилось выше, придерживались мнения о существовании в Афганистане феодальной системы и класса феодалов и его определяющем месте в социальной структуре общества. В действительности же крупные афганские землевладельцы (малеки), являвшиеся по преимуществу абсентеистами, ко второй половине 60-х годов XX в. уже утратили прежний, классический облик феодала и в большинстве своем сочетали феодальные методы эксплуатации крестьян-издольщиков с буржуазным предпринимательством, бизнесом, торговлей, ростовщичеством, государственной службой. Они к этому времени представляли из себя в собственном смысле слова не «класс феодалов», а некий переходный социальный слой, являющийся одновременно носителем пережитков феодализма и адептом современных экономических укладов. Двойственность их социального положения обусловила противоречивость их мировоззрения и политического поведения. С одной стороны, они, связанные с феодальными формами эксплуатации, выступали против прогрессивных преобразований, ущемлявших их традиционные права, с другой, будучи вовлеченными в сферу капиталистического производства и рынка, отстаивали свободу частного предпринимательства и интересы национальной буржуазии перед иностранным монополистическим капиталом.

То, что авторы программы «не заметили» указанной двойственности социального положения и политического поведения крупных земельных собственников (малеков) не было случайным и проистекало из догматического подхода к анализу социально-классовой ситуации в стране, недооценки роли и влияния буржуазии и стремления отмежеваться от патриотически настроенных имущих слоев общества во имя сохранения мнимой «классовой чистоты» и «революционности» партии, что на деле вело к сужению социальной базы общедемократического движения. Что касается программного лозунга НДПА о ликвидации класса феодалов и феодализма, [44] то он логически не вытекал из конкретно-исторических условий страны и не мог способствовать привлечению обуржуазившихся крупных земельных собственников к участию в объединенном национальном фронте. В связи с этим данный основополагающий и важнейших лозунг, как он представлен в программе партии, «не работал» на успех национально-демократической революции и нуждался в определенной корректировке, заключавшейся в необходимости перенесения акцен-

та на борьбу «против средневековых остатков» [45] в деревне и пережиточных форм эксплуатации наемного труда.

Далекими от действительности и теоретически ошибочными были и положения программы о том, что-де в Афганистане «капиталистические отношения находятся в своем зародышевом состоянии», а «укрепление и расширение госсектора экономики... препятствует развитию капитализма» [46] в стране. Недооценка уровня развития афганского капитализма неизбежно порождала умаление роли и влияния буржуазии в общедемократическом движении, а в практике борьбы приводила к отрицанию связей и сотрудничества с ее политическими группировками. В результате погрешностей в расшифровке социально-классовой структуры и уровня социально-экономического развития афганского общества остались в программе партии невыясненными и вопросы о гегемонии в демократическом движении, конкретных принципах аграрных отношений, формах собственности.

Постановка национального вопроса в программе, безусловно, свидетельствовала о понимании афганскими революционными демократами важности и сложности этого явления в социальной жизни Афганистана. Предлагавшиеся в программе меры в данной области при определенных обстоятельствах, разумеется, вполне могли бы содействовать известному оздоровлению отношений между народами и племенами страны. Однако эти меры все же носили ограниченный характер и по существу сводились лишь к закреплению законодательным путем равенства всех этнических групп, населяющих страну, и улучшению административного деления государства с учетом национального фактора. [47] Вместе с тем авторы программы упускали основное условие для установления подлинного национального равенства, а именно: экономической и культурный аспекты – выравнивание уровня экономического и культурного развития различных районов страны, населенными национальными меньшинствами и пуштунскими племенами. Не был раскрыт в программе и тезис о путях решения языковой проблемы.

Если не считать общей констатации о необходимости «решения проблемы кочевников и племенного уклада на демократических началах», [48] в программе не нашел отражения такой исключительно важный и болезненный феномен афганского общества, как родоплеменная система, охватывающая больше половины населения страны, с ее влиятельными ханами, старейшинами и авторитетами, как правило, экономически господствующую верхушку афганской деревни. Отсутствие у партии четкой выработанной и правильной политики в отношении родоплеменной организации, а затем, после апреля 1978 года, бездумное покушение центральной власти на земельную собственность ее верхушки, а также грубое вторжение в самобытный, веками устоявшийся образ жизни племен обернулись трагическими последствиями для национально-демократического режима.

Не был поставлен в программе НДПА также и вопрос об отношении партии к религии, верующим и духовенству. Игнорирование партией этого острого для мусульманского общества вопроса может показаться по меньшей мере странным, если смотреть на данное упущение программы с позиции так называемого «исламского бума», охватившего «мир ислама» с конца 70-х годов. Однако тогда, в 50-первой половине 60-х годов, в этом ничего необычного не было, поскольку «исламский фактор» еще не играл той активной роли в общественно-политической жизни стран Востока, которую он приобрел в последующем. Вследствие этого в программных документах международного коммунистического и рабочего движения, откуда афганская революционная демократия черпала свои идейно-политические взгляды и оценки, вопрос о роли и месте религиозного фактора в национально-освободительном движении того времени вообще не ставился, как, впрочем, и не ставился применительно к освободившимся странам вопрос о соотношении светского и религиозного начал в революционно-демократической идеологии. На взгляды афганских левых относительно религии, несомненно, повлияла широко распространенная в марксистской литературе тех лет односторонняя трактовка религии как «антинаучной и реакционной идеологии» и как орудия «в политическом и идеологическом арсенале империализма». [49] В практическом плане умолчание НДПА по поводу религии сделало ее идейную платформу крайне уязвимой в противоборстве с правыми консервативно-клерикальными кругами, не преминувшими незамедлительно выдвинуть по ее адресу обвинение в «безбожии» и «вероотступничестве».

К другим слабостям программы НДПА можно было бы отнести элементы риторики и декларативности, встречающиеся в ряде ее мест, нечеткость формулировок, выдвижение заведомо преждевременных лозунгов для этапа национально-демократической революции вроде «ликвидации эксплуатации трудового крестьянства», осуществления «культурной революции в стране», «введения обязательного и бесплатного среднего образования» [50] и т.п.

Разработав и обнародовав свою программу, НДПА приступила к широкому разъяснению в стране идеологической платформы, целей и задач партии, сплочению своих приверженцев в единую общенациональную организацию и организационно-идейному укреплению партийных рядов, развитию политического сознания масс, защите своих идейных взглядов, обличению произвола властей и несправедливого общественного устройства, пропаганде идей интернационализма.

Важнейшую роль в реализации указанных намерений должна была сыграть газета «Хальк», объявившая себя, как было указано в подзаголовке ее названия, «выразительницей народно-демократических взглядов». Ввиду существовавшего в стране запрета на деятельность политических партий газета формально считалась частным изданием, отражавшим взгляды определенного политического течения в обществе. Ее издателем и председателем редакционной коллегии стал Нур Мухаммад Тараки, а главным редактором – поэт Мухаммад Хасан Барек Шафии, незадолго до занятия этого поста редактировавший журналы «Жвандун» (издание газеты «Анис») и «Пуштун жаг» (печатный орган управления «Радио Афганистана»). [51] В авторский актив газеты входили Б.Кармаль, С.Лайек, Г.Д.Панджшери, М.Т.Бадахши, Нур Ахмад Нур, А.Х.Шараи Джаузджани и другие. По своему внешнему оформлению газета «Хальк» отличалась от других частных и официальных периодических изданий тем, что ее название и подзаголовок печатались красным цветом. [52] Она выходила один раз в неделю (по понедельникам) на четырех полосах малого

формата. Ее материалы печатались на языках дари и пушту, а некоторые стихи – на узбекском и туркменском. Тираж первых номеров газеты составлял 20 тысяч экземпляров, а в последующем – до 10 тысяч, что было внушительным не только по сравнению с частными газетами того времени, но и с официальными, тираж которых, как правило, не превышал 3-4 тысяч. Передовые статьи газеты, написанные на языке пушту, принадлежали перу Н.М.Тараки. [53]

Среди первых публикаций газеты «Хальк» внимание читателей, безусловно, привлекла статья «Владимир Ильич Ленин: 96 годовщина со дня рождения». Примечательным здесь было не столько то, что она помещалась в центре первой полосы, хотя и это само по себе уже говорило о многом, а то, что издатель газеты впервые в истории афганской легальной прессы открыто выразили свои глубокие симпатии вождю Октябрьской революции, подчеркнули историческое значение его идей для национального и социального освобождения народов и дали восторженную оценку его роли в установлении равноправных отношений между двумя соседними странами, в закладывании основ и традиций советско-афганской дружбы. [54]

Несомненный интерес для политизированной афганской общественности представляли и другие публикации газеты. К ним относились, в частности, статьи Б.Кармалы «Пути и средства осуществления чаяния народа от Вулуси джирги». В первой из них, опубликованной в третьем, четвертом и пятом номерах газеты от 25 апреля, 2 и 9 мая 1966 года, раскрывались причины, побудившие демократические круги общества приступить к изданию своего печатного органа, а также обосновывалась «историческая необходимость создания политической организации нового типа». [55] Выступая от имени прогрессивных и патриотических кругов страны, автор не без оснований и гордости заявил, что они «впервые в истории национальных движений Афганистана... творчески разработали и обнародовали Демократическую программу Хальк, положив в ее основу научное мировоззрение». Разъясняя их взгляды о формах и перспективах движения, он указал, что «в современных условиях, характеризующихся коренными изменениями в соотношении международных сил, возрастающим влиянием научного мировоззрения и благоприятной внутренней обстановкой, прогрессивные, демократические силы народа Афганистана... получили возможность уже в настоящее время путем открытой мирной, законной, парламентской и народной борьбы претворить в жизнь свои идеалы, довести до окончательной победы демократическое, антифеодалное и антиимпериалистическое движение, сформировать классовое сознание трудящихся масс народа и выработать чувство организатора у нового, передового класса истории». [56]

«Следуя научным принципам и опираясь на анализ конкретных объективных и субъективных, национальных и международных условий Афганистана, а также используя демократические достоинства конституции, – писал далее Б.Кармаль, – представители демократического движения Хальк вот уже в течение трех лет ведут работу по созданию организации, ярким олицетворением которой является газета «Хальк». [57] Это было первое с момента Учредительного съезда НДПА открытое признание в прессе факта становления в стране нелегальной политической партии. В данном процессе, по мысли автора, решающую роль должен был сыграть партийный печатный орган. Перефразируя классическое ленинское высказывание о высшем назначении партийной газеты, Б.Кармаль подчеркнул, что «газета «Хальк» должна стать не только коллективным пропагандистом и агитатором среди масс, но и коллективным организатором-вожаком трудовых, народно-демократических слоев». [58]

Издание газеты, говорилось в статье, преследует в общенациональном масштабе следующие цели: пропаганду, популяризацию и разъяснение содержания Демократической программы Хальк; пропаганду и распространение научного мировоззрения как оружия в классовой борьбе за освобождение трудящихся и как цельной и стройной системы философских и социально-политических взглядов; показ бедственного положения угнетенных народов Афганистана и разоблачение тирании и гнета господствующих классов и их апологетов; пробуждение классового, политического и общественного сознания народа; сплочение всех прогрессивных, демократических сил, всех истинных патриотов страны в рамках единого движения и одной общественно-политической, народно-демократической организации и обеспечение ее единства в организационном и идеологическом отношениях. «В этом, – заключает автор статьи, – состоит в общих чертах логичный ответ на вопрос, почему демократическая газета «Хальк» стала издаваться как общенациональный печатный орган». [59]

В упомянутой статье довольно подробно были изложены взгляды и представления афганских революционных демократов относительно «политической организации нового типа». По их мнению, она призвана вести политическую, экономическую и идеологическую борьбу, выступать за освобождение народа от гнета и эксплуатации и привести на смену старому правительству новое – слугу трудового народа. Автор статьи, анализируя внутривнутриполитическую ситуацию в Афганистане, пришел к выводу, что здесь в середине 60-х годов XX в. уже имелись благоприятные предпосылки для создания и деятельности партии трудящихся, и снова подтвердил, что в рядах демократического движения появилась и вышла на арену борьбы «подлинно авангардная, прогрессивная группировка». [60] Вместе с тем в статье было справедливо обращено внимание на пороки и слабости движения и его сторонников. Чтобы организация могла выполнить свое историческое предназначение, признавалась настоятельная необходимость покончить с такими присущими им чертами, как «кружковщина, мелочность, беспринципность, малодушие, шатания и феодальный эгоизм». [61]

Принимая во внимание низкий уровень идейной зрелости участников движения, газета стремилась вооружить их теоретически, расширить их политический кругозор, тесно увязать между собой вопросы теории и революционной практики, познакомить массового читателя с научной общественно-политической терминологией. С этой целью, наряду с аналитическими статьями, на ее страницах систематически печатались разделы «Общественная терминология» (автор – М.Т.Бадахши), «Наука и новая философия», «Слова и термины в Демократической программе Хальк». В них кратко, в популярной форме разъяснялись такие понятия, как «философия», «идеология», «методология», «диалектика», «метафизика», «клас-

совое деление» (общества), «классовые слои», «классовая прослойка», «классовые противоречия», «классовая партия», «народ», «народный фронт», «государственный сектор» (экономики) и др. [62]

Ряд материалов газеты был посвящен показу бедственного положения трудящихся, обличению произвола властей, анализу международных событий и проблем антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы в мире и регионе. Газета регулярно публиковала подборки лозунгов демократического движения (подобно: «Защита демократии – задача каждого прогрессивного и свободного человека», «Демократия для всех, но не для какого-то особого класса» и др.), а также стихи на национальных языках Афганистана с ярко выраженным социально-политическим и гражданским содержанием, принадлежавшие перу известных афганских поэтов С.Лайека, Барека Шафии и др.

Следует отметить, что выход в свет каждого номера газеты «Хальк» становился заметным событием в общественной жизни страны, прежде всего столицы. Ее публикации, носившие, как правило, критический, обличительный характер, вызывали широкий резонанс среди афганской общественности: одни их горячо принимали и поддерживали, другие – отвергали и предавали анафеме. Последних, среди которых особенно усердствовали правые консервативно-клерикальные круги, явно пугали общественная активность газеты и рост ее популярности в народе, пропаганда левых идей и взглядов, призывы к реформированию социально-экономических и политических устоев государства. Газета и демократическое движение, которое она представляла, буквально сразу же после выхода ее первых номеров стали подвергаться острым нападениям их противников как в частной, так и в официальной прессе. Главными тезисами в арсенале этих нападок было обвинение газеты и движения как «незаконных и импортированных извне» и «противоречащих нормам ислама». [63] Цели недругов газеты были совершенно очевидными: дискредитировать данное издание и леводемократические круги в целом и устранить их из политической жизни страны.

В этих условиях издатели «Хальк», не рискуя утратить доверие к себе со стороны соотечественников-мусульман, вынуждены были перейти от умолчания по поводу религиозного фактора (что было, как уже говорилось, характерно для программы партии) к изложению своих взглядов по данной, далеко не второстепенной для афганского общества проблеме. В газете появился ряд материалов по религиозной проблематике. В одном из них, озаглавленном «Восстание Хусейна», партийный печатный орган фактически повторил широко распространенную среди исламских богословов и историков оценку имама Хусейна (внука пророка Мухаммеда) как «борца за справедливость, за права угнетенных и униженных». Далее, охарактеризовав руководимое Хусейном восстание против Омейядов за халифский престол как «революционное движение», а погибших в битве при Кербеле его сторонников как «героев павших за правое дело» и как «вдохновляющий пример для борцов за освобождение народа», газета выразила надежду, что в современных условиях «мусульмане-последователи Хусейна и его великого предка смело включатся в борьбу против деспотии и реакции». [64]

В другой, довольно пространной статье, занявшей целую газетную полосу и озаглавленной «Ислам – Основной закон – конституционная монархия», были решительно отмечены все обвинения в адрес газеты и подчеркнуто, что Демократическая программа Хальк и публикации газеты не только не противоречат исламу, конституции и конституционно-монархическому строю, но, наоборот, находятся в полном соответствии с ним. В заключение статьи газета писала: «мы с уважением относимся ко всем национальным и религиозным ценностям своего народа». [65]

В борьбу с НДПА, кроме ортодоксальных служителей культа и властей, включились и светские правые круги. Среди них была и небольшая группа буржуазно-националистической интеллигенции во главе с известным художником и литератором Сеид Мукаддас Негахом. 11 мая 1966 года она начала издавать в Кабуле частную газету «Мардом» (в переводе с дари – «Народ», с оттенком «все люди»). Ее название, подзаголовок («Орган подлинных чаяний народа»), содержание передовицы первого номера, озаглавленной «Демократическое чаяние народа», – все это говорило о нескрываемом намерении издателя противопоставить свою газету печатному органу НДПА «Хальк» и дискредитировать программу, идеи и взгляды последней. Кредо «Мардом» сводилось к следующим основным положениям: «классовая борьба усложняет путь к прогрессу и возрождению»; «любая мысль о революции и беспорядках несовместима с исламом и афганизмом»; «выбор пути развития страны ни в коем случае не должен быть связан с «историей социализма и развитием капитализма»; «Афганистан для Афганистана»; необходимо «крестьянина превратить в помещика, а рабочего приблизить к работодателю» и т.п. [66]

Ответом газеты «Хальк» на атаки противников леводемократического движения явилась ее статья под названием «Хальк» защищает себя», написанная в форме интервью некоего нейтрального читателя с ответственным сотрудником газеты. Статья заняла почти весь шестой номер газеты от 16 мая 1966 года. В ней издатели «Хальк» разъяснили свои позиции и аргументированно опровергли обвинения и вымыслы в адрес газеты и движения вообще. Основное внимание при этом было обращено на обоснование и отстаивание законного права газеты, гарантированного конституцией страны и Законом о печати», «на проведение политической пропаганды, особенно по вопросу создания основ политической организации», а также на подробное разъяснение положения программы «Хальк» о том, что ее сторонники во имя осуществления своих программных установок намерены вести «мирную, полностью законную, открытую и парламентскую борьбу». Авторы статьи, кроме того, убедительно показали абсурдность и надуманность вымыслов противников газеты относительно того, что идеи и положения программы «Хальк», ее терминология будут бы полностью заимствованы извне и не соответствуют интересам народа. [67]

Смелая самозащита газеты «Хальк», однако, не спасла ее от расправы. Еще в начале мая группа членов Джирги старейшин внесла на рассмотрение парламента проект резолюции с требованием запретить газету, поскольку-де ее публикации противоречат нормам ислама и конституции. [68] Вскоре резолюция была утверждена и в верхней, и нижней палатах парламента и передана правительству. Одновременно с обсуждением предложения о запрете «Хальк» по призыву сенатора М.Х.Моджаддеди, принадлежавшего, как уже отмечалось, к семье видных афганских религиозных авторитетов, в Кабул из южных и восточных

провинций страны съехались сотни мулл и провели шумные митинги, требуя запретить газету и расправиться с «чуждым исламу течением». Уже в то время не являлось секретом, что указанное выступление ортодоксальной части духовенства пользовалось покровительством и поддержкой со стороны дворцовой знати во главе с маршалом Шах Вали и более того было в определенной мере инспирировано последней. 22 мая, через шесть дней после выхода шестого номера, газета «Хальк» была закрыта по обвинению в «нарушении Закона о печати». [69] Некоторое время спустя в одном из официальных изданий публикации «Хальк» были расценены уже как «мятежные». В правящих кругах расправа над «Хальк» рассматривалась лишь как первый шаг в их намерениях покончить вообще с демократической оппозицией в стране. Этот замысел откровенно раскрыл в парламенте один из близких ко двору сенаторов, заявивший, что «только запрещением газеты «Хальк» вопрос не решается; организация партии «Хальк», как и прежде, остается сильной. Мы должны действовать так, чтобы вырвать ее с корнем». [70] И это были не пустые слова. За запретом «Хальк» усилились кампания дискредитации демократического движения, гонения и репрессии против его активистов. Вслед за «Хальк» было приостановлено издание другой оппозиционной демократической газеты «Пейаме эмуруз» («Сегодняшняя весть»). [71] К концу 1966 года из пяти оппозиционных газет, появившихся в первой половине этого года, прекратили свою деятельность четыре: одна («Вахдат») – по финансовым соображениям, другая («Мардом»), созданная, как уже говорилось, с целью противоборства с «Хальк», – в связи с исчезновением причины ее возникновения и остальные – на основе правительственных решений. [71]

Заслуги газеты «Хальк» перед леводемократическим движением Афганистана были несомненными. Она, несмотря на короткий срок своего существования, оказала существенно влияние на идейно-политическое становление партийных рядов и развитие идеологической борьбы в стране. Ее публикации содержали большой пропагандистский заряд, носили конструктивный характер, отличались искренним стремлением избавить афганский народ от нищеты и отсталости и добиться социальной справедливости для трудящихся. В газете получили дальнейшее разъяснение цели и задачи движения, конкретизированы вопросы стратегии и тактики, развиты идейные основы строительства партии. Она в значительной степени содействовала быстрому росту популярности в обществе леводемократических сил и притягательности их идей среди прогрессивной афганской общественности. В этой связи нельзя не согласиться с оценкой значения газеты «Хальк», данной в 1976 году в брошюре «О Народно-демократической партии Афганистана». Газета «Хальк», говорилось в ней, «играла существенную роль в пробуждении политического сознания народа и подняла престиж НДПА как боевой партии, борющейся за освобождение трудящихся масс». [73]

Однако при всех достоинствах газеты ей, тем не менее, не удалось избежать ошибок «левизны» и упрощенных трактовок, выразившихся в перенесении характеристик социалистической революции на вопросы теории и практики национально-демократического движения. Так, при довольно путаном разъяснении понятия «народ» автор газеты значительно сузил его социально-классовые рамки в условиях национально-демократической революции, включив в него фактически только «трудящихся и эксплуатируемых», хотя и оговорился при этом, что при определенных обстоятельствах, в частности в антиимпериалистической борьбе, к категории «народ» может быть отнесена и «национальная буржуазия». Далее, по мысли автора, в понятие «народный фронт» входят лишь «партии трудящихся слоев и классов и прогрессивная интеллигенция». [74] Подобные расшифровки понятий «народ» и «народный фронт» существенно расходились с положениями программы партии и приводили к недооценке роли национальной буржуазии в демократическом движении. Как справедливо отмечал В.В.Басов, «теория народной («хальковской») революции... явно недооценивала основы развития революционного процесса и гипертрофировала значенные субъективных (идеологических) факторов в политической борьбе». [75]

После запрета «Хальк» руководство НДПА неоднократно пыталось добиться от властей возобновления издания своей газеты под тем или иным названием. В частности, осенью 1967 года Н.М.Тараки обратился по этому поводу к министру информации и культуры, однако получил письменный отказ, в котором со ссылкой на консультации с главной прокуратурой страны говорилось, что издание новой газеты не может быть разрешено, поскольку она «имеет ту же цель, программу и смысл, что и прежняя». Второе заявление в адрес указанного министерства на издание газеты «Каргар» («Рабочий») под редакцией А.Карима Мисака было направлено членом ЦК НДПА С.М.Зераем. Но и на это заявление был получен отрицательный ответ. Подобная участь постигла и другие обращения функционеров фракции «Хальк» по поводу получения разрешения на издание газет «Кар» («Труд»), «Пейаме хальк» («Послание народа»), «Асре навин» («Новая эпоха»), «Машале хальк» («Факел народа»), «Джомбеш» («Движение») и др. Получив официальные отказы на издание своей газеты, фракция «Хальк» в 1969 году нелегально опубликовала и распространила несколько номеров газет «Джомбеш» и «Рахнемá» («Проводник»). [76]

Запрещение «Хальк» заставило партию внести некоторые изменения в формы и методы ее общественно-политической деятельности. Акценты были перенесены прежде всего на более широкое использование в интересах движения парламентской трибуны, устную пропаганду среди афганской общественности, подготовку и распространение листовок, [77] публикации партийных материалов в других легальных изданиях (например, в газете «Пейаме ведждан»). Широкое распространение в партийных организациях получило размножение от руки и на пишущей машинке пропагандистских материалов, переводов зарубежной марксистской литературы и некоторых произведений классиков марксизма. В 1966 году на волне подъема леводемократического движения в стране была создана нелегальная Демократическая организация женщин Афганистана во главе с активным членом НДПА, депутатом парламента Анахитой Ратебзад. Хотя женское движение в рамках левых сил делало тогда лишь первые свои шаги и охватывало своим влиянием крайне ограниченное число лиц, однако оно уже самим фактом своего возникновения бросало смелый вызов традиционно униженному и бесправному положению женщин в афганском обществе.

Весной 1967 года в Афганистане был нелегально издан Устав НДПА, разработанный комиссией во

главе с Б.Кармалем и утвержденный пленумом ЦК партии. Устав определил характер организации, условия членства, нормы партийной жизни, организационную структуру и основные принципы практической деятельности партийных организаций и их руководящих органов сверху донизу.

В статье 1 Устава подчеркивалось, что «Народно-демократическая партия Афганистана основывается на принципах марксизма-ленинизма и добровольном союзе передовых и сознательных масс Афганистана – рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции». [78]

Особый акцент в этом документе был сделан на формулировании понятия члена партии и условий членства в ней. «Членом партии, – говорится в статье 2, – может быть любой гражданин Афганистана, не выступающий против интересов и свободы народа, признающий программу и Устав партии и борющийся за их осуществление, активно работающий в одной из партийных организаций, соблюдающий решения партии и уплачивающий членские взносы».

С целью обеспечения чистоты и выдержанности партийных рядов, что имело особо важное значение в условиях нелегальной деятельности, Устав НДПА предусматривал строгие правила отбора в партию. В частности, прием в партию, согласно положениям статьи 5, осуществлялся только в индивидуальном порядке через первичную партийную организацию, при условии представления рекомендаций двух членов партии, имевших партийный стаж не менее одного года, и обязательного прохождения испытательного срока продолжительностью от четырех месяцев до одного года в зависимости от классовой принадлежности вступающего в партию. Окончательное решение о приеме в партию относилось к компетенции Центрального Комитета или органа, уполномоченного на то ЦК.

В виде исключения допускался по решению Центрального Комитета прием в партию и на основе добровольного коллективного членства. Необходимость данного допущения вызывалась конкретными условиями развития политической жизни Афганистана, где к моменту принятия Устава НДПА возникли и действовали группировки, строившие свою работу на адекватной с НДПА идейной основе, однако пока оставшиеся организационно разобщенными.

Принадлежность к партии была обусловлена в Уставе НДПА выполнением конкретных обязанностей и норм партийной жизни. Каждый член партии обязан был работать над повышением своей общественно-политической сознательности и над усвоением научного мировоззрения, укреплять идейное и организационное единство партии, соблюдать партийные решения и дисциплину, разъяснять цели, общую и текущую политику партии и вести борьбу за их осуществление, в общении с массами быть чутким и внимательным, в личной и общественной жизни, на словах и на деле быть образцом передового человека, выявлять запросы и нужды народных масс и стремиться к установлению среди них влияния партии и доверия к ней, привлекать в партию сознательные и активные элементы из трудящихся классов. Член партии должен был тщательно хранить партийную тайну, в любых условиях быть бдительным и непреклонным по отношению к подрывным элементам, оберегать партию от проникновения в ее ряды нежелательных и уклонистских взглядов, развивать критику и самокритику, бороться в партии против всех проявлений и тенденций фракционности, обособленности, местничества, шовинизма и местного национализма, догматизма и всякого рода правого и «левого» оппортунизма. Долг члена партии, говорилось в Уставе, ставить интересы партии выше личных, быть честным и правдивым перед партией, при подборе лиц в партийные органы учитывать их компетентность, преданность делу, способности, классовые сознание и принадлежность.

Главной идеей, пронизывавшей все содержание Устава НДПА, являлась идея демократического централизма. Внутрипартийная демократия включала выборность всех руководящих органов НДПА снизу доверху путем тайного голосования, отчетность руководящих органов перед соответствующими организациями, участие каждого члена партии в свободном обсуждении и решении на партийных собраниях и в партийной печати вопросов партийной политики и практической деятельности до тех пор, пока по обсуждаемому вопросу не будет принято какое-либо решение соответствующими организациями и органами партии, право принципиальной критики любого ответственного работника партии и стиля работы партийных органов. Внутрипартийная демократия, изложенная в Уставе НДПА, сочеталась с централизмом, который предполагал установление в партии единой организационной структуры и единой партийной дисциплины для всех членов партии, какой бы пост они ни занимали, наличие единого руководящего центра в лице съезда партии и избранного им ЦК, подчинение меньшинства большинству, низших органов – высшим.

Однако Устав НДПА, принимая во внимание условия нелегальной деятельности, предусматривал при необходимости известное ограничение демократии и усиление централизма, в частности, введение вместо принципа выборности принципа назначения (кооптации) во всех звеньях партии вплоть до Центрального Комитета, замену тайного голосования открытым, расширение прав и обязанностей руководящих партийных органов с целью обеспечения непрерывности партийной работы и сохранения партийных организаций. На практике, как в условиях нелегальной деятельности, так и длительное время после революции, указанные ограничения внутрипартийной демократии были скорее не исключением, а нормой внутрипартийной жизни НДПА.

Партийные организации НДПА подразделялись на провинциальные, городские, уездные и первичные. В Уставе были подробно определены задачи всех руководящих партийных органов и низовых организаций. Высшим органом партии являлся съезд, который должен был созываться один раз в четыре года в обычных условиях, а в случае необходимости и при чрезвычайных обстоятельствах – раньше или позже установленного срока. Делегаты съезда избирались на провинциальных конференциях. В промежутке между съездами Центральный Комитет мог созывать партийные конференции в составе представителей комитетов провинциальных, городских и уездных организаций и некоторых активистов партии для обсуждения вопросов практической политики и других насущных вопросов.

Согласно Уставу, съезд партии избирал Центральный Комитет и Центральную ревизионную комиссию. В свою очередь ЦК избирал из своего состава Политбюро, секретариат и генерального секретаря ЦК,

а также образовывал Комиссию партийного контроля. По мере необходимости, ЦК мог создавать комиссии по организационным вопросам, пропаганде, вопросам теории, финансам и др. Пленумы ЦК должны были созываться не менее трех раз в год.

Высшими органами провинциальных, городских и уездных организаций являлись партийные конференции, созываемые: провинциальные – один раз в два года, городские и уездные – при благоприятных условиях один раз в год. Указанные конференции избирали комитеты и ревизионные комиссии соответствующих организаций. Каждый комитет из своего состава избирал секретаря и его заместителя.

Основу партии составляли первичные партийные организации, коими являлись ячейки. Они создавались в составе не менее трех членов по решению городского и уездного комитетов или вышестоящего партийного органа. Ячейки организовывались как по месту работы, так и по месту жительства и являлись, согласно Уставу, «связующим звеном руководящих органов партии с ее членами и партии с народом».

Устав НДПА содержал и раздел о партийных поощрениях и взысканиях. В нем констатировалось, что «члены партии поощряются за деятельность и проявления преданности и самоотверженности при осуществлении целей партии, за полное соблюдение партийных норм и дисциплины, инициативное и творческое выполнение программы и Устава партии и решений вышестоящих партийных организаций и Центрального Комитета». Однако виды поощрений в Уставе не были указаны. За нарушение программы и Устава партии, решений вышестоящих партийных органов или партийных норм и дисциплины, а также за невыполнение партийных обязанностей были предусмотрены следующие взыскания: устная (в частном порядке) постановка на вид, письменная (публичная) постановка на вид, предупреждение, понижение в партийной должности на одну или несколько ступеней, перевод из членов партии в категорию лиц с испытательным сроком, исключение из партии.

В последних статьях рассматриваемого партийного документа указывались источники денежных средств партии (членские взносы, продажа партийных печатных изданий и пожертвования членов партии и граждан), подтверждалось исключительное право Центрального Комитета или органа, уполномоченного на то ЦК, заполнять и вручать членские билеты, определялся порядок и характер участия членов партии в выборных органах страны. Следует заметить, что членские партийные билеты в НДПА в условиях ее нелегального положения не были введены и не вручались. Более того, по соображениям безопасности ни в ЦК, ни в партийных организациях не велись и списки партийцев, что в последующем, после апреля 1978 года, вызвало известные трудности с определением и партийной принадлежности, и партийного стажа.

В целом анализ Устава НДПА показывает, что его составители, разрабатывая основы строительства партии, во многом заимствовали опыт, накопленный в этом деле международным коммунистическим движением, и стремились строить свою партию по образу и подобию пролетарских партий развитых стран, что далеко не всегда было оправданным. Что касается учета конкретно-исторических условий своей страны, то он (этот учет) был минимальным и носил частичный характер. В этом заключался серьезный изъян Устава НДПА.

Разработка и принятие программы, а затем и Устава партии завершили идейное и организационное оформление указанной политической организации в Афганистане и заложили основы для ее целенаправленной общественно-политической деятельности. Однако следует заметить, забегая вперед, проза жизни и борьбы оказалась для НДПА крайне непростой, а порой и суровой, испытывая не раз на прочность и ее программные установки, и ее организационные основы, и идейно-политическую зрелость как ее лидеров, так и рядовых членов.

2.3. Межфракционная борьба в НДПА: причины, характер, последствия

Обозревая историю становления и деятельности НДПА, нельзя не заметить, что ее постоянно лихорадили острые внутренние разногласия и непрекращавшаяся борьба между ее различными кланами, группировками, фракциями. Партия с момента своего возникновения по существу никогда не была подлинно единой, хотя трижды – в 1965-1967 и 1977-1978 годах, а затем с 27 декабря 1979 года – формально выступала как единая политическая организация. Межфракционная борьба, ставшая неизменным спутником и пороком партии, значительно подрывала ее авторитет и влияние в стране, сковывала и ослабляла ее общественно-политическую активность и постоянно мешала ей обрести качества по-настоящему общенациональной политической силы.

Расхождения во взглядах среди участников леводемократического движения в Афганистане обнаружили еще на этапе организационного оформления партии. Правда, в то время они были едва уловимы и не составляли предмета острых споров. Однако затем, по мере втягивания партии в общественно-политическую борьбу и усиления противоборства с правящими и консервативными кругами общества различия во взглядах внутри партии по животрепещущим вопросам движения стали проявляться все более рельефно и определено.

Одна из первых конфликтных ситуаций в руководстве партии возникла накануне парламентских выборов в августе-сентябре 1965 г. и была связана с предложением Н.М.Тараки принять в партию Хафизулла Амина, незадолго до этого возвратившегося из США после учебы там, и более того ввести его в состав ЦК НДПА. Против последнего предложения резко выступили Б.Кармаль и другие члены высшего руководящего органа партии. Х.Амин не был кооптирован в ЦК, хотя и был принят в партию. [79] Есть все основания предполагать, что именно в связи с этим событием у Х.Амина, человека по натуре вероломного, злопамятного и мстительного, появилась патологическая неприязнь и враждебность к Б.Кармалю и его сторонникам.

Открытая фракционная борьба в НДПА (так, кстати, считали сторонники и Н.М.Тараки, и Б.Кармаля [80]) началась сразу же после запрещения властями газеты «Хальк» в мае 1966 г., в связи с обсуждением

вопросов тактики партии в новой ситуации. Выступая на одном из заседаний ЦК, Б.Кармаль отметил, что «НДПА обвиняется в «левачестве» из-за публикаций газеты «Хальк», и предложил: «Мы должны ослабить оттенок нашего красного цвета и убедить короля в том, что мы – не коммунисты». [81] Это предложение, однако, не получило поддержки со стороны ряда членов ЦК НДПА. Они высказывались за «продолжение решительной революционной линии». [82] Так в руководстве партии отчетливо выявились два разных подхода к вопросам тактики движения: один – конфронтационный, отдающий приоритеты решительным формам и средствам борьбы, и другой – умеренный, исходивший из убеждения о необходимости не афишировать марксистский характер партии, сохранить максимум осторожности и гибкости в ее деятельности и обеспечить таким образом как можно дольше легальные условия и возможности для функционирования организации.

В центре горячих споров и разногласий оказался тогда и вопрос о будущем печатном органе НДПА. Н.М.Тараки и его сторонники в ЦК считали, что партии необходимо во что бы то ни стало добиваться от властей возобновления издания своей газеты под ее старым названием «Хальк» и от имени ее прежнего издателя – Н.М.Тараки. Другого мнения придерживался Б.Кармаль, поддержанный значительным числом членов ЦК, полагая, что в тех условиях издание газеты под прежним названием было уже невозможным из-за ее запрета, санкционированного парламентом – высшим законодательным органом страны. В связи с этим он предлагал добиваться официального разрешения на издание новой газеты под каким-либо иным названием и от имени другого издателя. Обсуждение этого, казалось бы, не столь уж принципиально важного вопроса – быть или не быть газете под ее старым названием – завершилось, в конце концов, конфликтом: Н.М.Тараки в раздражении потребовал вывести Б.Кармалю из всех руководящих партийных органов. [83]

По всей вероятности, в то время ни та, ни другая сторона еще не хотела доводить возникшие разногласия до разрыва. [84] Летом 1966 года с согласия обеих сторон было решено расширить состав ЦК, введя в него в качестве кандидатов в члены ЦК Мухаммада Исмаила Данеша, А.Х.Шараи Джаузджани, Х.Амина, Мухаммада Захера Офока, Абдул Мухаммада, М.Х.Барек Шафии, Нур Ахмада Нура (Панджавайи) и Гуляма Моджаддеда Сулеймана Лайека. Из указанных лиц лишь кандидатура Х.Амина вызвала резкие возражения со стороны членов ЦК Б.Кармалю и М.Т.Бадахши. Однако им не удалось воспрепятствовать его избранию в высший руководящий партийный орган. Несколько позже, в апреле 1967 года, в члены ЦК НДПА были переведены Нур Ахмад Нур и Шах Вали. Следует заметить, что группа сторонников Н.М.Тараки в руководстве партии с помощью указанных изменений состава ЦК, по их собственному признанию, преследовала цель «положить конец беспринципным действиям (речь идет о сторонниках Б.Кармалю. – М.С.) и предотвратить раскол партии». [85] Таким образом, ставка одной части партийного руководства, в конечном счете, делалась не на поиски разумных альтернатив, чтобы разрешить возникшие разногласия, в партии в интересах движения в целом, а на слепое подавление инакомыслия на основе использования формулы беспрекословного подчинения меньшинства большинству. Хотя, надо признать, в рассматриваемый период введение в высший руководящий партийный орган новых лиц, в основном кандидатов в члены ЦК, которые не пользовались правом решающего голоса, да и по своей крыльевой ориентации составляли в целом примерный паритет, пока еще не могло изменить относительного баланса сил между двумя соперничавшими внутрипартийными центрами в пользу какого-либо из них. Однако сам по себе факт расширения состава ЦК и связанный с ним ажиотаж вокруг отбора и обсуждения претендентов, несомненно, содействовали дальнейшему усилению отчуждения и неприязни в их отношениях.

Новым поводом для обострения внутрипартийных страстей явилось выступление Б.Кармалю на одном из заседаний Вулуси джирги, обсуждавшей бюджет министерства королевского двора. В этом выступлении он, исходя из положения о том, что в тех конкретно-исторических условиях страны конституционная монархия еще не исчерпала своих прогрессивных возможностей (кстати, эта точка зрения в то время разделялась и в советских официальных кругах), высказал поддержку двору и выразил уважение и доверие к особе короля. [86] Данная речь Б.Кармалю была расценена определенной частью партийцев как «реакционная» и как «сговор со двором». Н.М.Тараки, не ожидая официальной публикации речи, сделал попытку незамедлительно созвать пленум ЦК для обсуждения этого вопроса, но в последний момент отказался от своего намерения. [87]

Не получив и на сей раз понимания и поддержки среди некоторой части партии и, главное, убедившись в открытом недоверии и личной неприязни к себе со стороны Н.М.Тараки, Б.Кармаль 24 сентября 1966 года подал заявление об отставке из секретариата и ЦК. В нем он писал:

«Обращаюсь к Народно-демократическому обществу с настоятельной просьбой о своей отставке и уходе из Центрального Комитета и со второго поста в секретариате Центрального Комитета. В этот момент кризиса моим лозунгом и ответом на вопросы членов Общества будет следующее: Все и вся во имя развития и сплоченности Народно-демократического общества! За прочное единство Центрального Комитета Народно-демократического общества! Целиком и полностью подчиняюсь его решениям!

С безграничным оптимизмом и уверенностью в победе на трудном пути!
2 мизана 1345 г. Бабрак» [88]

Позже фракция «Парчам» в одном из своих документов, объясняя мотивы этого шага Б.Кармалю, уточнила, что он был вызван его (Кармалю) стремлением «избежать раскола и распада партии в условиях, когда она столкнулась с внутрипартийным кризисом». [89]

Заявление Б.Кармалю было рассмотрено на заседании ЦК партии, состоявшемся в доме М.Х.Барек Шафии, на котором присутствовали все члены и 10 из 12 кандидатов в члены ЦК НДПА. Чтобы обеспечить беспристрастность обсуждения этого щекотливого вопроса, касавшегося, по существу, персонально обоих партийных лидеров – Б.Кармалю и Н.М.Тараки, большинством голосов было признано нецелесооб-

разным их присутствие на данном заседании. Оба они были вынуждены покинуть заседание. В итоге без их участия ЦК единогласно принял решение удовлетворить просьбу Б.Кармалю об отставке из секретариата, чтобы «не допустить в дальнейшем их (Кармалю и Тараки. – М.С.) стычек», но оставить его членом ЦК партии. Было также решено ознакомить всех членов организации с текстом заявления Б.Кармалю об отставке и с сутью возникших разногласий. Создавшееся положение в руководстве НДПА было затем обсуждено Центральной ревизионной комиссией под председательством Г.Д.Панджшери, которая вынесла порицание Н.М.Тараки и Х.Амину за проявленные ими элементы фракционизма и провоцирование раздоров. [90] Б.Кармалю, выйдя из секретариата ЦК, продолжал вплоть до раскола партии участвовать в деятельности высшего партийного органа и в работе комиссии по составлению проекта устава в качестве ее председателя.

Следует отметить, что фракция «Хальк» в своих документах и печатных материалах давала совершенно иные интерпретации и оценки событий, связанных с обсуждением заявления Б.Кармалю. В них утверждалось, что на указанном выше заседании большинство членов ЦК партии приняло его отставку не только из секретариата, но и ЦК. При этом, согласно утверждению в одном из документов «Хальк», по настоянию Х.Амина было отвергнуто как «беспринципное и неприемлемое» предложение М.Т.Бадахши учитывать при голосовании также и мнение кандидатов в члены ЦК. По версии халькистов, отставка Б.Кармалю из всех высших руководящих органов партии была принята с перевесом в один голос, которым посчитали голос самого Б.Кармалю. Ими приводится такой расклад: за отставку Б.Кармалю голосовали Н.М.Тараки, Г.Д.Панджшери и С.М.Зерай, а «против» – С.А.Кештманд, М.Т.Бадахши и Ш.Шахпар. [91] Кстати сказать, данная, халькистская, версия получила довольно-таки широкое распространение в работах зарубежных авторов-афганистов. [92]

Посеянные семена взаимной подозрительности, неприязни и раздоров продолжали давать свои всходы. Еще одна конфликтная ситуация в руководстве партии возникла в связи с предложением Кармалю ввести в состав ЦК НДПА известного партийного деятеля, офицера полиции Мир Акбара Хайбара, отбывавшего в тот момент ссылку в Пакистане. Однако Н.М.Тараки с порога отверг это предложение, заявив, что «полицейские в соответствии с законом не могут состоять в партии». [93] Таким образом М.А.Хайбару, который непосредственно стоял у истоков НДПА и который много сделал для политического просвещения и консолидации представителей леводемократических кругов в афганском обществе и армии, было отказано в праве не только войти в руководство партии, но даже и быть ее членом. У сторонников Н.М.Тараки не получило поддержки и предложение кооптировать в ЦК НДПА Анахиту Ратебзад под предлогом того, что она была женой доктора Кирамуддина, хирурга двора, и что она и М.А.Хайбар, как заявлялось в одном из изданий фракции «Хальк», будто бы «никогда не были членами партии». [94]

В то время, когда развертывалась эта драма в руководстве партии, консервативно-клерикальные круги усилили свои наскоки на демократические силы страны. В качестве ее ударного отряда активно выступала консервативная часть богословов. При их непосредственном подстрекательстве 29 ноября 1966 года в парламенте было учинено избивание депутатов от демократической оппозиции Б.Кармалю, Н.А.Нура, А.Ратебзад и других. Поводом для этой потасовки послужила речь Б.Кармалю, с которой он в тот день выступил перед парламентариями. В результате избивания 15 человек получили ранения. При этом Б.Кармалю и А.Ратебзад были отправлены в больницу «Ибн Сина». [95] Следует отметить, что отношение различных групп афганской общечественности, в том числе и членов НДПА, к этому дикому инциденту в парламенте оказалось неоднозначным. Клерикальные и консервативные круги столицы встретили физическую расправу над «безбожными коммунистами» нескрываемым ликованием и полным одобрением, а демократические элементы – резкими протестами и осуждением.

Почти все члены ЦК НДПА, включая и Н.М.Тараки, посетили Б.Кармалю в больнице. В тот же день сторонники Б.Кармалю – Махмуд Барьялай, Наджибулла, Абдул Вакиль, Халиль Змар и др., распространили в учебных заведениях столицы обращение выступить в защиту парламентской фракции партии. В ответ на данный призыв 30 ноября в Кабуле состоялись массовые демонстрации студенческой и школьной молодежи, в том числе и учащих женского лицея «Малалай», где директором была А.Ратебзад. Их колонны прошли по улицам столицы до больницы «Ибн Сина», протестуя против действий реакции и выражая симпатии и поддержку парламентской фракции НДПА и прежде всего Б.Кармалю. Такое развитие событий, при котором Б.Кармалю явно набирал в свою пользу политические очки, становясь в глазах беспокойной молодежи ее кумиром, никак не могло устроить Н.М.Тараки. Реакция с его стороны последовала незамедлительно. Усмотрев в намерении сторонников Б.Кармалю провести демонстрацию как самовольную, не согласованную с ним и с ЦК НДПА акцию, он сначала с помощью преданных ему людей попытался сорвать демонстрацию, а затем, когда это не удалось, распространил заявление, в котором категорически отмежевался от нее. Он и его приверженцы отказались дать правильную политическую оценку акту расправы над коллегами по партии и выступить в защиту своей парламентской фракции. [96] Впоследствии в своих публикациях халькисты стали рассматривать указанное избивание депутатов в парламенте как «ловкую инсценировку» самого Б.Кармалю, рассчитанную-де на то, чтобы заставить ЦК партии «официально заявить о своем доверии к нему». [97]

В конце 1966-начале 1967 года в рамках НДПА практически уже действовали две изолированные, соперничавшие между собой группировки. Положение в партии стало критическим весной 1967 года (после принятия Устава НДПА), когда Н.М.Тараки в ультимативной форме потребовал кооптировать в состав ЦК верных ему лиц, чтобы добиться в нем таким образом своего большинства. Это требование было отвергнуто сторонниками Б.Кармалю. Окончательный раскол партии оказался предрешенным и вскоре, в мае 1967 года, стал свершившимся фактом: образовались две самостоятельные фракции вне рамок НДПА, со своими высшими руководящими органами (ЦК) и низовыми организационными структурами. Во главе одной встал Н.М.Тараки, к которому примкнули члены прежнего ЦК С.М.Зерай, М.Т.Бадахши, Шах Вали и кандидаты в члены ЦК А.К.Мисак, Х.Амин, доктор Абдул Мухаммад, М.Захер Офок и М.И.Данеш, а

другую возглавил Б.Кармаль. К нему из старого состава членов ЦК НДПА присоединились С.А.Кештманд, Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар, Н.А.Нур и кандидаты в члены ЦК А.Вахаб Сафи, А.Х.Шараи Джаузджани, М.Х.Барек Шафии, Г.М.С.Лайек. Таким образом, высший руководящий орган партии раскололся в численном отношении на две равные части (соответственно 9 : 9), хотя по числу членов ЦК на стороне Б.Кармалы было на одного человека больше (см. Приложение 7).

Позже за этими фракциями среди афганской и зарубежной общественности закрепились названия соответственно «Хальк» и «Парчам» (по заглавию партийных печатных органов). Однако в переписке и в официальных документах каждая из них выступала под прежним названием «Народно-демократическая партия Афганистана» с той лишь разницей, что халькисты к указанному названию добавляли в скобках «авангард рабочего класса страны», а парчамисты – «партия трудящихся Афганистана». Обе фракции, став организационно самостоятельными, вместе с тем руководствовались одними и теми же программой и Уставом и преследовали общие (программные) стратегические цели и задачи. В численном отношении фракция «Парчам» в момент данного раскола, видимо, несколько превосходила «Хальк». [98]

Раскол НДПА значительно ослабил леводемократическое движение и его воздействие на общественно-политическую жизнь страны, особенно в 1967-начале 1968 года. Ряды активной демократической оппозиции захлестнула волна взаимных обвинений, оскорблений и враждебности, отодвинув на второй план усилия по реализации программных лозунгов.

Возникает вопрос: в чем же состояли коренные причины организационной слабости НДПА, устойчивого сохранения в ее рядах в течение десятилетий групповщины и фракционности, распрей и расколов в ее руководстве?

По этому вопросу как в самой НДПА, так и в советских и зарубежных исследованиях и публикациях, рассматривавших проблемы афганской истории второй половины XX в., высказывались и продолжают высказываться разные суждения и оценки, не всегда совпадающие по своему содержанию. Во многих случаях, на мой взгляд, они охватывают далеко не все стороны данного явления внутрипартийной жизни НДПА и вообще леводемократического движения в стране или же трактуют его весьма поверхностно и даже предвзято. Последнее было особенно характерным для высказываний представителей различных группировок и фракций в самой НДПА и их руководящих деятелей.

Так, в документе, принятом на объединительной конференции НДПА 12 саратана 1356 года (3 июля 1977 г.), ошибки и расколы в партии объяснялись в целом отсталостью афганского общества, отсутствием опыта и слабостью знаний теории и практики на начальном этапе развития партии. С этими факторами связывались такие имевшие место в организации пороки, как раздоры и распри среди ее членов, кружковщина, фракционизм, проявления местничества и шовинизма, сектантство, интеллигентская мелкобуржуазность и др. [99] Позже, через 20 лет с момента образования НДПА, ее руководство еще раз сделало попытку беспристрастно и самокритично осмыслить и выяснить корни серьезных субъективных и объективных слабостей партии в процессе ее становления и развития в 60-70-х годах и извлечь из этого исторические уроки на будущее. В этой связи в материалах, посвященных данному юбилею партии, было отмечено, что на ее состояние неблагоприятное воздействие оказали общая отсталость и неразвитость социально-политических отношений, низкий уровень политической и классовой сознательности трудящихся, недостаточная национальная культурная зрелость афганского общества. По своему социальному составу НДПА, говорилось далее в указанных материалах, оставалась в основном партией интеллигенции, для членов которой были свойственны невысокий уровень классово-политического сознания и теоретической подготовки. По признанию тогдашних руководителей НДПА, в дореволюционный период «в партийной среде ощущалось сильное влияние интеллигентского индивидуализма, неоправданно высокой эгоцентрической самооценки, влияние групповых, националистических, клановых и племенных интересов, болезни кустарщины и раздробленности, мелкобуржуазной групповщины». [100] Все это, по их мнению, вместе с полулегальным положением НДПА, воздействием маоистских взглядов на отдельных партийцев и подрывными действиями против нее со стороны правящих кругов страны и внешних враждебных сил серьезно затрудняло организационное укрепление партии и ее связи с массами и «содействовало возникавшим расколам партийных рядов». [101]

Спустя четверть века после создания НДПА ее последний генсек Наджибулла снова вернулся к оценке причин раскола партии в 1967 году и ее слабостей. Появлений двух партийных фракций, говорил он, явилось следствием как происков враждебных НДПА сил, так и «ее политической неопытности и незрелости, поверхностного и стереотипного понимания особенностей афганского общества, стремления раздуть укоренившиеся противоречия, склонности к утверждению личного авторитета и власти, пристрастий к выпячиванию единственного вождя, неправильных подходов к определению тактических и стратегических целей». [102]

Далеко не такие оценки и объяснение истоков внутрипартийной борьбы давали сами фракции Хальк и Парчам в период их раздельного функционирования в 1967-1977 годах. Халькисты, в частности, считали, что раскол в партии явился исключительно делом рук «империалистической и феодальной реакции», поставивших своей целью «раздробить партию изнутри», «уничтожить авангард рабочего класса или, по крайней мере, затормозить дальнейшее его развитие». [103] По их взглядам, реакция и монархический режим стремились осуществить этот зловещий замысел с помощью фракции Парчам и «парчамизма», который как течение якобы «был искусственно создан по указке правящих кругов для обмана народа и ликвидации его завоеваний». [104] Парчамизм в своей эволюции, писали халькисты, прошел несколько этапов, в том числе и «этап скрытой подготовки в карательных органах, т.е. в тайной полиции и военной контрразведке монархического режима». [105] В полемике они называли фракцию Парчам не иначе, как «королевской коммунистической партией». Они (халькисты) категорически отвергали утверждение о том, что в основе раскола партии лежала «борьба между вождями». По их мнению, такое утверждение преследовало лишь цель скрыть «подрывную деятельность и предательскую классовую основу» группы Парчам

и их лидера, а также «противопоставить последнего Центральному Комитету и генеральному секретарю Н.М.Тараки». Иногда, правда, крайне редко, халькисты называли и другие факторы, обусловившие организационную слабость партии, а именно: мелкобуржуазную психологию ее членов, недостаток политического опыта и слабость их теоретической подготовки, неодинаковое восприятие научного мировоззрения и др. [106]

Необходимо заметить, что позиция группы Хальк по рассматриваемому вопросу отличалась особой враждебностью и резкостью суждений в отношении своих бывших партийных коллег. Ее трактовки по поводу причин разброда и раскола в партии обычно сопровождалась неместными, оскорбительными эпитетами и выпадами против лидера Парчам Б.Кармаля и других ее активных деятелей. В целом, по ее (Хальк) характеристике, парчамисты – «это народ с дутым самомнением, не терпящий классовой критики, неустойчивый, капризный, обидчивый, не желающий признавать своих ошибок и уверенный в собственной непогрешимости». [107]

После апреля 1978 года, когда парчамистское крыло снова оказалось вне партии, руководящие деятели Хальк, излагая свое видение причин первого раскола НДПА, повторили их прежние выводы и оценки о «проникновении в партийные ряды агентуры правящих кругов и классов и политической незрелости части членов партии», неверии некоторых элементов «в окончательный триумф классовой борьбы», а также старые, отрицательные характеристики по адресу лидеров Парчам. [108]

Что касается группы Парчам, то она видела корни внутрипартийных разногласий в идейно-теоретической незрелости (по выражению Б.Кармаля, «теоретической нищете» [109]) и идеологической беспринципности значительной части партийцев, сохранении в рядах организации, не прошедшей еще этапа своего «младенчества», болезни кружковщины и раздробленности, в заговорах и подрывной деятельности против партии внутренней и внешней реакции и раскольнических элементов. Руководящие деятели Парчам открыто отмечали, что слабости партии и в целом демократического движения в стране во многом были обусловлены их мелкобуржуазным составом, для которого характерными являлись такие пороки, как эгоцентризм, чванливость, неустойчивость поведения и неуживчивость, нетерпимость к другим взглядам, склонность к авантюризму и ультрареволюционности и т.п. Они не отрицали влияния отдельных лидеров движения на возникновение идеологических и других разногласий и связанных с ними шатаний и расколов в партии, хотя и не считали правильным все это сводить только к роли личностей. [110] Парчамисты решительно отвергали, как не соответствующее действительности, утверждение о том, что разногласия между Н.М.Тараки и Б.Кармалем будто бы возникли в связи с тем, что первый выступал за издание газеты «Хальк», а второй – против. [111]

Следует подчеркнуть, что парчамисты, в отличие от халькистов, были более сдержанны и корректны (по крайней мере, в своих публикациях) в полемике со своими партийными соперниками, избегали, как правило (хотя и не всегда), упоминания конкретных личностей и не допускали по их адресу грубых оскорблений и брани. Более того, они неоднократно на страницах газеты «Парчам» и в других печатных материалах, обращаясь к прогрессивным силам страны, призывали их решать существующие между ними споры и разногласия только на основе «здоровой и принципиальной критики», а не только с помощью «ругани, обвинений и оскорблений». [112]

Проблемы становления НДПА, как уже говорилось выше, не были обойдены вниманием и в советской, и зарубежной афганистике. При этом, если советские авторы стремились рассматривать указанные проблемы в общем контексте социально-экономических, политических, национальных, исторических и других реальностей афганского общества, с учетом того или иного влияния широкого спектра объективных и субъективных факторов, [113] то зарубежные, прежде всего американские, авторы, отдавая приоритеты, как правило, субъективным факторам, пытались объяснить внутренние разногласия и раскол в НДПА в основном следующими тремя причинами: личным антагонизмом и амбициями лидеров двух фракций; разным социальным происхождением соперничавших группировок внутри партии; и тактическими расхождениями между ними. [114] Западные исследователи игнорировали объективные условия и их воздействие на внутреннюю борьбу в НДПА, пренебрежительно называя их «туманными марксистскими догматами». [115] В зарубежной литературе по Афганистану получила известное распространение и еще одна точка зрения, согласно которой одной из главных причин разногласий и размежевания в руководстве НДПА на начальном этапе ее функционирования являлась деятельность Х.Амина. [116] Попытка объяснить трудности, ошибки и расколы в партии исключительно «кознями» и «интригами» Амина была характерна и для высказываний афганских партийных деятелей, особенно после декабрьских событий 1979 года. [117]

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что истоки разногласий, слабостей партийного единства и расколов в НДПА носили сложный и глубокий характер и вызывались действием многих специфических внутренних и внешних факторов. Чтобы понять эти истоки, представляется необходимым рассмотреть их, по возможности, подробнее.

Во-первых, многие пороки партии были, безусловно, порождены ее социальным составом. Как известно, в Афганистане к 60-м годам XX в. еще не были завершены процессы классовой дифференциации, еще не сложились в полном смысле этого понятия ведущие классы буржуазного общества и самыми многочисленными в социальной структуре населения страны по-прежнему оставались мелкобуржуазные слои. Уже давно подмечено, что данные слои вследствие своего промежуточного социального положения и экономической двойственности обычно отличаются индивидуализмом, неустойчивостью своего политического поведения, эклектизмом во взглядах и идейных воззрениях, шараханьем от одной крайности к другой, склонностью к авантюризму и экстремизму, неспособностью к длительному сохранению дисциплины и организованности, пренебрежением к социальным низам и раболепием перед «верхами», карьеризмом, а также такими чертами социальной психологии, как амбициозность и капризность, завышенная самооценка, обидчивость и нетерпимость к критике и т.п.

НДПА, будучи по своему социальному составу мелкобуржуазной партией, неизбежно несла в себе в той или иной степени указанные выше характеристики своей среды. Разумеется, это не означает, что мелкобуржуазное происхождение обязательно должно определять только негативную модель поведения. Как показывает опыт, многие выходцы из данной среды в процессе общественно-политической борьбы очищались от своих социальных пороков и становились последовательными и истинными борцами за интересы трудящихся. И НДПА в этом отношении не является исключением. Этому содействовали солидный интеллектуальный потенциал представителей афганской интеллигенции, входившей в партию, ее искреннее стремление овладеть прогрессивными идеями и взглядами и горячее желание изжить свою страну и народ от вековой отсталости, нищеты и несправедливости. И тем не менее многочисленные проявления мелкобуржуазной психологии в партийной среде мешали НДПА стать подлинно сплоченной, дееспособной и по-настоящему авторитетной общенациональной политической силой.

Во-вторых, следует признать, что немаловажную роль в процессе расслоения и размежевания внутри НДПА сыграли социальные различия между ее основными группировками. В частности, среди халькистов преобладали выходцы из трудовых, полупролетарских слоев населения – низших прослоек интеллигенции и государственных служащих, мелких торговцев, ремесленников, крестьян, проживавших как в столице, так и в провинциях. В то же время ряды парчамистов формировались преимущественно за счет городских состоятельных слоев и классов – средних и отчасти верхних прослоек интеллигенции и государственных служащих, торговцев, зажиточных крестьян и ремесленников, частично помещиков, военнослужащих – выходцев из привилегированных слоев общества.

Парчамисты вследствие своего более высокого социального и имущественного статуса и близости некоторых их руководителей к элитарным слоям общества всегда воспринимались со стороны халькистов как нечто чужеродное в рядах афганского леводемократического движения. На этой почве халькистское крыло постоянно испытывало к ним личную неприязнь, политическое недоверие и подозрительность, что со временем стало одной из причин непреодолимой обособленности друг от друга указанных фракций.

В-третьих, положение в НДПА серьезно осложнялось особенностями этнонационального состава партии. Дело в том, что халькисты в своем подавляющем большинстве были пуштунами из юго-западных, южных и восточных провинций страны, в то время как парчамисты в значительной степени состояли из таджиков, представителей других национальных меньшинств (хазарейцев, узбеков, туркмен и др.) и городских таджикизированных пуштунов, проживавших в основном в столице, центральных и северных провинциях страны. Халькисты предпочитали говорить на пушту, а парчамисты – на дари.

Оплотом халькистов в столице были пуштунская учительская интеллигенция, а также учащаяся молодежь общеобразовательных школ «Абу Сина», «Рахман-баба» и «Хошхаль-хан», где обучались уроженцы окраинных районов и белуджских районов страны. Что касается парчамистов, то центром их внимания стали столичные, престижные лицеи «Хабибия», «Неджат», «Гази», «Истеклаль» и «Надирия», где обучались в основном представители имущих слоев из числа таджиков, городских пуштунов и других национально-этнических групп населения Афганистана. Оба крыла имели довольно сильные позиции и среди студенчества, преподавателей и сотрудников Кабульского и Нангархарского университетов и Кабульского политехнического института. Однако и здесь наблюдалась устойчивая тенденция к их национальной обособленности. В основе такого обособления по национальному признаку, начавшегося еще до официального оформления партии, на ее кружковом этапе деятельности, лежали общая напряженность в национальных отношениях между пуштунами, с одной стороны, и непуштунами – с другой. Этноцентристские представления и национальная предубежденность, дух землячества и регионализма, которые были свойственны значительной части партийцев, постоянно «подпитывали» и обостряли межкрыльевую рознь, неизменно оказывали влияние на их поведение, взгляды и настроения и раскалывали партийные ряды не только по руслу «пуштуны-непуштуны», но и расчленили пуштунов-партийцев на группы в зависимости от их религиозно-племенной принадлежности (дуррани, гильзаи, пуштуны Пактии, Кандагара и т.д.).

В-четвертых, становлению и организационному укреплению партии сильно мешало тяжелое наследие кружковщины. Как уже отмечалось, НДПА была создана на основе объединения двух центров кружков, имевших своих признанных лидеров, свое видение социально-экономической, национальной и политической ситуации в стране и способов решения задач национально-демократического движения, а также и свойственные каждому центру в отдельности свои социальные, этнонациональные, земляческие, региональные, профессиональные и другие характеристики. Прежние узкие кружковые связи и тяготение к двум центрам оказались исключительно живучими и продолжали действовать в НДПА многие годы, разобщая партийные ряды и усиливая центробежные, сепаратистские тенденции в партии.

К существованию двух указанных центров внутри партии восходят также и болезненные перипетии борьбы вокруг персонального состава ее руководящих органов и так называемая «проблема двух вождей» (Н.М.Тараки и Б.Кармаля), заключающаяся, как представляется, не столько в их антагонизме и личных притязаниях на лидерство, сколько в постоянных стремлениях и действиях каждой из двух фракций обеспечить за собой во что бы то ни стало приоритетные позиции в высшем партийном руководстве. Такие устремления иметь «своего» лидера и связанные с этим межкрыльевое соперничество и борьба остались и после того, как с политической арены сошли названные партийные руководители.

В-пятых, организационная слабость НДПА была связана непосредственно с тем, что партия в течение более чем двух лет с момента своего создания функционировала без партийного устава, без какого-либо уставленного свода норм, правил и принципов внутрипартийной жизни. Однако и после принятия Устава партии в 1967 году деятельность ее организаций и членов во многом продолжала проходить вне уставных требований, что отрицательно сказывалось на укреплении дисциплины, организованности и сплоченности партийных рядов.

В-шестых, обе фракции в НДПА существенно расходились по ряду актуальных вопросов революционно-демократического движения в стране, в том числе и по программным, хотя каждая из них в своих

публикациях и выступлениях их деятелей никогда не ставила под сомнение правильность ни одного из положений программы партии.

Их расхождение на начальном этапе формирования партии касались прежде всего оценки социально-классовой ситуации в стране, движущих сил революции, характера партии и проблем гегемонии в движении. Халькистское крыло, преувеличивая степень феодальности афганского общества и включая в движущие силы революции преимущественно трудовые слои населения, по их терминологии – «эксплуатируемых», не только не хотело признавать за национальной буржуазией позитивной роли в национально-демократическом движении и исключало какую-либо возможность союза с ней, но и, более того, было склонно считать ее силой контрреволюционной. Одновременно халькисты необоснованно преувеличивали масштабы пролетаризации общества и способность рабочего класса страны выполнить свою «руководящую роль в национально-демократической революции». [118] На основе данной посылки они говорили о коммунистическом характере своей партии, называя ее «авангардом рабочего класса страны», призванной, по их мысли, обеспечить вначале свержение феодального строя и захват власти, а затем и перерастание «национально-демократической революции в социалистическую». [119] Впрочем, и парчамисты в своем кругу и в кругу зарубежных друзей также называли себя «коммунистами», имея, однако, в виду не характер движения, а свои идеологическую приверженность и симпатии.

Парчамисты, в отличие от халькистов, включали в состав движущих сил национально-демократической революции более широкий спектр слоев и классов афганского общества – трудящиеся массы, интеллигенцию и бюрократию, различные отряды национальной буржуазии и даже патриотически настроенных мелких и средних помещиков. [120] Они считали, что победа национально-демократической революции может быть обеспечена под руководством революционной демократии, а не коммунистической партии, для возникновения которой, по их взглядам, в Афганистане в то время не было соответствующих условий. В связи с этим они мыслили свою партию как авангард трудящихся страны, что нашло отражение во второй части ее (партии) названия, а именно: «НДПА (партия трудящихся Афганистана)». Расширительная трактовка парчамистами движущих сил и характера партии были встречены резко негативно со стороны халькистов, которые квалифицировали взгляды своих соперников как оппортунистические и соглашательские и не только как теоретическую ошибку, но и как «сознательное предательство класса эксплуатируемых во имя буржуазии – класса эксплуататоров», как проявление «буржуазной сущности парчамизма» и «отрицание на словах и на деле ведущей революционной роли рабочего класса в современной общественно-политической борьбе за социальное и национальное освобождение». [121]

Парчамисты, также как и халькисты, исходили из убеждения о необходимости и желательности руководящей роли рабочего класса в национально-демократической революции. [122] Однако они допускали и другой вариант: создание коалиционного правительства с участием всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил в случае, если рабочий класс страны окажется неспособным, особенно в начале национально-демократической революции, выполнять свою роль гегемона. [123]

Расхождения во взглядах по программным вопросам между Хальк и Парчам нашли концентрированное выражение в их концепциях «народной (хальковской) демократии» и «национальной демократии». [124] Первая из них, сформулированная Н.М.Тараки в общих чертах еще в начале 60-х годов во время подготовки к созданию партии Объединенный национальный фронт Афганистана, затем изложенная им на I Учредительном съезде НДПА и в других его материалах, включала в себя в основном следующее: создание в Афганистане пролетарской партии; обеспечение руководящей роли рабочего класса в национально-демократической («хальковской») революции; внесение пролетарской идеологии в сознание трудящихся масс и особенно интеллигенции, в том числе и военной, и организацию их для завоевания политической власти; установление в стране диктатуры пролетариата после победы революции и т.д. [125] Данная концепция, противоречившая узловым положениям программы партии, стала на практике для халькистского крыла руководством к действию и своеобразной «теорией хальковской (народной) революции».

Концепция «национальной демократии», которая вошла в программу партии в качестве ее основополагающего элемента и которой в принципе стремились придерживаться парчамисты, исходила из того, что Афганистан находится на этапе антифеодальной, антиимпериалистической, национально-демократической (а не пролетарской) революции, и в связи с этим предусматривала участие в данной революции различных социально-классовых сил от трудящихся до буржуазии, создание «единого национально-демократического фронта», приведение к власти правительства блока всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил, ядром которых должна была стать НДПА. [126] Халькисты решительно отвергали подобные взгляды деятелей Парчам, обвиняя их в том, что они-де «выхолащивают из марксизма-ленинизма его главную суть – учение о руководящей роли рабочего класса в социальной революции и о диктатуре пролетариата». [127]

Таким образом, как это видно из сравнения двух приведенных концепций, различия во взглядах между Хальк и Парчам по стержневым программным вопросам носили довольно существенный и принципиальный характер. Следует заметить, что в данном случае позиция парчамистского крыла в наибольшей степени учитывала специфику страны, последовательность решения задач демократического развития страны, чего нельзя сказать о другом крыле.

В-седьмых, предметом разногласий между Хальк и Парчам был и вопрос о формах и средствах борьбы. Халькистское крыло, делая ставку на ведение острой классовой борьбы и форсированную подготовку «народной (хальковской) революции» (другими словами – путча), отдавало приоритеты, как правило, нелегальным и насильственным формам и средствам борьбы, в то время как парчамисты, имея в виду постепенность и длительность периода вызревания элементов революционной ситуации, ориентировались на более широкое использование легальных возможностей и разнообразных политических средств.

В-восьмых, межфракционные противоречия в определенной степени осложнялись также вследствие

несовпадения взглядов по пуштунской проблеме, отношение к которой в Афганистане начиная с 90-х годов XIX в. всегда было мерилом патриотизма и показателем «духа афганства». Оба крыла партии в своих публичных выступлениях и заявлениях придерживались внешне сходных позиций как по вопросу о непризнании «линии Дюранда», навязанной Афганистану британскими колонизаторами в 1893 году и нарушившей территориальную целостность и этнические границы пуштунов, так и по вопросу о поддержке прав пакистанских пуштунов на самоопределение. Однако каждое крыло вкладывало в эти вопросы свое содержание.

Позиция Парчам сводилась в основном к решительной морально-политической поддержке освободительной борьбы зарубежных пуштунов и их права самим решать свою судьбу в рамках пакистанского государства. Что касается группы Хальк, то ее экстремистски настроенные деятели типа Х.Амина вынашивали скрытые шовинистические панпуштунские замыслы и мечтали под флагом «права наций на самоопределение» и «национального желания» народа Афганистана воссоединить всех братьев-пуштунов в рамках единого афганского государства и реализовать таким образом идею «Великого Афганистана» до реки Инд. [128] Несомненное влияние на формирование подобных взглядов в среде халькистов оказывала культивирувавшаяся в то время в кругах пуштунской интеллигенции, в том числе военной, идея о насильственном решении пуштунской проблемы, автором и рьяным сторонником которой в господствующих кругах страны был сардар М.Дауд. [129]

Различия между крыльями проявлялись также и в направленности их связей с пакистанскими общественно-политическими кругами. К примеру, халькисты, исходя из своей концепции «народной демократии», развивали отношения преимущественно с левыми силами – движением пуштунов-арендаторов во главе с Афзалем Бангашем, Рабоче-крестьянской партией («Маздур Кисан парти»), различными коммунистическими группировками, в то время как парчамисты тесно сотрудничали с национально-демократическими и прогрессивными кругами Пакистана (Национальной народной партией во главе с Абдул Вали-ханом и др.). [130]

В-девятых, Народно-демократической партии Афганистана в течение многих лет ее функционирования явно недоставало «цивилизованности» и культуры в ее внутривнутрипартийных делах. Партия, не имея собственного опыта организационно-партийной работы и слепо копируя чужие (не всегда, кстати, лучшие) нормы партийной жизни, рожденные в совершенно иных социальных, политических, исторических и других условиях, стремилась рассматривать любое несовпадение взглядов в рядах организации, любое несогласие с линией высшего руководства как фракционизм, ревизионизм, оппортунизм и т.п. и неизменно боролась с инакомыслием в партийных рядах исключительно с помощью организационно-административных мер. Неизбежным следствием этого становились раздоры, обособление и конфронтация в партийных рядах, утрата подлинной боевитости и сплоченности организации, удушение здоровой критики и конструктивной мысли, попрание внутривнутрипартийной демократии, создание в партии духа безропотного подчинения и поклонения «вождям» и другие негативные явления.

В-десятых, на положение в НДПА, безусловно, оказывали влияние слабая теоретическая подготовка ее членов, их политическая незрелость и неучет ими в практической деятельности особенностей и специфики своей страны, которую они – члены партии, в основном городские жители, к сожалению, знали плохо и, что еще хуже, не хотели ее познавать. Именно отсюда в партии проистекали догматизм, субъективизм и дилетантство.

И, наконец, нельзя сбрасывать со счетов воздействие на положение в партии внешних факторов – враждебной подрывной деятельности правящих кругов, консервативных, антидемократических, лево- и правозэкстремистских сил, а также зарубежных пропагандистских центров и спецслужб. С целью ослабления НДПА и устранения ее с арены политической борьбы в Афганистане они искусно провоцировали личные антагонизмы и неприязнь между лидерами Хальк и Парчам, натравливали и восстанавливали их членов друг против друга, расширяя таким образом пропасть между двумя основными крыльями в рядах афганских леводемократических сил. Пагубное влияние на взгляды партийцев оказывала маоистская идеология. Организационному укреплению НДПА мешало также и ее полулегальное положение.

Особо следует сказать о раскольнической роли Х.Амина, которую он сыграл в первых актах истории НДПА. Он, действительно, вносил много деструктивного, разрушительного в жизнь и деятельность партии, умело разжигал страсти по вопросам лидерства в организации, постоянно провоцировал внутривнутрипартийные склоки, взаимную неприязнь и недоверие. Вместе с тем было бы ошибочным преувеличивать его «вклад» в раскол НДПА. Беды партии, ее организационные и политические слабости в период становления (да и позже) коренились, как уже было показано, в самой природе НДПА, вызывались действием многих внутренних и внешних факторов и не сводились только к Х.Амину. В развертывавшейся афганской историко-партийной драме он был лишь одним из ее действующих лиц, одним из ее злых начал.

Расколы и размежевание в леводемократическом движении Афганистана после 1967 года стали довольно частым явлением. Вслед за расколом партии на две фракции острый характер в ЦК НДПА (Хальк) приобрели разногласия между его членами М.Т.Бадахши и Х.Амином (последний был введен в члены ЦК сразу же после раскола партии). Январский (1968 г.) пленум ЦК (Хальк), обсудивший выводы контрольной комиссии по поводу возникшего конфликта между указанными деятелями, охарактеризовал сложившееся в руководстве организации положение как «кризис в партии» и принял решение вывести Х.Амина из состава ЦК за его «шовинистические взгляды». Заслуживает особого внимания приведенная в решении данного пленума характеристика Х.Амина как человека, «известного по своей прошлой жизни фашистскими чертами и связанного с высокопоставленными чиновниками тех же качеств». Одновременно пленум осудил и М.Т.Бадахши за сектантские взгляды и приостановил его членство в ЦК, оставив его членом партии. [131] После пленума М.Т.Бадахши вместе с группой своих сторонников вышел из Хальк и вскоре создал новую политическую организацию. В следующем году раскол произошел и в крыле Парчам: его покинули и примкнули к Хальк Г.Д.Панджшери, А.Х.Шараи Джаузджани, Ш.Шахпар и ряд других лиц.

Впоследствии от Хальк откололись и образовали свои самостоятельные группировки М.З.Офок (1971 г.), [132] Аманулла Остовар (1972 г.) [133] и А.К.Заргун (1974 г.). [134]

Дробление партии на соперничавшие между собой фракции и мелкие группы сопровождалось заметным снижением ее общественно-политической активности. Однако негативные процессы в партийных рядах все же не привели к устранению леворадикальной оппозиции из политической жизни страны.

2.4. Газета «Парчам» («Знамя»)

Первый номер «Парчам» увидел свет 14 марта 1968 года. Став одной из двенадцати разрешенных тогда, в 1968 году, властями частных изданий, она объявила себя преемницей первого печатного органа НДПА – газеты «Хальк» и указала в подзаголовке своего названия, как это было и в «Хальк», что является «выразительницей народно-демократических взглядов Афганистана». Ее издатель и главный редактор Сулейман Лайек, определяя предназначение газеты, указал в ее первом номере, что она «поднимает свое знамя во имя защиты широких демократических прав и свобод народа, создания единого национального фронта и сплочения трудящихся, во имя своих конечных и стратегических целей и, наконец, во имя торжества дела мира, свободы, демократии и социального прогресса».

Стремясь выполнить роль общенациональной политической газеты, выразительницы взглядов строго определенного, леводемократического направления, «Парчам» поставила перед собой следующие задачи: пропаганда, распространение и популяризация программных народно-демократических принципов и положений; разъяснение текущей и генеральной (тактической и стратегической) линии народно-демократического движения Афганистана; распространение научного мировоззрения и передовых взглядов современной эпохи; содействие пробуждению общественного и политического сознания народа; воспитание и подъем среди народа духа борьбы; разоблачение внутренней реакции и международного империализма; всесторонний научный анализ афганского общества с точки зрения социально-экономической, политической, культурной, классовой и национальной; благоприятствование решению организационных вопросов движения; показ бед, чаяний и требований молодого рабочего класса и всех трудящихся страны; широкая и всесторонняя поддержка и защита рабочего и молодежного движения в стране и мире; поддержка технико-экономической помощи Афганистану со стороны миролюбивых и прогрессивных государств; защита национально-освободительных и прогрессивных движений и национально-освободительного движения народов Пуштунистана и Белуджистана. [135]

До восьмого номера включительно газета выходила еженедельно по четвергам на четырех полосах малого формата (за исключением первого номера, который был издан на шести полосах), а начиная с девятого номера (с 6 мая 1963 г.) – уже по понедельникам и в основном на четырех полосах большого формата. Ее материалы первоначально публиковались в двух вариантах на языках дари и пушту, а с девятого номера – в одном, смешанном. Некоторые стихи по традиции, заложенной еще газетой «Хальк», давались на узбекском и туркменском языках. Всего за 25 месяцев существования «Парчам» вышло 99 ее номеров. С 71 номера (с 28 июля 1969 г.) С.Лайек в связи с выдвижением его кандидатом в депутаты Вулуси джирги по избирательному округу Пули-Хумри передал функции главного редактора газеты Мир Акбару Хайбару, сохранив за собой пост ее издателя. В авторский актив «Парчам» входили Б.Кармаль, С.А.Кештманд, А.Ратгебзад, М.Х.Барек Шафии, Аму, Н.А.Нур, Кава, Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани (двое последних до лета 1969 г.), Горджестани, Асемаи, Нахид, Халиль Змар, Сепанда, Мехрбахш, а также Дауд Кавьян, Басир Ранджбар, Дауд Размьяр, Хешмат Кайхани, А.К.Горбанди, М.Барьялай, М.Исмаил Махшур, Наджибулла и другие. В газете со своими стихами на пушту выступал и известный пакистанский общественно-политический деятель Аджмаль Хаттак.

«Парчам», по сравнению с другими афганскими частными изданиями, выгодно отличалась как богатством своего содержания, так и разнообразием использования литературных форм и жанров. На своих страницах она рассматривала различные стороны общественно-политической и социально-экономической жизни страны и ее народа, актуальные проблемы леводемократического движения, включая молодежного и женского, аргументированно критиковала правящие круги, их внутреннюю и внешнюю политику, выдвигала и обосновывала программу глубоких демократических преобразований в интересах народных масс, полемизировала со взглядами и воззрениями других леводемократических сил. Большое внимание в газете уделялось пропаганде леворадикальных идейных взглядов, развитию политического сознания участников и сторонников народно-демократического движения. В ней, помимо фундаментальных теоретических материалов, систематически печатались публицистические статьи и заметки, репортажи с мест событий, отклики на важнейшие события внутри страны и за рубежом, письма читателей, памфлеты, короткие литературные рассказы, переводы из зарубежной демократической и коммунистической прессы, политические карикатуры и т.д. В газете «Парчам» получила дальнейшее развитие афганская поэзия революционно-демократического содержания. Ее яркими представителями стали С.Лайек и М.Х.Барек Шафии, опубликовавшие на страницах газеты более 30 своих стихотворений. В газете своей содержательностью и актуальностью материалов выделялись рубрики: «Теоретический раздел», «Национально-освободительное движение и проблемы некапиталистического пути развития», «Социально-политическая терминология», «Письма читателей», «Горести народа», «Важные события в мире за неделю», «Лозунги движения». Начиная с 48 номера (с 18 февраля 1969 г.) была введена рубрика-раздел под названием «Беды, жалобы и протесты народа», которая, как правило, занимала почти всю газетную полосу. Всего под этой рубрикой в 26 номерах «Парчам» было опубликовано более 130 писем, обращений и жалоб рабочих, крестьян, студентов, учащихся, государственных служащих, представителей интеллигенции, служителей культа, в которых они рассказывали о своих нуждах, бедах и требованиях, беззаконии, произволе и злоупотреблениях властей. Корреспонденции в газету поступали буквально из всех районов страны, но больше всего из центральных и северных. Ряд номеров газеты носил тематический характер и был посвящен

как правило, памятным и юбилейным датам: Дню независимости (23 августа), Дню Пуштунистана (31 августа), 100-летию со дня рождения В.И.Ленина (22 апреля) и т.д.

Идейно-политическое лицо газеты «Парчам», несомненно, определял Б.Кармаль, опубликовавший на ее страницах более 90 весьма солидных по объему материалов – политико-аналитических, теоретических, программных и пропагандистских статей и заметок, парламентских выступлений и запросов, передовиц. Свой вклад в раскрытие идей и целей леводемократического движения в Афганистане, в просвещение и консолидацию радикально настроенной части общества вносили и другие члены авторского коллектива газеты, специализировавшиеся, как правило, по каким-то определенным проблемам. Так, М.А.Хайбар в основном готовил материалы по идейно-теоретическим и политическим аспектам национально-освободительного и демократического движения, популяризировал марксистские идеи и взгляды об обществе и классовой борьбе, С.А.Кештманд анализировал социально-экономическое положение в стране и с позиций программы партии раскрывал пути и средства преодоления вековой отсталости афганского государства, А.Ратебзад освещала проблемы женского движения и здравоохранения в Афганистане и т.д. Практически в каждом номере «Парчам» содержались материалы, которые давали ответы на животрепещущие теоретические и практические вопросы национально-демократического движения в стране.

В первом номере «Парчам», в частности, была опубликована на языке пушту пространная статья Б.Кармаля «Взгляд на наши национальные задачи на текущем историческом этапе (пути и средства достижения победы)». В этой статье, носившей по существу программный характер, излагались тактические и стратегические задачи афганской левой демократии в условиях дальнейшего обострения общественных противоречий и углубления процессов политизации городских слоев общества, а также давалась расшивка двух противостоящих друг другу лагерей в стране – леводемократического и реакционного. Автор, стоя на позициях постепенности и последовательности решения леводемократических задач, считал, что борьбе за «конечную цель», т.е. непосредственной борьбе за социализм, должен был предшествовать «подготовительный», демократический этап, осуществляемый мирным путем в рамках существующего строя, с широкой опорой и при участии всего народа – рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, национальной буржуазии, мелких и средних помещиков, прогрессивных элементов. Целью этого этапа, по его мнению, являлось создание «национального демократического правительства», призванного повести борьбу против реакции – феодалов, компрадорской и бюрократической буржуазии, крупного торгового капитала и империализма и осуществить прогрессивные реформы в стране, в том числе и демократическую земельную реформу. Особо подчеркивалось, что обязательным условием успешного функционирования «демократической национальной власти» и решения ею исторических задач должен был стать «единый национальный демократический фронт», объединяющий все прогрессивные и патриотические силы и группы населения. Ядром этого фронта мыслилась НДПА при условии восстановления единства партийных рядов и отказа ее руководства от установок «вождизма и стремления быть на первых ролях» [136] (имелась в виду позиция халькистов. – М.С.).

Проблемы борьбы за программные цели движения были поставлены и теоретически обоснованы в других работах Б.Кармаля, в частности в статьях «О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане», «Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны», «Подлинная революционная политика не имеет ничего общего с революционным фразерством», «О практической деятельности народно-демократических борцов Афганистан», «Утопия и реализм в политике», «По поводу средств достижения победы и создания нового общества в Афганистане» и др. [137] В них автор, полемизируя прежде всего с установками халькистов и их «теории хальковской (народной) революции» и особо подчеркивая при этом ошибочность и преждевременность выдвижения лозунга борьбы за «конечную цель» в качестве главной задачи дня, указывал, что Афганистан 60-х годов находится на пороге национально-демократической, а не пролетарской революции и что для перехода ко второму этапу, т.е. социалистическому, необходимы «определенные исторические условия, объективные и субъективные предпосылки». Он прозорливо отмечал, что «перескакивание через стратегический этап, т.е. национально-демократический этап, явится непоправимой ошибкой, в результате которой прогрессивные силы в Афганистане будут изолированы от национально-демократического движения и даже потерпят поражение на данном историческом этапе». [138] Таких же взглядов придерживались и другие афганские левые демократы, группировавшиеся вокруг газеты «Парчам». Они считали, что Афганистан еще не созрел для борьбы за «конечную цель» ввиду общей экономической отсталости и неразвитости социальных и классовых структур общества». [139] По содержанию решаемых задач национально-демократическая революция в Афганистане характеризовалась как антифеодалная и антиимпериалистическая, призванная разрешить основное противоречие первого этапа – противоречие между народом Афганистана, с одной стороны, и феодализмом и империализмом – с другой. В указанных выше работах были рассмотрены и другие актуальные вопросы движения, как-то: проблема гегемонии в национально-демократической революции, вопросы о сущности и форме национально-демократического правительства, революционной ситуации, становке социально-классовых сил в стране, формах и средствах борьбы за власть, месте и роли партии в революции и другие.

Одним из непростых вопросов для авторов «Парчам» оказался вопрос о гегемонии в национально-демократической революции. В поисках ответа на него они неизменно наткнулись на противоречие между усвоенным ими классическим положением марксизма о руководящей роли рабочего класса и его партии в революции и реальностями Афганистана – практическим отсутствием рабочего класса в неразвитой социально-классовой структуре афганского общества. Отдавая дань слепой верности данному марксистскому постулату, применимому лишь к развитому классовому обществу, они намеренно закрывали глаза на афганскую действительность и утверждали, что в Афганистане гегемоном национально-демократического этапа революции должен быть только рабочий класс, руководимый своим авангардом, т.е. НДПА (подчеркнуто мною. – М.С.). Вместе с тем некоторые авторы публикаций в газете «Парчам», осознавая несо-

ответствие указанной установки конкретным условиям страны, все же вынуждены были опускаться с небес голой абстракции на грешную землю и оговариваться, что проблема гегемонии рабочего класса, руководимого его политическим авангардом, обязательна лишь для достижения «конечной цели» движения, но не для демократического этапа революции. При этом вполне резонно пояснялось, что рабочий класс Афганистана 60-х годов XX в. не мог выполнить свое историческое предназначение гегемона революции, так как проходил только первые шаги своего количественного и качественного становления. [140] В связи с этим перед народно-демократическим движением ставилась задача поднимать уровень политического и классового сознания рабочих, способствовать их организованности и широкой вовлеченности в борьбу за свои интересы, укреплять союз рабочего класса с крестьянством (иногда в публикациях газеты «Парчам» говорилось о необходимости союза рабочего класса с безземельным и малоземельным крестьянством, особенно в рамках осуществления демократической земельной реформы, [141] что вряд ли было правильным, учитывая уровень социально-экономического развития Афганистана того времени и задачи борьбы за создание широкого фронта национально-демократических сил).

В таком же неоднозначном ключе рассматривался в газете «Парчам» и вопрос о сущности и форме национально-демократического правительства. Так, заявлялось, что оно, возникнув в ходе национально-демократической революции, «по своей сущности должно быть диктатурой трудящихся, а с точки зрения формы – демократическим правительством народа». Вместе с тем уточнялось, что в случае неспособности рабочего класса и его политического авангарда возглавить движение, правительство, создаваемое в ходе революции, должно быть по своему содержанию коалицией представителей всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил, а с точки зрения его формы – национально-демократическим правительством. [142] Массовой социальной опорой такого правительства признавался широкий объединенный национальный фронт «под руководством любого из демократических классов: рабочих, крестьян, мелкой буржуазии города или же представителей прогрессивной интеллигенции, включая и революционно настроенных военных». [143] Что касается национальной буржуазии, то степень ее участия в таком фронте, как считали авторы «Парчам», зависела от зрелости и влияния рабочего класса и его союза с крестьянством. Создание национального фронта в Афганистане, по их мнению, требовало «длительной и кропотливой работы». [144]

Газета «Парчам» стремилась рассматривать важнейшие проблемы национально-демократического движения с позиций марксистской теории, с учетом как накопленного международного опыта демократической освободительной борьбы, так и специфики и особенностей своей собственной страны (правда, последнее не всегда удавалось). Постоянное обращение газеты к теории и практике движения диктовалось не только задачами идейно-политического просвещения представителей афганской революционной демократии, искренним желанием найти верные пути и средства борьбы за свои цели и идеалы, но и настоятельной необходимостью противодействия левацким и маоистским взглядам, которые в те годы получили хождение среди определенной части афганской интеллигенции и городских средних слоев и угрожали увести движение на путь левого экстремизма и политических авантур. Беспокойство газеты вызывали идейный разброд и политическая разобщенность в рядах афганской революционной демократии и особенно абсолютизация леваками насильственных методов борьбы (вооруженного восстания, партизанской и гражданской войн, военного переворота). Поэтому не была случайной на ее страницах острая полемика с левацкими элементами по таким, прежде всего, вопросам, как революционная ситуация, формы и средства борьбы, расстановка противоборствующих социально-классовых сил в стране, роль и место партии в движении и др. [145]

Показательна в этом отношении большая статья Б.Кармалы под названием «Подлинная революционная политика не имеет ничего общего с революционным фразерством». [146] Приводя пространные цитаты из работ В.И.Ленина (как закавыченные, так и в изложении, но без упоминания его имени и источника), автор подчеркивал, что революционный класс и его авангард для достижения своей цели должен овладеть всеми формами борьбы, без какого-либо исключения, и уметь быстро переходить от одной из них к другой в зависимости от меняющейся обстановки и что, признавая различные формы борьбы, подлинно революционная партия в принципе не отрицает и использование насильственных методов. Но для этого необходимо наличие революционной ситуации и субъективных факторов. Дав ленинское определение революционной ситуации и характеристику ее главных признаков, Б.Кармаль поставил вопрос: существует ли в Афганистане революционная ситуация и необходимые субъективные условия для революции? Ответив на него отрицательно, он заявил, что в Афганистане, в тех конкретных условиях, «лозунг насильственной революции и вооруженного восстания являлся авантюрой и провокацией и служил в конечном счете, с одной стороны, интересам реакции и империализма, а, с другой, вел к разгрому освободительного национально-демократического движения». Подчеркнуто было и еще одно положение: для успеха восстания необходимо, чтобы оно опиралось не на партию, а на передовой класс, на широкие слои народа, включающие рабочих, крестьян, ремесленников, студентов, низших государственных служащих и другие прогрессивные и патриотические элементы и группы населения. [147]

В газете «Парчам», особенно в первые месяцы ее издания, большое внимание уделялось выяснению социально-экономического уровня развития афганского общества, его социальной структуры, места и роли различных слоев и классов в национально-демократическом движении и на основе этого определению задач, направлений и характера деятельности партии. Такой интерес газеты к анализу названных проблем был вполне понятен и оправдан, поскольку без их уяснения, по ленинскому выражению, «нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности». [148] Довольно-таки обстоятельную картину общества, несмотря на скудость имевшихся в их распоряжении официальных и неофициальных статистических данных и исследований, дали Б.Кармаль и С.А.Кештманд в своих статьях, опубликованных в апреле-сентябре 1968 года. [149] В них они пришли к выводу о том, что в стране, в условиях существования многих экономических укладов, включая феодальный и дофеодальный, продолжают господствовать

феодалные производственные отношения, дополняемые сохранением родоплеменных структур хозяйства и власти. Повсеместно сельскохозяйственное производство базируется на использовании примитивных средневековых орудий труда. По мысли указанных авторов, феодальный экономический уклад, будучи господствующим в афганской деревне, был связан со следующими видами феодальной собственности на землю: земельными владениями местных (коренных) феодальных малеков; вакуфным землевладением крупных духовных лиц и религиозных учреждений; владениями знати; и частнохозяйственными феодальными владениями, принадлежавшими крупным коррумпированным государственным чиновникам и торговцам-посредникам (компрадорам). Все названные крупные земельные собственники, отличаясь друг от друга по форме, были едины по своей сути – использованию феодальных методов эксплуатации крестьян. Признавая недостаточную изученность проблемы феодальных отношений в стране, авторы вместе с тем подчеркивали, что «феодализм в Афганистане в своих основных чертах отличается от средневекового феодализма Западной Европы и других стран и находится в состоянии разложения под воздействием изменений форм собственности в стране и в связи с появлением капиталистических отношений в городе».

[150] По данным газеты «Парчам», [151] в 1968 году в Афганистане проживало 16 млн. человек, из которых 11,37 млн. или примерно 2,2 млн. семей составляли оседлое население, 3 млн. человек – кочевники и 1,63 млн. человек – городские жители. Из 6,6 млн. человек дееспособного населения (без кочевников) в производственной сфере было занято лишь 3,8 млн., в том числе в земледелии и скотоводстве – 2,93 млн. человек. Общая площадь обрабатываемых земель в те годы определялась в 39 млн. джерибов (около 8 млн. га), из которых 90 % находилось в руках частных собственников, составлявших в целом по стране 30 % сельского населения. Однако размеры их земельных владений, указывали авторы «Парчам», были далеко не одинаковыми. Крупные феодальные малеки, составлявшие только 2 % населения деревни (40 тыс. семей), владели 40 % всех обрабатываемых земель (т.е. 15,6 млн. джерибов или 3,2 млн. га), зажиточные крестьяне и середняки (8 % сельского населения) имели 30 % земли (11,7 млн. джерибов или 2,4 млн. га), а малоземельные крестьяне (20 % населения) – лишь 20 % всех обрабатываемых земель (7,8 млн. джерибов или 1,6 млн. га). При этом земельные участки последней категории землевладельцев в среднем не превышали 5 джерибов (1 га), что не обеспечивало минимальных нужд их многочисленных семей. В то же время земельные наделы зажиточных крестьян превосходили наделы малоземельных крестьян в среднем в 20 раз. Что касается земельных владений феодальных малеков, то размеры каждого из них колебались от 20 до 50 тысяч джерибов. [152] Вместе с тем более 2/3 населения афганской деревни, как писала газета «Парчам», вообще не имели земли. Из них 60 % составляли безземельные крестьяне и арендаторы и 10 % – ремесленники, кустари и их ученики. Крупных арендаторов, которых можно было бы по уровню жизни отнести к зажиточным крестьянам, указывал Б.Кармаль, в афганской деревне крайне ограниченное число. Не получили развития и были довольно редким явлением в стране и хозяйства капиталистического типа.

[153] Авторы «Парчам» указывали на исключительно высокую степень феодальной эксплуатации афганских крестьян, их нищенское и бесправное положение. Их основная масса вынуждены была арендовать землю у феодальных малеков и знати на кабальных условиях издолящины и исполящины. При этом в пользу малека обычно изымалось от 50 до 80 % собранного урожая и, как правило, в натуральной форме. В связи с тем, что в стране не существовало закона об аренде, отношения между крестьянином-арендатором и малеком строились по произволу последнего «в соответствии с краткосрочными договорами, основанными на различных нормах обычного права, которые являлись в высшей степени несправедливыми и жестокими». [154] По словам Б.Кармаля, отжившая система землепользования в Афганистане была самой жестокой в Азии. Кроме всего прочего, «крестьяне в условиях отсутствия цивилизованной правовой системы вынуждены были еще нести в пользу малека различные повинности и делать ему всевозможные подношения». [155] Рентная эксплуатация крестьян дополнялась ростовщической долговой кабалой, различными поборами местных государственных чиновников и знати, а также ограблением крестьян со стороны торговцев-посредников, скупавших за бесценок сельскохозяйственную продукцию и продававших ее по высоким ценам внутри страны и за рубежом.

На основе анализа положения в афганской деревне авторы «Парчам» сделали вывод о том, что «феодальные малеки являются главным врагом и эксплуататором народа страны» и «большой реакционной силой» с присущими ей «чертами черной восточной деспотии и фашистскими и средневековыми методами попрания основных прав крестьян» и что «крупные земельные собственники-малеки и ханы всегда были в прошлом и остаются огромной преградой на путях социально-экономического и политического развития страны. Отсюда, по их мнению, «первейшей и важнейшей демократической задачей» является «борьба против феодализма, против феодальных форм эксплуатации крестьян» и справедливое решение в Афганистане крестьянского вопроса. [156]

Вместе с тем нельзя не заметить, что афганские левые, оценивая на страницах газеты «Парчам» потенциальные возможности различных категорий крестьянства страны, допускали порой упрощенные и противоречивые толкования их роли как субъектов национально-демократического движения. Это выражалось прежде всего в недооценке и игнорировании роли в решении крестьянского вопроса крестьян-середняков и зажиточных крестьян. По их представлениям, в деревне только безземельные и малоземельные крестьяне, батраки и сельские ремесленники составляли трудящиеся массы крестьянства и «именно их касался крестьянский вопрос». Наряду с этим, они преувеличивали степень готовности крестьян к борьбе за свои права и свободы, не учитывали психологию рабской покорности и безропотной зависимости афганского крестьянства от местных экономически и политически господствовавших лиц и авторитетов, его почти поголовную неграмотность, низкую политическую и классовую сознательность, отсутствие заметных элементов крестьянского движения в деревне в те годы и т.п. Все это, вместе взятое, делало весьма сомнительным и преждевременным выводы авторов «Парчам» о готовности крестьян к «воспри-

ятию идеологии угнетенных и эксплуатируемых классов» и выполнению ими роли «естественного и мощного союзника рабочего класса и одной из движущих сил национально-освободительной борьбы в стране». [157]

Леводемократические круги Афганистана постоянно занимала и проблема мелкой буржуазии: ее облик, роль и место в обществе, стереотипы поведения в политической жизни страны. По их оценкам, мелкая буржуазия была одним из наиболее значительных по своей численности социальных слоев как афганской деревни, так и города. В ее состав, кроме крестьян-собственников, они включали зажиточных городских ремесленников, кустарей, портных, сапожников, столяров, каменщиков, медников, жестянщиков, каменотесов, златокузнецов, владельцев ремонтных мастерских, мелких торговцев, а также низших государственных служащих и представителей интеллигенции, чьи материальный уровень жизни, психологические и социальные характеристики приближались к мелкобуржуазным слоям. Подчеркивались двойственность экономического положения мелкого буржуа, политическая непоследовательность и неустойчивость его поведения. Отсюда делался вывод о «неспособности мелкой буржуазии к политическому и экономическому руководству». [158]

Совершенно иная оценка давалась мелкобуржуазной интеллигенции и студенчеству. «В условиях нашей страны, – писал С.А.Кештманд, – интеллигенция – главная сила антифеодальной и антиимпериалистической борьбы. Она все больше превращается в союзника рабочего класса. Из ее среды выходят сознательные прогрессивные элементы, выполняющие активную роль организаторов и руководителей движения». [159] Тем не менее издатели «Парчам» не были склонны идеализировать отечественную интеллигенцию, различая в ней прогрессивную, национально-патриотическую часть, представленную, как правило, выходцами из средних слоев города и деревни и принадлежавшую к низшим и средним категориям служащих и людей свободных профессий, с одной стороны, и реакционную, связанную по происхождению и взглядам с элитарными, господствующими кругами общества и капиталистическим Западом – с другой. Характеризуя прогрессивную интеллигенцию Афганистана, газета, наряду с положительными ее качествами – образованностью и подготовленностью к восприятию передового мировоззрения, глубоким состраданием к нуждам и бедам обездоленного народа, радикализмом в настроениях и действиях, отмечала и такие присущие ее отдельным группам отрицательные черты, как оторванность от масс, слабое знание социальных условий и реалий своей страны, поверхностное восприятие передовой научной теории, преувеличение своих возможностей и роли в общественно-политической борьбе, склонность к подмене конкретных действий громкими лозунгами, а также типичные для мелкобуржуазных кругов особенности психологии – амбициозность и чванливость, завистливость и эгоизм, мелочность, тяготение к показному героизму, конформизм, экстремизм, авантюризм, непоследовательность и т.п. [160]

В 50-начале 60-х годов в ходе реализации в Афганистане двух первых пятилетних планов экономического развития заметно ускорился процесс складывания национального рабочего класса. Небезынтересны в связи с этим его количественные и качественные характеристики, которые давались на страницах газеты «Парчам». При анализе ее публикаций на данную тему прежде всего обращает на себя внимание слишком расширительная трактовка понятия «наемные рабочие». В него авторы «Парчам» включали, кроме фабрично-заводских, транспортных и строительных рабочих, шахтеров, сельскохозяйственных рабочих, также и поденщиков, в том числе деревенских – плотников, кузнецов, гончаров, их учеников, подмастерьев и т.п., и полупролетарские элементы (обслуживающий персонал системы здравоохранения, просвещения, торговли, государственных учреждений и т.п.). Численность всех «наемных рабочих» в Афганистане определялась в 880 тыс. человек, из которых 20 % газета относила к «современным пролетариям (фабрично-заводским, транспортным и строительным рабочим и шахтерам)». [161] Численность же собственно промышленных (фабрично-заводских) рабочих оценивалась в 32 тыс. человек. В газете далее отмечалось, что непродолжительный численный рост армии наемного труда в Афганистане фактически прекратился к середине 60-х годов в связи с завершением строительства крупных хозяйственных объектов и отсутствием финансовых средств для новых строек. Появились безработные, среди которых оказалось до 80 тысяч квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Многие из них, вместе со значительным числом обнищавших крестьян, хлынули в поисках работы в города, где, не найдя ее, пополнили армию люмпенов. [162]

Что касается качественных характеристик и оценок национального рабочего класса, то газета «Парчам», надо признать, не была по этому поводу до конца последовательной и логичной. В частности, в некоторых ее публикациях справедливо отмечались такие существенные черты афганских рабочих, как сохранение ими прочных связей с деревней, их малочисленность, крестьянская и полукрестьянская психология, низкое классовое и политическое сознание, слабая организованность и сплоченность, неготовность к восприятию передовой идеологии. [163] В то время Б.Кармаль в одной из своих статей обоснованно писал: «В настоящее время рабочий класс нашей страны проходит первые шаги своего количественного становления и выработки своего классового и политического сознания и пока не может считаться сплоченной и организованной политической силой». [164] Одновременно в этой же статье он, противореча себе, заявлял, что афганский рабочий класс, «несмотря на свою относительную численную слабость, выполняет активную роль в антифеодальной и антиимпериалистической борьбе, так как является самой последовательной силой, способной довести до конца национально-демократическое движение». Собственно говоря, в таком же ключе писал и С.А.Кештманд, утверждая, что «молодой рабочий класс Афганистана уже играет созидательную роль в освободительном национально-демократическом движении страны» и «в состоянии возглавить коренное и качественное переустройство общества». [165] Такая завышенная оценка потенциальных возможностей формировавшегося афганского рабочего класса не отражала объективно его истинное место в нараставшем тогда в стране национально-демократическом движении и скорее была авансом на будущее, на его ожидаемую роль в предстоящей борьбе.

Характеризуя социальную ситуацию в стране, газета «Парчам» обратила внимание на расширение

масштабов обнищания масс и возрастание численности пауперов и люмпенов. Она связывала эти процессы с продолжавшимся в обществе социальным расслоением, огромным аграрным перенаселением, хронической безработицей, ростом цен, отсутствием жилья и неблагоприятными жилищными условиями и антинародной социально-экономической политикой правительства страны. [166] Однако газета дальше этой констатации, к сожалению, не пошла и, несмотря на актуальность проблемы люмпентства, не ставила и не рассматривала его социальные и политические черты, идеологию, связи с консервативными и религиозными кругами, роль и место в освободительной и классовой борьбе.

Представляют интерес оценки и характеристики деятелями НДПА (Парчам) афганской буржуазии вообще и ее отдельных отрядов – в частности. Они исходили из признания существования в стране двух отрядов буржуазии: крупной (компрадорской), связанной с империализмом, и средней (национальной) буржуазии. При этом отмечалось, что «капиталистические отношения в стране пока не получили широкого развития и находятся лишь в своей начальной стадии», в связи с чем в то время будто бы «нельзя было дать очень точную характеристику компрадорской и национальной буржуазии... и провести четкую грань между ними». Касаясь национальной буржуазии, С.А.Кештманд писал, что она «не смогла пока проявить себя как класс из-за специфических условий Афганистана». В целом деятели Парчам, как и халькисты, придерживались определенного нигилистического отношения к национальной буржуазии, отказывали ей не только в возможности войти в руководство национально-демократическим движением, но и фактически брали под сомнение ее антифеодальные потенции. По их утверждению, «она колеблется как по вопросам антиимпериалистической борьбы, так и по вопросам демократических преобразований в обществе, ...будучи сторонницей половинчатых и усеченных реформ, могущих привести лишь к ограничению феодальных и полуфеодальных отношений». Тем не менее они не отрицали ее возможное участие как «союзника в национально-демократическом фронте». [167]

В Афганистане к концу 60-х годов сложился небольшой, но весьма состоятельный слой торговой (компрадорской) буржуазии. Как писала газета «Парчам», она, несмотря на свою малочисленность, «располагала огромным влиянием в финансовой, банковской и внешнеторговых сферах и, будучи тесно связанной с феодальными и полуфеодальными кругами и иностранным капиталом, «играла заметную роль в политической жизни страны». В связи с этим компрадорская буржуазия рассматривалась как «злейший враг национально-демократического движения Афганистана и препятствие на путях быстрого социально-экономического развития общества и обеспечения экономической независимости страны». [168]

Обобщая исследование социально-классовой ситуации и расстановки политических сил в стране, издатели «Парчам» сделали принципиальный вывод о том, что в тех исторических условиях «главными врагами народа Афганистана» являлись феодальные малеки, крупные ростовщики, компрадорская и бюрократическая буржуазия, империализм, а также та часть интеллигенции, которая была связана с ними и защищала их интересы. Им противостоял народ Афганистана, в который они включали рабочих, крестьян, ремесленников, прогрессивные и патриотические слои интеллигенции и государственных служащих, национальную буржуазию, мелких и средних малеков (помещиков). [169]

Представители афганской левodemократической оппозиции важнейшими задачами национально-демократического движения в стране считали справедливое решение двух вопросов: аграрного и национального. Тот и другой вопрос неизменно стоял в центре внимания газеты «Парчам». Им было посвящено множество заметок, передовиц, парламентских выступлений депутатов от НДПА, редакционных статей, принадлежавших перу Б.Кармаля, С.А.Кештманда, М.А.Хайбара, А.Ратезада, Г.Д.Панджшери, С.Лайека и др. Решение аграрного вопроса расценивалось ими по своей исторической значимости вторым после завоевания страной политической независимости. Раскрывая историческую необходимость аграрных преобразований, Б.Кармаль подчеркивал, что устранение отжившей феодальной системы землевладения путем осуществления демократической земельной реформы с участием всех крестьян должно было привести к коренному улучшению их условий жизни, решению хронической продовольственной проблемы, прекращению процессов пауперизации крестьянства и парцелляции земли, утверждению в обществе подлинной демократии и социального прогресса и подрыву в стране влияния империализма, осуществлявшегося им через местные феодальные и компрадорско-бюрократические круги. Проведение демократической земельной реформы мыслилось ими на основе формулы «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает». [170]

При раскрытии содержания земельной реформы издатели «Парчам» дословно повторяли положения аграрной части программы НДПА (помощь и поддержка мелких и средних землевладельцев, ликвидация задолженности крестьян ростовщикам, распределение и освоение целинных земель, создание потребительских, сбытовых и производственных кооперативов, предоставление им льгот по приобретению сельскохозяйственной техники, инвентаря, химических удобрений, сортовых семян, агрономическая помощь, учреждение крупного сельхозбанка и т.д.). Однако они оставляли без ответа (как, впрочем, и сама программа партии) такой кардинальный вопрос земельной реформы, как условия изъятия земли у крупных феодальных владельцев и наделению ею крестьян, что делало аграрную платформу движения неопределенной и незаконченной в ее главной, принципиальной части. [171]

На протяжении веков многонациональный Афганистан нес на себе тяжкий груз межэтнических и межплеменных противоречий, вражды, раздоров и нередко кровопролитных вооруженных конфликтов. Они продолжали оставаться фактором внутривнутриполитической нестабильности страны и в XX в. Более того, с 50-х годов застарелые этнонациональные проблемы стали еще более острыми и драматическими в связи с ускорением капиталистических преобразований и ростом социальной напряженности в обществе. Следует заметить, что первыми среди всех оппозиционных и проправительственных политических сил, кто обратил на них серьезное внимание, были левodemократические группировки. Как отмечалось выше, уже в первой программе НДПА (1966 г.), а затем в газете «Хальк» они изложили и теоретически обосновали свои принципиальные подходы к решению национального вопроса в Афганистане как одного из самых

сложных явлений социальной жизни населения страны. Эту эстафету продолжила газета «Парчам». Она неоднократно обращалась к анализу национальных противоречий и языковой ситуации в стране, тяжелого положения и дискриминации этнических меньшинств, отсталости районов проживания пуштунов и их межплеменных конфликтов, путей ликвидации национального гнета и отчужденности, проблем освободительного движения народов Пуштунистана. [172]

Коренные причины нерешенности национального вопроса в Афганистане издатели «Парчам» видели прежде всего в «господстве отживших феодальных отношений, реакционной политике правящих кругов и последствиях злополучной политики британского колониализма». Одновременно они признавали и огромную сложность его решения в связи со спецификой страны: ее экономической отсталостью, нищетой, невежеством, неграмотностью и низким уровнем политической сознательности подавляющего большинства населения, живучестью в обществе племенных, национальных, региональных и религиозных предрассудков и розни, феодальной раздробленностью, наличием миллионов кочевников. [173]

В поисках путей и средств решения национального вопроса авторы «Парчам», как правило, черпали свои воззрения в марксистской литературе и соответствующем опыте строительства многонационального советского государства. В частности, они выступали за установление в стране формально-юридического и фактического равенства всех ее народов в социально-экономической, политической и культурной сферах, ликвидацию всех форм и проявлений национального гнета, раздоров, дискриминации и обособленности, за право наций на самоопределение вплоть до отделения. В качестве же первоочередных мер они считали необходимым, чтобы власти признали «одинаково ценными и равноправными литературу, искусство, быт, обычаи, традиции и язык различных народов, населяющих Афганистан, и содействовали всестороннему развитию и обмену достижениями их материальной и духовной культуры, укреплению между ними подлинного братства, дружбы, искренности в отношениях и взаимного уважения». [174]

Однако, пожалуй, наибольшая озабоченность на страницах «Парчам» высказывалась по поводу языковой политики правящих монархических кругов и их отношения к развитию национальных культур. Показательны в этом отношении статьи и парламентские выступления Б.Кармалы и публикации в газете его тогдашних единомышленников – представителей национальных меньшинств таджика из Панджшера Г.Д.Панджшери и узбека из северной провинции Джаузджан А.Х.Шараи Джаузджани. Б.Кармаль, выступая 18 октября 1969 года в Вулуси джирге, обвинил правящий режим в невнимании к развитию языка пушту, пренебрежении к дари и притеснениях других языков и в создании таким образом угрозы сплоченности народов и единству страны. [175] В еще более резкой форме по поводу культурно-языковой проблемы высказывался А.Х.Ш.Джаузджани. «После завоевания независимости, – писал он, – не было проявлено никакого внимания к возрождению культуры узбекского и туркменского народов. Более того, реакционеры рассматривали ее «нетерпимой» ... и беззащитно прибегали к уничтожению ее последних остатков... И это им в известной мере удалось. Сегодня часть узбекской и туркменской интеллигенции уже не может ни писать и ни читать на своем родном языке. Это – прямая угроза утраты языка и национальной культуры указанных народов, что в конечном итоге явится потерей и для национальной культуры Афганистана в целом». [176] Об этом же говорил Г.Д.Панджшери в статье «Культура хазарейцев – неотъемлемая часть национальной культуры нашей единой родины – Афганистана». Он, сославшись на соответствующее положение программы партии, отметил несправедливость административного деления в Хазараджате и в других районах, осуществленного в свое время, по его мнению, без учета сложившихся в стране экономических, этнических, культурных, языковых и исторических связей. [177]

Газета давала немало других примеров и свидетельств по поводу широкого распространения в стране дискриминации и незаконий в отношении национальных меньшинств, в том числе использования их на запрещенных Конституцией Афганистана принудительных работах, пыток, тюремного заключения без суда и следствия, запреты на издание литературы на национальных языках и т.д. В качестве наглядного подтверждения последнего газета «Парчам» приводила отказ отдела по печати министерства информации и культуры удовлетворить просьбу редакции издать литературный сборник на узбекском и туркменском языках под надуманным предлогом о том, что-де в Афганистане «все издания (официальные и частные) должны печататься на пушту и дари», поскольку, согласно Конституции страны, только эти два языка являются «официальными и национальными». [178]

Внутриполитическая ситуация в Афганистане была отягощена не только межнациональными противоречиями, т.е. противоречиями между пуштунами и непуштунами, но и напряженностью в межплеменных отношениях среди самих пуштунов. В период, когда издавалась газета «Парчам», в Пакистане вспыхнул и принял затяжной характер вооруженный конфликт между племенами джаджи и мангал, что не могло не привлечь внимание и вызвать беспокойство широкой афганской общественности. Реакцией на эти события явилась статья Б.Кармалы «Необходимость демократического решения в стране проблемы племен», [179] в которой он, помимо краткой характеристики племенной системы в стране, изложил свое видение путей решения этой злободневной общенациональной проблемы. Отметив по преимуществу натуральный характер племенного хозяйства, глубокую приверженность обычаям и традициям и зависимость рядовых членов племен от власти их ханов и старейшин, Б.Кармаль подчеркнул, что афганские (пуштунские) племена на протяжении всей своей многовековой истории являлись не только мощным фактором борьбы против иностранных захватчиков-колонизаторов, но и силой, которая постоянно конфликтовала с центральной властью, защищая с помощью всегда имевшегося в их распоряжении оружия свои племенные права, свободу и самостоятельность. Б.Кармаль обратил внимание на то, что в современных условиях племенной образ жизни стал анахронизмом и уже «не является достойным этого благородного и честного народа». Выступив за переход от изжившей себя племенной системы к новой жизни, он с полным на то основанием заявил, что такой переход «должен осуществляться крайне осторожно, без давления и насилия... на основе уважения и учета глубоко укоренившихся обычаев и традиций, а также прав населения племен». Среди мер, призванных решить проблемы племен, он предложил следующие: устранить давление на племена со

стороны государственного административного аппарата и покончить с реакционной политикой центра в отношении племен; искоренить влияние и провокации извне, а также вмешательство в дела племен со стороны местной племенной верхушки (подчеркнуто мною. – М.С.); решить вопросы жизни и расселения племен демократическим путем через народные джирги; поощрять переход племен к занятию земледелием и промышленным производством и содействовать переводу племенного натурального хозяйства в новую, товарную стадию; обеспечить права и социально-политические свободы племен; распространить на племена систему просвещения и значительно улучшить их санитарно-гигиенические и культурные условия жизни.

Вне сомнения, многие из предлагавшихся мер могли бы послужить оздоровлению обстановки в зоне проживания пуштунских племен, решению ряда их жизненных проблем. Однако в тех исторических условиях вряд ли была уместной и оправданной установка на конфронтацию с племенными авторитетами – ханами, старейшинами и духовными лицами, продолжавшими оставаться в глазах соплеменников непререкаемыми символами их самобытности, носителями высшей справедливости и племенной (джирговой) демократии. Кстати, и сам автор в указанной статье признавал их огромную роль и влияние, прочность кровнородственных и семейных уз среди пуштунских племен. Выпады такого рода против племенных авторитетов и фактически объявление им войны со стороны депутата парламента, одного из признанных лидеров левой афганской оппозиции могло иметь своими результатами лишь потерю доверия и симпатий к НДПА и еще большее оживление среди племен чувств племенной солидарности и стремления любой ценой защитить свои традиционные ценности.

В целом газете удалось показать существование и остроту национального вопроса в стране и основные пути его решения. И тем не менее ее многочисленные публикации по данной проблеме носили все же общий, скорее лозунговый характер и не содержали детально разработанных практических мероприятий, которые могли бы обеспечить национальное равноправие в стране. В газете не были рассмотрены и раскрыты национальная ситуация в стране, конкретные проявления национального гнета и дискриминации, хотя об отдельных фактах такого рода и сообщалось, и влияние на национальные процессы исторических, социальных, политических, религиозных и внешних факторов, не была конкретизирована концепция партии на автономизацию районов проживания различных этнонациональных групп населения, не дана критика официальной пропуштунской кадровой политики, а также бытовавших тогда в некоторых леводемократических кругах Афганистана настроений и взглядов антипуштунизма и его антипода – пуштуоцен-тризма. Между прочим, глубокое и всестороннее исследование этих двух «болезней» и их радикальное «лечение» не были предприняты не только в 60-х годах, но и в последующем, что в немалой степени способствовало еще большему их обострению и превращению в хронический недуг национально-демократического движения.

Прогрессивные и демократические круги Афганистана всегда глубоко волновала так называемая «пуштунская проблема» – судьба зарубежных братьев-пуштунов, оказавшихся по недоброй воле британских колонизаторов вне пределов афганского государства. Интерес и внимание к пуштунской проблеме еще больше возросли с появлением на политической авансцене страны народно-демократического движения, объявившего своей национальной и интернациональной задачей всемерную поддержку национально-освободительной борьбы народа Пуштунистана. Пуштунская тема нашла свое логическое продолжение и в газете «Парчам». При этом в ее публикациях рельефно выделялись два основных аспекта, а именно: критический анализ и оценки политики правящих кругов Афганистана по пуштунской проблеме и изложение по ней платформы леводемократических сил. Наиболее полно оба эти аспекта были освещены и концептуально обоснованы в статье Б.Кармала «Два противоречивых курса и подхода к национальной проблеме Пуштунистана», статьях М.А.Хайбара и С.А.Кештманда, а также в выступлениях депутатов народно-демократической фракции в Вулуси джирге в 1966-1968 годах. [180]

Политика монархического режима Афганистана по пуштунской проблеме рассматривалась ими в целом как половинчатая, непоследовательная и внешне показная, а по сути своей как антинациональная. В вину правительств страны ставилось то, что они в первые десятилетия с момента прихода к власти династии Яхья не только не поддерживали применительно к Пуштунистану принцип о праве наций на самоопределение, но и не заняли место в общем потоке национально-революционного, антиколониального и антиимпериалистического движения, развернувшегося в те годы в мире, и не проявили солидарности с борьбой народа Индии за свободу и независимость. Затем, в конце 40-х годов, они не воспользовались благоприятной ситуацией, возникшей в регионе в связи с разделом Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан. «В то время, – писал Б.Кармаль, – правительство Афганистана, с одной стороны, и национально-революционные силы пуштунов и белуджей, с другой, не попытались увязать проблему национальной независимости Пуштунистана с немедленным вооруженным или невооруженным выступлением, что следует считать непоправимой исторической ошибкой». [181] По его словам, афганские правящие круги лишь тогда проявили «внимание» к национальной проблеме Пуштунистана, когда диктаторский режим Пакистана стал проводить откровенную «политику крови и железа» и жестоко подавлять движение пуштунского и белуджского народов. Однако это «внимание», подчеркивал Б.Кармаль, не выходило за рамки политики господствовавших «верхов» и носило чисто протокольный характер, что не могло не сказываться на ослаблении интереса к данной проблеме со стороны народных масс Афганистана. [182]

Афганское правительство упрекалось также в том, что оно «не проявило инициативы по поводу соединения в единый фронт и под единым национально-революционным руководством ширившееся мирное национально-освободительное движение Пуштунистана с вооруженной партизанской борьбой Свободного Пуштунистана» (имеется в виду полоса независимых племен вдоль афгано-пакистанской границы. – М.С.) и «не содействовало образованию свободного национального правительства Пуштунистана в духе решений Национального совета 7-го созыва и двух последних Лоя джирг» (1955 и 1964 гг.). [183] Необходимо заметить, что идея о создании «временного правительства» Пуштунистана на территории Афганистана

была высказана Б.Кармалем еще в 1966 году в его выступлении в Вулуси джирге. Тогда он предлагал разрешить пуштунским лидерам заниматься мирной деятельностью на территории Афганистана, создать здесь их политическую организацию и центр по проведению работы мирными средствами, предоставить им канал для радиовещания и право издавать свой печатный орган для того, чтобы «они могли направлять национально-освободительное движение Пуштунистана в мирном русле, без применения насилия». [184]

Кроме сказанного выше, афганская правящая верхушка подвергалась критике и за ее нежелание должным образом реагировать на посягательства правителей Пакистана, поддерживаемых США, на традиционные права Свободного Пуштунистана и за неспособность привлечь мировое общественное мнение к поддержке национально-освободительного движения пуштунов и белуджей. Весьма примечательно, что представители афганской левой оппозиции, анализируя политическую ситуацию того времени в регионе, обратили внимание и дали соответствующую оценку развернутой странами Запада и пакистанскими властями широкомасштабной пропагандистской шумихе, призванной, как писала газета «Парчам», замаскировать и оправдать их блоковую политику и ставку на подавление национально-освободительной борьбы народов с ссылками на «русскую угрозу», «угрозу коммунизма», «опасность создания сильного Афганистана», «угрозу краснорубашечников», «опасность появления великой объединенной Индии», «защиту свободы и независимости», «чреватость расчленения исламского Пакистана», «необходимость укрепления исламского единства» и т.п. [185]

Отмечая остроту пуштунской проблемы и возлагая ответственность на правящие монархические круги за невнимание к ней, авторы «Парчам» выдвинули свою программу ее решения, которая включала: постоянную и смелую защиту национально-демократического движения народа Пуштунистана, руководимого национально-прогрессивными, демократическими силами; непризнание «линии Дюранда»; обеспечение союза и сплоченности демократических кругов Афганистана, Пуштунистана и Белуджистана с прогрессивными силами планеты в борьбе за мир, национальную независимость, демократию, свободу народов и социализм; борьбу против военных блоков СЕНТО и СЕАТО, угрожающих миру и стабильности в регионе; содействие участию широких народных масс в едином национально-освободительном фронте Пуштунистана и недопущение вмешательства реакционных феодалов, компрадоров и предателей в дела национально-революционного движения Пуштунистана и Белуджистана; поиски путей мирного решения пуштунской проблемы; всемерную поддержку права народа Пуштунистана на самоопределение и осуждение пакистанских властей за подавление национально-освободительного движения в стране. [186]

Одной из центральных тем на страницах «Парчам» было освещение бедственного положения широких трудящихся масс. Материалы на эту тему содержались практически в каждом номере газеты и принадлежали перу не только функционеров и соборов «Парчам», но и солидной по численности читательской аудитории – рабочим, крестьянам, студентам и учащимся, ремесленникам, учителям, государственным служащим, служителям культа и т.д., присылавшим в газету свои письма-жалобы, сообщения и заметки. Они с болью повествовали об ужасающей нищете, страданиях и несправедливости большинства населения, невыносимых условиях труда и несправедливой его оплате, положении нищих и бездомных, тяжелых жилищных условиях, бедности и лишениях учителей, низших чиновников и работников искусств, тяжелом бремени налогов и высоких ценах на товары первой необходимости, плачевном состоянии просвещения и здравоохранения в стране, произволе, насилиях и несправедливости власти предрержащих, средневековых тюремных камерах (один афганский автор, говоря о печально известной в Афганистане тюрьме Димазанг, назвал их «камерами ужасов»), широко распространенной практике незаконных арестов и содержании в тюрьмах без суда и следствия, декларативности положений Конституции Афганистана и необеспеченности на деле прав и свобод граждан и т.п.

Подлинным бичом для трудящихся были высокие цены на продукты питания при невероятно низкой заработной плате, составляющей в среднем в месяц 500-600 афгани (этой суммы едва хватало для семьи из пяти человек только на хлеб, одна лепешка которого стоила тогда 3 афгани). При этом, если зарплата рабочих в целом по стране оставалась многие годы стабильной, то цены на товары массового спроса постоянно росли. Только с 1962 по 1968 год они увеличились в 2-3 раза. В таких условиях большинство населения Афганистана, писала «Парчам», было доведено до такой нищеты, что им уже стали недоступными такие продукты, как мясо, яйца, масло, рыба, сахар, фрукты и т.д. [187]

По словам одного из афганских исследователей, «Парчам» опубликовала в ее 99-ти номерах больше писем с мест, чем все другие газеты Афганистана того времени в своих пятистах номерах. [188] Это было несомненным свидетельством доверия к газете и ее популярности среди определенной части населения страны. Показательна эволюция содержания писем читателей, поступавших в адрес редакции газеты. На первых порах в них в основном содержались отклики на публикации газеты, однако со временем в читательской почте стали преобладать факты и рассказы о тяготах жизни различных слоев населения, их нуждах, чаяниях и требованиях, что заставило редакцию ввести в газете специальные рубрики, как-то: «Один миг с друзьями», «Попираются права рабочих», «Благородные рабочие, обратите внимание», «Беды, жалобы и протесты народа» и др. Ко всем письмам и сообщениям с мест газета давала, как правило, свои краткие комментарии и оценки, неизменно выражая в них поддержку требованиям трудящихся. По некоторым же вопросам народно-демократическая фракция в парламенте делала запросы правительству.

Публикации «Парчам» показывают, что ее издатели отчетливо понимали важность установления и расширения связей с массами, в том числе и обратной связи с ними. Как писал Б.Кармаль в одной из своих статей, такие связи нужны были для того, чтобы знать из первых рук настроения, нужды и требования народа и правильно определять направления деятельности народно-демократического движения, а также для того, чтобы целенаправленно воспитывать массы, повышать их политическое и классовое сознание и вовлекать в борьбу за свои права и достойную их жизнь. [189]

Через многие материалы газеты красной нитью проходила критика внутренней и внешней политики правительств страны. Прежде всего это касалось их нежелания и неспособности устранить феодальные и

полуфеодалные пережитки в аграрной сфере и несправедливые, пережиточные формы купли-продажи рабочей силы, остановить экономический спад, рост цен и массовой безработицы, решить жилищную проблему, ликвидировать почти поголовную неграмотность населения и крайнюю отсталость системы здравоохранения, оздоровить финансовое положение страны и реформировать устаревшую налоговую систему, стимулировать национальное производство, создать благоприятные условия для внутренней и внешней торговли и сбалансировать в национальных интересах соотношение между импортом и экспортом товаров, защитить народ и государство от ограблений со стороны иностранных монополий и местной компрадорской (посреднической) буржуазии, обеспечить на деле декларированные в Конституции права и свободы граждан и т.д. Объектом острой критики явились некомпетентность и безответственность исполнительной власти во многих вопросах руководства страной, несовершенство судебной системы, произвол и беззаконие репрессивных органов, коррупция госаппарата, особенно его высших эшелонов, взяточничество, казнокрадство, злоупотребления служебным положением, nepотизм, а также всевозможные козни и подрывные действия господствовавшей верхушки против демократической оппозиции.

Характеризуя бедственное положение в стране и возлагая ответственность за это на правящие круги, газета «Парчам» приводила конкретные примеры, цифры и факты. Вот некоторые из них. В 1969 году более 50 % трудоспособного населения афганских городов не имело работы. Еще более кричащей была проблема занятости в деревне, что вызывало значительную миграцию сельского населения в города в поисках работы и куска хлеба. По подсчетам авторов газеты, чтобы обеспечить их работой, требовалось в течение третьего афганского пятилетнего плана (1967/68-1971/72 гг.) создать, как минимум, 240 тысяч новых рабочих мест, а правительство планировало подготовить за это время лишь 60 тысяч мест. Газета далее сообщала, что в сельской местности многие жители нередко живут в пещерах, ямах, естественных укрытиях и шалашах. В Кабуле почти 30 % жилья, принадлежащего частным владельцам и лишенного элементарных удобств, сдается в наем за очень высокую плату, составляющую от половины до 2/3 заработка малоимущих слоев населения. Для жилищных условий подавляющего большинства малоимущих и неимущих слоев населения страны типичными были не только отсутствие собственной крыши над головой, но и ужасающая антисанитария и огромная скученность людей: семьи из 6-10 человек ютились, как правило, в одной комнате. Как писала «Парчам», более 80 % населения столицы проживали на площади, занимавшей всего 20 % ее территории. Оставшаяся часть города была занята роскошными виллами и усадьбами богатей. И все же, несмотря на весь драматизм и злободневность жилищной проблемы, правительство в планах развития страны вообще не предусматривало строительство жилья для трудящихся.

Обременительным для весьма скромного бюджета страны было содержание разбухшего чиновничьего аппарата. С легкой руки правительства его численность с 1963 по 1967 год увеличилась с 17,5 тысяч до 31,7 тысяч человек, а вместе с обслуживающим персоналом – до 53,8 тысяч. Паразитируя за счет общества, этот аппарат расхищал и бездарно разбазаривал национальное достояние. Только в течение первого и второго пятилетних планов (1956/57-1960/61 и 1962/63-1966/67 гг.), указывала газета, в среднем около половины всех бюджетных ассигнований были использованы или непродуктивно, или же попросту разворованы. Высшие органы власти, кроме того, обвинялись в том, что они не принимают абсолютно никаких мер к защите женского и детского труда от жестокой эксплуатации. Как писал один афганский автор, дети страны, вынужденные работать по 10-12 часов в сутки, фактически не знают детства и, еще не став взрослыми, стареют, а, не достигнув старости, умирают. [190]

Описывая тяжелую долю афганской женщины в семье и обществе, одна из авторов «Парчам», писавшая под псевдонимом «Зохра», [191] с горечью признавала, что «Афганистан относится к числу тех немногих стран, где женщины не обладают на деле никакими демократическими, гражданскими, социальными, экономическими и другими правами» и что «отношение к ним в обществе – прямо нечеловеческое». Коренные причины устойчивого сохранения такого положения женщины она усматривала в политике правящих кругов и реакционно настроенных богатеев, в существовании в стране отживших средневековых обычаев и традиций и феодальных порядков, низводящих женщину до уровня «животного и орудия труда для вспашки полей и молотбы зерна». [192] В газете приводилась масса примеров, наглядно подтверждавших бесправное, униженное положение афганской женщины. Так, корреспондент газета М.Сангар в заметке «Несчастливая девушка в лапах жестокого малака» писал: «В одном из уездов северной провинции Балх 85-летний крупный малак-феодал, имевший трех жен, предложил бедняку отдать ему в жены 14-летнюю дочь в обмен на 26 тысяч афгани и полтора джериба сада стоимостью примерно 75 тысяч афгани. Бедняга-отец под давлением феодала и ради денег согласился... Однако девушка, случайно узнав об этом, разразилась слезами и во время церемонии бракосочетания не дала своего согласия на брак. Присутствовавшие, увидев нарушение норм шариата, покинули свадьбу... Но феодал с помощью угроз, в конце концов, заставил свидетелей и почтенных старцев принять участие в оформлении этого незаконного брака». [193]

Определяя значение и место женского вопроса в национально-демократическом движении, газета «Парчам» заявляла: «Борьба за свободу и права женщин не является собственно только борьбой ради их самих. Это – борьба во имя интересов общества, поскольку без реальных и демократических свобод женщин нельзя построить свободное общество». [194] Исходя из этого, она считала своим долгом постоянно привлекать внимание широкой афганской общественности к женскому движению в стране, содействовать популяризации деятельности Демократической организации женщин Афганистана (ДОЖА). Показательны в этом отношении были опубликованные в газете выступления активных деятельниц ДОЖА, материалы и решения состоявшихся в 1969 и 1970 годах первой и второй конференции этой организации, сообщения о праздновании впервые в истории Афганистана по инициативе демократических кругов Международного женского дня 8 марта, заявления в защиту прав женщин в других странах (например, осуждение варварских действий израильской военщины против арабских женщин). 17 марта 1969 года в газете «Парчам» была напечатана программа деятельности ДОЖА. Ее целями и задачами провозглашались, во-

первых, борьба за человеческие и социально-политические права и достоинство женщины, освобождение ее от пут адата, суеверий и отживших средневековых обычаев и, во-вторых, приобщение ее к активному участию в борьбе национально-демократических и прогрессивных сил за коренное переустройство общества, во имя прогресса и процветания Афганистана. [195]

Издатели «Парчам» стремились постоянно держать руку на пульсе общественно-политической жизни страны и народа. Не будет преувеличением сказать, что «Парчам», в отличие от других частных и официальных органов печати Афганистана того времени, была в подлинном смысле слова летописцем развернувшейся в 1968-1969 годах забастовочной борьбы. Ее публикации на сей счет давали впечатляющую и достаточно полную картину массовых народных выступлений-демонстраций, митингов, маршей протеста, забастовок. Вместе с тем она была далека от того, чтобы ограничивать свою миссию только рамками сухой статистики происходивших событий. Свою роль газета видела гораздо шире, а именно в том, чтобы оперативно знакомить читателей с забастовочной борьбой, вносить в нее, по возможности, элементы организованности и целенаправленности, активно выступать в поддержку требований бастующих и добиваться от властей их удовлетворения, разоблачать акты насилий и репрессий в отношении участников демонстраций и забастовок, содействовать формированию в обществе настроений солидарности с борьбой трудящихся и в конечном итоге расширять и укреплять позиции и влияние народно-демократических сил в массах.

В соответствии с указанными взглядами газета печатала на своих страницах подробную хронику забастовочного движения, тексты резолюций, обращений и требований бастующих коллективов, речи ораторов на митингах и собраниях, письма представителей афганской общественности в поддержку борьбы за конституционные и человеческие права сограждан, протесты в адрес властей, требования об освобождении из тюрем арестованных товарищей, объявления о предстоящих демонстрациях и маршах и призывы к населению принять в них участие и т.д. Впервые в афганской публицистике «Парчам» предоставила свои страницы для выступлений представителей трудящихся – активистов забастовок и демонстраций. Так, в номере от 28 июля 1969 года она опубликовала более чем на половине газетной полосы защитительную речь Мухаммада Селима, рабочего текстильной фабрики в Пули-Хумри, преданного суду по обвинению в «подстрекательстве рабочих к забастовке» и приговоренного к году тюремного заключения, а в номерах от 13 и 20 октября этого же года почти на трех полосах защитительные речи на суде трех студентов Кабульского университета, которым было инкриминировано участие в студенческих демонстрациях (см. об этом подробнее в главе 4).

Время от времени в газете давались также обобщающие, аналитические материалы, в которых по горячим следам событий критически рассматривались различные аспекты хода и некоторые итоги забастовочного движения в стране и высказывались рекомендации относительно новых и корректировки старых лозунгов и направленности массовых выступлений, а также их организации. В этом смысле несомненный интерес представляли статьи Б.Кармала «Уроки забастовочного движения в нашей стране», «Проблемы студенческого движения в нашей стране» и «Задачи нашей молодежи», запросы депутатов А.Ратезбад и Файзан-уль-Хака Файзана на заседаниях Вулуси джирги соответственно 21 мая и 4 июня 1968 года, а также редакционный обзор-справка под заголовком «1347 год (март 1968-март 1969 г. – М.С.) – год забастовок и демонстраций», в которой был дан почти полный перечень состоявшихся в указанном году выступлений различных слоев и групп населения страны. [196] Оценивая некоторые предлагавшиеся в этот период со страниц газеты «Парчам» лозунги, вроде «Долой тиранию и эксплуатацию!», [197] необходимо подчеркнуть, что их содержание, с одной стороны, свидетельствовало о решительном неприятии авторами существовавшего строя и о ненависти к власти имущим, а с другой – о непонимании очередности и последовательности решения задач общественного развития. В такого рода лозунгах «революционное» нетерпение, эмоции и бунтарский нигилизм явно брали верх над разумом и научной логикой.

Среди острых и злободневных публикаций «Парчам» неизменно присутствовал еще один важный «пласт» – информация о позициях, взглядах и деятельности парламентской фракции народно-демократических сил. Ее члены не делали тайны из того, что они рассматривали свою парламентскую деятельность как одну из форм борьбы за интересы широких народных масс, а парламентскую трибуну как средство для разъяснения идей, взглядов и программы народно-демократического движения, сплочения демократических, национальных и патриотических сил на основе совместной платформы, отвечающей общенациональным интересам, разоблачения антинародной политики правящих кругов и реакционных сил. В парламенте и на страницах «Парчам» выступали все депутаты от НДПА – Б.Кармаль, А.Ратезбад, Нур А.Нур и Ф.Х.Файзан (см. об этом подробнее в разделе «НДПА и парламент»). С июня 1969 года газета регулярно из номера в номер давала материалы в связи с подготовкой к выборам парламента 13-го созыва, в частности, знакомила читателей с кандидатами в депутаты от левых сил и их программами и выступала против всевозможных нарушений избирательного закона со стороны властей и местной знати. [198]

Фракция Парчам через свой печатный орган, начиная с момента его издания, не раз ставила вопрос о необходимости как восстановления единства рядов НДПА, так и объединения в единый фронт всех прогрессивных, национально-патриотических и демократических сил Афганистана, в том числе и создания «объединенного национального блока в Вулуси джирге» (парламенте). Ее озабоченность по поводу единства и единых действий была абсолютно оправданной. Богатая бурными событиями общественно-политическая жизнь страны в конце 60-х годов неумолимо ставила леводемократические круги перед дилеммой либо попытаться объединить свои усилия и таким образом получить какой-то, пусть даже незначительный, но шанс на успех в борьбе за цели и лозунги движения, либо же, оставаясь организационно разобщенными, упустить и этот шанс и оказаться на обочине исторических процессов. Отсюда нельзя считать случайным, что именно весной и летом 1968 и 1969 годов, когда в стране стало шириться забастовочное движение и особой остроты достигло противоборство между правыми и левыми силами, особенно

в период проведения избирательной кампании по выборам парламента 13-го созыва, в газете было опубликовано немало солидных по объему инициативных статей по проблеме единства, а также ряд обращений от имени «Народно-демократического движения Афганистана» (НДДА) к демократической общественности с призывами к совместным действиям. Указанные материалы, кроме всего прочего, приурочивались также к имевшим тогда место встречам и переговорам представителей двух фракций – Хальк и Парчам (в скобках следует заметить, что газета о самом факте этих контактов ни разу не обмолвилась ни единым словом, хотя адресат ее полемики по вопросу о единстве партийных рядов ни у кого тогда не вызывал каких-либо сомнений).

Наиболее полное освещение позиции Парчам по различным аспектам проблемы единства демократических сил в стране было дано в первую очередь в статьях Б.Кармаля «Реакцию можно одолеть только объединенными усилиями в составе единого фронта», [199] «Что делать? Необходимо положить конец существующему положению», [200] «Еще три проблемы из записной книжки по общественно-политическим вопросам», [201] «Необходимо определить взаимоотношения между лидерами, политическими организациями, классами и массами», [202] его выступлениях на предвыборных митингах в Кабуле летом 1969 года, [203] а также в редакционных статьях «Единство и союз – наше основное желание», [204] «Наша опора на массы», [205] «Необходимость создания объединенного национального блока в Вулуси джирге», [206] в обращении НДПА «Создание коалиционного фронта в избирательной борьбе – неотложная задача», [207] «Проекте совместной платформы по созданию коалиционного фронта в избирательной борьбе по выборам парламента 13-го созыва» [208] и др.

В статье «Что делать?» Б.Кармаль, полемизируя с халькистами и отмечая их обвинения в «измене революции», писал: «мы считаем своей революционной задачей заявить: необходимо вместо всякого рода псевдореволюционности, авантюризма и самовосхваления задуматься о сплочении всех прогрессивных элементов, кругов и сил общества, принять меры к созданию какой-либо постоянной структуры и вывести прогрессивное движение страны из состояния «детства», мелочности и кружковщины». [209] Ключом к решению этой проблемы он считал собиранье всех сознательных элементов и прогрессивных группировок вокруг общенациональной газеты, под которой подразумевалась «Парчам». [210] В последующем фракция Парчам, уточняя свою позицию по вопросу единства предлагала достичь согласия о «товарищеском и искреннем сотрудничестве» между различными прогрессивными силами, об установлении единства действий, создании коалиционного фронта во время проведения предвыборной борьбы, а также блока демократической оппозиции в парламенте. Однако все эти предложения не были подкреплены практическими действиями и остались нереализованными. Здесь решающую роль сыграли политическая, организационная и численная слабость леводемократических кругов и их раскол, а также состояние отчужденности и недоверия с другими демократическими силами (см. об этом в разделе «НДПА и проблема единства»).

Акцентируя главное внимание на внутренних проблемах страны и общественных движениях, газета «Парчам» вместе с тем не уходила и от рассмотрения и оценок правительственного внешнеполитического курса и ситуации в мире. Как известно, Афганистан в качестве основы своего международного курса уже давно официально избрал политику нейтралитета и неприсоединения к военно-политическим группировкам. Такая политика в условиях начавшейся в конце 40-х годов «холодной войны» и острой международной идеологической конфронтации, однако, явно не устраивала и страны Запада, и прозападные круги внутри самого Афганистана. Отсюда не было случайным, что газета «Парчам», выступавшая с позиций последовательного антиимпериализма и антиколониализма, резко осуждала Запад за стремление изменить, не брезгая никакими средствами, нейтралистский курс внешней политики Афганистана и подорвать традиционные советско-афганские связи. Вообще, и это следует особо подчеркнуть, антиимпериалистический аспект был довольно широко представлен в публикациях «Парчам» и касался, в частности, борьбы против военных блоков в регионе и мире, политики агрессии, шантажа и угроз «наказать» неугодные страны и народы применением разного рода политических и экономических санкций, против вмешательства империализма во внутренние дела других стран, использования им силы для подавления национально-освободительных движений в различных частях мира и т.п. (замечу попутно, что имперско-барский комплекс «наказывать» страны и народы, подмеченный газетой «Парчам», был особенно в моде у администрации США). Газета осуждала израильскую агрессию против арабских стран и поддерживала борьбу народов Азии, Африки и Латинской Америки за свое национальное и социальное освобождение.

«Парчам», солидаризируясь в целом с официальным курсом афганского правительства в области внешней политики и выражая ему свою поддержку, в то же время решительно выступала против тех откровенно реакционных элементов в правящей, в том числе и дворцовой, верхушке, которые открыто подвергали сомнению правильность политики позитивного нейтралитета и неучастия в военных блоках, а также курса на сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами, повторяя известные тезисы западной пропаганды о том, что-де такая политика служит не национальным интересам, а интересам только социалистического лагеря и является не чем иным, как «рукой московского коммунизма». [211] Позиция «Парчам» по вопросам внешней политики страны была обобщенно изложена в статьях Б.Кармаля «Высоко держать знамя мира и дружбы между народами», «Миротворная, самостоятельная и нейтралистская политика – гарантия национальной независимости страны» и «Нейтралистская политика и наши национальные задачи», а также в статьях М.А.Хайбара «Империализм угрожает миру», «Империализм стремится выхолостить политику неприсоединения от ее прогрессивного антиколониального и антиимпериалистического содержания» и других. [212]

Формулируя свое понимание «политики активного и позитивного нейтралитета как подлинно национальной политики», Б.Кармаль отмечал, что она должна была включать в себя: поддержку принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, борьбу за мир, разоружение и запрещение ядерного оружия; солидарность с национально-освободительными движениями; отказ от участия в военных блоках и других кабальных политико-экономических пактах; недопущение предоставле-

ния своей территории для создания иностранных военных баз; неучастие в империалистических и реакционных заговорах и провокациях; установление тесных связей с прогрессивными, миролюбивыми странами. По его мнению, только независимая национальная политика могла обеспечить Афганистану решение многих целей, как-то: играть активную роль в международных делах; укрепить мир в регионе и преградить путь агрессии; направить все национальные ресурсы и богатства на развитие экономики, культуры, социальный прогресс и благосостояние народа и в итоге обеспечить экономическую самостоятельность и не допустить разграбления богатств страны; упрочить национальную независимость; привлечь широкую иностранную помощь, не ограниченную никакими условиями; вывести Афганистан из системы капиталистического хозяйства, создать условия для его некапиталистического развития, устранить феодальные отношения и пережитки и влияние неокOLONиализма и империализма в стране; создать условия для сплочения всех национальных и патриотических сил народа в рамках единого антиимпериалистического и антифеодального фронта и образования национально-демократического правительства; укрепить в стране демократию и приступить к национальному возрождению. [213]

К числу принципиальных и жизненно важных направлений внешней политики Афганистана «Парчам» относил советско-афганские отношения. В серии ее статей подчеркивалось, что они (эти отношения), охватывая самые различные сферы – экономику, торговлю, подготовку национальных кадров, транзит афганских товаров через советскую территорию, культуру, науку и т.д., строятся на принципах добрососедства и тесного сотрудничества, равноправия и взаимной выгоды, уважения и доверия друг к другу и отвечают коренным интересам Афганистана. Обращаясь к истории становления и развития советско-афганских связей на протяжении десятилетий, деятели «Парчам» восторженно отмечали их высокую эффективность и непреходящее значение для укрепления политической и экономической независимости Афганистана. [214]

Характерной чертой газеты «Парчам» являлось ее постоянное обращение к ленинскому теоретическому наследию. Внимание и искренние симпатии к Ленину были продемонстрированы на ее страницах в связи с празднованием 100-летия со дня его рождения. Ленинская юбилейная тема была широко введена в «Парчам» уже в январе 1970 года публикацией перевода на язык дари тезисов ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и Обращения Международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года, посвященного этой знаменательной годовщине. В это же время в рамках ЦК (Парчам) был создан организационный комитет по празднованию ленинского юбилея, а в низовых партийных организациях начали проводиться теоретические дискуссии, собрания и научные конференции. [215] Ленинский юбилей широко отмечался и в организациях фракции Хальк. Ее лидер Н.М.Тараки опубликовал под псевдонимом Сур Гуль в газете «Пейаме ведждан» статью «Жизнь Ленина». [216] Со 2 февраля в газете «Парчам» стала из номера в номер даваться рубрика «К столетию со дня рождения В.И.Ленина». Причем ее последние четыре номера за 30 марта, 6, 13 и 22 апреля носили уже сугубо тематический характер и содержали, кроме многочисленных иллюстраций, материалы: краткая биография создателя Советского государства (автор – М.Барьялай), «Послание королю Афганистана Аманулла-хану» (известный ответ В.И.Ленина и М.И.Калинина на письмо Амануллы-хана от 7 апреля 1919 г. – М.С.), редакционные статьи «Ленин – дорогой друг Афганистана», «Ленин и трудящиеся мусульмане», «Ленин и независимость Афганистана» и др. 22 апреля газета «Парчам» вышла на 12 полосах большого формата и была полностью посвящена Ленину. Тираж данного номера превысил 20 тысяч экземпляров. [217] В статьях Б.Кармаля, М.А.Хайбара, С.А.Кештманда, А.Ратебзад и Сепанда, напечатанных в этом номере, раскрывались ленинские взгляды и идеи по вопросам общества, революции и партии, антиимпериалистической и национально-освободительной борьбы, а также давался подробный анализ истории развития взаимовыгодных афгано-советских отношений. На последней странице газеты было помещено по революционному страстное стихотворение М.Х.Барека Шафии «Горн революции», заканчивавшееся словами: «Слава этому выдающемуся вождю, великому Ленину» («Доруд-бад бэ ан рахбаре бозорг, Ленине кабир»).

Выход ленинского номера газеты был восторженно встречен афганской прогрессивной, демократической общественностью. Вместе с тем в стане крайне правых консервативных и клерикальных сил он вызвал бешеную злобу и негодование и подтолкнул их к долгожданной расправе над газетой. Поводом для этого явилось слово «доруд» (букв. – «хвала», «благословение»), приведенное в стихотворении М.Х.Барека Шафии. Духовные деятели усмотрели в употреблении данного слова применительно к Ленину «кощунство» против религии, поскольку, заявляли они, оно, согласно исламской традиции, используется будто бы исключительно по отношению к особе пророка Мухаммеда. [218] По призыву духовников в столице и других городах страны был устроен шумный шабаш (подробно см. об этом в главе 3). В результате его газета «Парчам» была запрещена. Таким образом, чаша, которую в свое время вынуждена была испить газета «Хальк», не миновала и «Парчам». История повторилась. Как и в случае с «Хальк», нокаутирующий удар по «Парчам» нанесли правые консервативно-клерикальные круги: 97-й номер «Парчам» от 22 апреля 1970 года (фактически это был 99-й номер, так как ее выпуски, датированные 13 и 20 октября 1969 г., а также 9 февраля и 2 марта 1970 г., были ошибочно указаны под одним номером – соответственно 79 и 91. – М.С.) стал ее последним номером.

Истины ради следует заметить, что указанная выше трактовка клерикалами сферы применения слова «доруд» не выдерживает критики и была не чем иным, как чистой водой придиуркой и подлогом. Дело в том, что оно (это слово) на языках дари и персидском имеет широкую сферу употребления, выходящую за рамки религиозной традиции. Так, в Иране слово «доруд» – это формула приветствия у военнослужащих, соответствующая нашему «Здравия желаю!». Да и в газете «Парчам» до апреля 1970 года это слово многократно использовалось и не вызывало, впрочем, ни разу каких-либо нареканий со стороны духовенства.

Следует отметить, что гонения на газету «Парчам» и ее неприятие со стороны правящих кругов начались с момента ее появления на политической арене Афганистана. Уже после выхода ее первых номеров

они стали утверждать, что газета-де не выражает интересы народа и государства, не уважает национальные обычаи и традиции, нарушает спокойствие и порядок в стране и что ее взгляды импортированы извне и носят утопический характер. [219] За свои критические и разоблачительные выступления она неоднократно подвергалась разного рода репрессиям. В частности, летом и осенью 1969 года по распоряжению главной прокуратуры страны и министерства информации и культуры были наложены аресты и конфискованы 16(68), 17(69), 25(77) и 33(85) номера «Парчам» (примеч.: в скобках указаны ее порядковые номера с начала издания. – М.С.), а также временно приостановлено ее издание с 24 ноября по 29 декабря 1969 года. Кроме того, не был допущен к печати в результате предварительной цензуры 35(87) номер газеты от 5 января 1970 года. Распространенными явлениями были угрозы расправой по адресу авторов и издателей «Парчам», избивание ее распространителей, скупка оптом поступавших в продажу выпусков газеты и их последующее уничтожение, негласные запреты государственным служащим читать ее и т.п.

Газета «Парчам» не нашла поддержки не только среди господствовавших верхов, что, впрочем, было вполне естественным, но и, к сожалению, среди некоторых левых сил. Так, фракция Хальк в обстановке межкрыльевого соперничества восприняла ее издание как результат сговора «банды Б.Кармалья» с двором и тогдашним правительством Н.А.Эттемади, имевшего своей целью будто бы «узурпировать право быть выразителем взглядов НДПА», «выдать Б.Кармалья за руководителя Народно-демократической партии Афганистана» и таким образом «вычеркнуть имя Н.М.Тараки». [220] Сам же Н.М.Тараки сразу после выхода в свет первого номера «Парчам» открыто отмежевался от нее, объявив через газету «Афган меллят», что она (газета «Парчам») «не имеет никакой организованной связи с НДПА». [221] Резко негативное отношение халькистов к газете «Парчам» не изменилось и в последующем. После запрещения газеты «Парчам» между двумя фракциями сложилось определенное «равенство возможностей»: ни та, ни другая из них не имела своего печатного органа. Однако и данное обстоятельство не пробудило у них здравого смысла и стремления к поискам согласия и единства.

Объективный анализ более чем двухлетнего функционирования газеты «Парчам» позволяет сделать вывод, что она, безусловно, явилась заметной исторической вехой в развитии национально-демократического движения в Афганистане. Ее заслуга состояла в том, что она внесла свою лепту в политическое и идейное просвещение прогрессивно настроенных представителей афганского общества, пропаганду демократических взглядов и показ ошибочности и опасности местного левого и правого экстремизма и авантюризма, сделала безуспешную попытку связать леводемократическое движение с интересами широких масс, смело защищала трудовые слои и классы от произвола и насилия властей, аргументированно критиковала правящие круги и в противовес их официальному курсу в области внутренней и внешней политики выступала со своей программой коренных политических и социально-экономических преобразований в стране. «Парчам», начало издания которой совпало с нарастающим выступлением афганских трудящихся, студенчества и учащейся молодежи за свои права, сыграла позитивную роль в освещении забастовочного движения 1968-1969 годов, популяризации его лозунгов и требований, привлечении прогрессивных и национально-патриотических элементов к участию в массовых оппозиционных акциях. Большое внимание газета уделяла укреплению международной солидарности с борцами за национальное и социальное освобождение, дальнейшему развитию и укреплению афгано-советской дружбы. Она открыто выражала симпатии к социалистической идее.

Газета «Парчам» впервые в истории леводемократической мысли в Афганистане попыталась дать анализ и оценку социально-экономического уровня афганского общества в 60-х годах XX в., выяснить революционный потенциал различных слоев и классов и обосновать необходимость коренных преобразований в стране, чтобы вывести ее из состояния вековой отсталости и нищеты. Несмотря на допущенные при этом ошибки, элементы нигилизма, предвзятости, преувеличения и забегания вперед, ей, тем не менее, удалось в общих чертах сформулировать представления и взгляды леворадикальных сил Афганистана о характере и содержании национально-демократической революции и последовательности решения ее задач. Правда, из-за недостатка точных данных статистики, ограниченности результатов практики и закрепленности творческого мышления, а также теоретической неразработанности концепции национально-демократической революции в целом в марксистской литературе многие ее проблемы остались до конца не выясненными или же вообще не были поставлены в печатном органе афганской левой прессы.

Газета «Парчам» сплотила вокруг себя многих талантливых представителей передовой афганской интеллигенции и явилась, без преувеличения, подлинной школой журналистского мастерства ее авторов. В отличие от многих других газет ее материалы, помимо всего прочего, отличались в целом идейно-политической выдержанностью и содержательностью, богатством тематики, остротой постановки животрепещущих вопросов жизни общества, боевитостью и целеустремленностью. Газете, как правило, были присущи яркость, образность и живость языка, разнообразие форм подачи материала и умение ее внешне оформлять, что все, вместе взятое, делало «Парчам» весьма привлекательной и популярной для читающей аудитории. Следует особо отметить, что названные выше достоинства газеты во многом были обусловлены тем, что после раскола НДПА ее интеллектуальный (творческий) потенциал во многом оказался на стороне крыла Парчам.

В последующие годы фракция Парчам не раз предпринимала шаги для возобновления издания газеты под ее прежним названием, а также под названием «Каргар» («Рабочий»). Однако правительство всякий раз отвечало отказом на эти просьбы. [222]

2.5. НДПА и парламент

Важным событием афганской истории рассматриваемого времени явилось принятие конституции страны. В сентябре 1964 года она была утверждена на заседаниях Лоя джирги, а 1 октября – королем. В соответствии с ней на правительство, которому передавалась законодательная власть на период до избра-

ния нового парламента, возлагалась задача разработать и ввести в действие новый избирательный закон. [223] С его опубликованием 11 мая 1965 года в стране началась предвыборная кампания, давшая еще один, дополнительный импульс растущей политической активности различных общественных кругов и населения в целом. Этому благоприятствовали не только конституционные новшества (декларированные права и свободы граждан, в том числе и право на создание политических партий, определенное сужение прерогатив королевского двора, разделение трех властей, ответственность правительства перед Вулуси джиргой и др. [224]), но и новшества, привнесенные в общественную жизнь новым законом о выборах (введение впервые в истории Афганистана тайного голосования при выборах в нижнюю и частично в верхнюю палаты парламента, предоставление женщинам активного и пассивного избирательного права, разрешение кандидатам в депутаты парламента публично выступать с изложением своей программы, возможность присутствия кандидатов в депутаты или их доверенных лиц при подсчете голосов и т.д.). [225]

Руководители НДПА на данном этапе борьбы следующим образом определили свое отношение к парламента: «В интересах достижения партийных целей партия была и будет сторонником использования парламентской трибуны и парламентской борьбы, сочетая ее с внепарламентскими формами борьбы». Однако они тут же, противореча сказанному и не давая каких-либо пояснений, заявляли, что НДПА отвергает буржуазный парламентаризм. [226] При этом делалась ссылка на Ленина, хотя, как известно, он никогда не отвергал его в целом, а лишь говорил о том, что буржуазный парламентаризм для коммунистов изжит «в смысле пропаганды», «в смысле всемирно-историческом» в связи с началом эпохи диктатуры пролетариата, а не в смысле «практической политики». [227]

НДПА, используя благоприятные возможности, активно включилась в предвыборную борьбу и выдвинула в разных провинциях страны более 20 кандидатов в депутаты Вулуси джирги. [228] Среди них были: Н.М.Тараки (баллотировался по избирательному округу Нава уезда Мукур провинции Газни), Б.Кармаль, С.А.Кештманд и А.Ратебзад (г.Кабул), Х.Амин (уезд Пагман провинции Кабул), А.Х.Шараи Джаузджани (уезд Сарипуль провинции Джаузджан), Нур А.Нур (уезд Панджваи провинции Кандагар), Файзан-уль-Хак Файзан (уезд Рудат провинции Нангархар), Сулейман Лайек (г.Пули-Хумри), Абдул Хади Карим (уезд Панджшер провинции Каписа). Все они были выдвинуты и зарегистрированы в своих избирательных округах не от НДПА, а на персональной основе, поскольку деятельность политических партий в стране в то время еще не была легализована.

Партии и ее кандидатам в депутаты пришлось вести предвыборную борьбу в весьма трудных условиях: по прошествии всего лишь четырех месяцев со дня ее создания НДПА еще не была в полной мере организационно оформленной и оставалась идейно и политически слабой; она еще не стала общенациональной политической силой, а ее влияние распространялось лишь на узкие круги городского (столичного) населения; крайне ограниченными были ее материальные и финансовые возможности; в результате низкого уровня политического сознания широкие массы, особенно в сельских районах, не были готовы к пониманию и восприятию леводемократических лозунгов; партия и ее кандидаты при проведении предвыборной борьбы находились под строгим и неусыпным контролем властей; к тому же им явно не хватало опыта участия в подобного рода политических кампаниях. И тем не менее участие представителей НДПА в парламентских выборах стало беспрецедентным в общественно-политической жизни Афганистана, заметно содействовало росту популярности леводемократических сил и ознакомлению масс с их лозунгами и взглядами. Они провели десятки митингов и собраний, прежде всего в Кабуле, на которых присутствовали десятки тысяч человек. Кандидаты от партии в своих выступлениях резко критиковали пороки и слабости существовавшего строя, разоблачали бездеятельность и злоупотребления властей, вскрывали причины бедственного положения широких народных масс, разъясняли и обосновывали свою программу решения злободневных проблем страны и общества в рамках конституционно-демократического режима.

В такое же духе выступали и многие другие демократически настроенные представители интеллигенции, что не могло не обеспокоить правящую верхушку. Она, как показали последующие события, допустив в известных пределах либерализацию режима, не намерена была терпеть какое-либо вольнодумие, расходящееся с официальной линией. Уже в период предвыборной кампании ряд прогрессивных элементов были арестованы и брошены в тюрьмы. [229] Юридической основой для таких репрессий против инакомыслящих стал «Закон о преступлениях должностных лиц и о наказаниях за посягательство на общественные интересы и безопасность», принятый за несколько лет до введения в действие новой конституции. [230]

Выборы в Мышрано джиргу (Джиргу старейшин) состоялись с 26 августа по 9 сентября 1965 года, а в Вулуси джиргу (Народную джиргу) – с 12 по 24 сентября. НДПА удалось провести в Вулуси джиргу четырех своих представителей: Б.Кармаля, Нур А.Нура, Файзан-уль-Хак Файзана и А.Ратебзад. [231] Все они составляли близкое окружение Б.Кармаля или были его сторонниками. Остальные кандидаты в депутаты не получили необходимого для избрания количества голосов. Самое сокрушительное поражение потерпел Х.Амин, получивший менее 50 голосов, хотя он и баллотировался в избирательному округу Пагман, откуда был родом. Таким образом, леводемократическая оппозиция смогла впервые образовать в парламенте страны свою самостоятельную фракцию. Наряду с группой депутатов от НДПА, в демократическое меньшинство нижней палаты вошли также депутаты от политической группировки «Садаи авам» во главе с Абдул Каримом Фарзаном. [232]

24 октября 1965 года открылась сессия парламента 12-го созыва (1965-1969 гг.), которому предстояло на одном из первых заседаний решить вопрос о вотуме доверия кабинету, сформированному по поручению короля М.Юсуфом. Однако дебаты по этому вопросу затянулись на три дня. В первый день работы парламента депутаты от НДПА, поддержанные рядом других представителей парламентской оппозиции, внесли предложение провести публичные заседания по обсуждению вотума доверия правительству. Данное предложение нашло горячий отклик за пределами парламента. В тот день по призыву НДПА у здания парламента собрались тысячи жителей столицы, в основном студенты Кабульского университета, требуя

допустить их присутствовать на заседаниях Вулуси джирги. Некоторые из них проникли в зал заседаний нижней палаты и заняли там места. В такой обстановке заседание было отложено. На следующий день в столице состоялись многолюдные демонстрации, организованные и возглавленные деятелями НДПА – М.А.Хайбаром, С.А.Кештмандом, М.Т.Бадахши и другими. Антиправительственные выступления имели место и в провинциях. Демонстранты резко обвиняли некоторых членов предложенного кабинета в коррупции, взяточничестве, кумовстве и финансовых злоупотреблениях, требовали изменений в составе правительства и проведения более широких реформ, в том числе и в сфере образования.

Власти, поняв, что ситуация вышла из-под их контроля, отдали приказ армии и полиции применить против демонстрантов оружие для «обеспечения порядка и безопасности» (этот приказ исходил лично от зятя короля, командира Центрального корпуса генерала Абдул Вали). В результате учиненной расправы было, по крайней мере, шесть человек убито и около 150 ранено. [233] За причастность к событиям 25 октября (соответствует 3 акраба 1344 года по афганскому календарю солнечной хиджры) и за антиправительственную деятельность подвергся репрессиям ряд активистов партии, в частности М.А.Хайбар был сослан на два года в Пактию, были арестованы и брошены в тюрьмы М.Т.Бадахши, С.А.Кештманд (пробыл в тюрьме около года) [234] и другие. С тех пор день 3 акраба ежегодно отмечался прогрессивными кругами страны как день жертв, а после апрельского вооруженного восстания был объявлен днем солидарности молодежи Афганистана.

26 октября кабинет М.Юсуфа получил в парламенте вотум доверия (против него голосовали лишь семь депутатов от демократической оппозиции). Глава правительства, выступая в тот день с программной речью, однако ни словом не обмолвился о событиях, происшедших накануне, что было расценено прогрессивной афганской общественностью как игнорирование ее настроений и требований. В ответ на это студенческая и учащаяся молодежь, представители демократических кругов снова вышли на улицы. В создавшейся обстановке М.Юсуф вынужден был уйти в отставку, а ему на смену пришел кабинет во главе с М.Х.Майвандвалем. Последний, явно пытаясь успокоить и привлечь на свою сторону бунтующую молодежь, 4 ноября принял личное участие и выступил на митинге студентов, организованном в Кабульском университете в память жертв 3 акраба. Он выразил от имени короля и от своего имени сожаление по поводу происшедших трагических событий и обещал провести их тщательное расследование, а также заверил студентов, что все их законные требования будут рассмотрены и им будет разрешено создать свой студенческий союз. Присутствие и выступление на митинге премьер-министра крайне польстило самолюбию студентов, а его обещания были восприняты ими как показатель их победы (впрочем, среди них были и такие, кто понимал иллюзорность подобных обещаний). После митинга его участники с ликованием пронесли М.Х.Майвандвала на своих плечах по университетскому городку. Однако эта эйфория вскоре стала угасать. Не получив удовлетворения своих требований, студенты университета уже в конце ноября объявили забастовку и вышли на демонстрацию с лозунгами немедленного создания студенческого союза, сокращения переводного бала с 65 до 55, перенесения на более поздний срок текущих экзаменов и т.д. В последующие месяцы митинги и демонстрации учащейся и студенческой молодежи столицы продолжались, принимая порой политический характер.

Под давлением общественного мнения, на формирование которого определенное влияние оказывала и молодая НДПА, правительство М.Х.Майвандвала вскоре после своего прихода к власти поспешило заявить о намерении рассмотреть вопросы, касающиеся положения трудящихся слоев населения, свободы слова, собраний, деятельности политических партий и пр.

Фракция НДПА в парламенте, несмотря на свою малочисленность, стала в рассматриваемые годы в полном смысле слова «возмутителем спокойствия» не только в стенах высшего законодательного органа, но и в стране в целом. Ее анализ и оценки афганской действительности, критика пороков и язв социально-экономической и политической системы страны и смелые призывы с парламентской трибуны к коренному реформированию этой системы не могли не будоражить умы людей и не способствовать ускорению процессов консолидации и поляризации различных общественно-политических сил в Афганистане. Тон в деятельности демократической парламентской оппозиции неизменно задавал депутат Вулуси джирги Б.Кармаль. Его выступления отличались большой содержательностью и вызвали, как правило, широкий, хотя и далеко не однозначный, отклик в стране. Показательна в этом отношении его речь в Вулуси джирге в октябре 1967 года, произнесенная в связи с обсуждением вотума доверия кабинету Н.А.Эттемади. В ней он с присущей ему страстностью изложил позицию, как он выразился, «народно-демократической фракции в парламенте» относительно программного заявления нового правительства. Говоря о внешней политике страны, Б.Кармаль подчеркнул, что Афганистан должен, оставаясь нейтральным и миролюбивым государством, решительно бороться за мир в регионе и на планете, энергично поддерживать национально-освободительное движение Пуштунистана вплоть до «официального признания его временного национального правительства», бороться против военных баз СЕНТО и СЕАТО в регионе, противодействовать агрессии Израиля на Ближнем Востоке и агрессии США во Вьетнаме. В числе важнейших национальных задач он назвал обеспечение экономической независимости страны и развитие с этой целью всесторонних связей с теми государствами, которые готовы оказывать Афганистану бескорыстную помощь, не обусловленную никакими политическими уступками. [235]

Большое место в парламентской речи Б.Кармалю было отведено критике правительственной программы в области внутренней политики. По его словам, существенным недостатком этой программы было отсутствие в ней пункта о демократической аграрной реформе, которая насущно необходима для такой отсталой страны, как Афганистан. Характеризуя жизненные условия народных масс, он заявил, что «подавляющее большинство населения живет в условиях средневековья, не имеет хлеба, одежды, жилища, школ и больниц, страдает от тяжелого бремени дороговизны и налогов, опутано отжившими установлениями ханско-племенной системы». «Жизнь в городах и деревнях, – указал он далее, – это адская, нечеловеческая жизнь». Вину и ответственность за такое положение народа Б.Кармаль всецело возложил на про-

гнившую правительственную администрацию и экономически господствующее в стране меньшинство. Отметив, что в Афганистане «демократия и Конституция остаются лишь на словах», он выразил убеждение, что «осуществление чаяний афганского народа и проведение коренных преобразований в стране... возможно только на путях создания национально-демократического фронта, формирования национально-демократического правительства и выбора пути некапиталистического развития, а не с помощью авторитарных правительств». Б.Кармаль от имени парламентской фракции НДПА выразил неверие в способность правительства Н.А.Эттемади осуществить на деле положения Конституции Афганистана и чаяния народа, поскольку, как отметил оратор, в стране по-прежнему «основы власти остаются в руках господствующих реакционных, антидемократических и антинародных классов». [236] Исходя из этого, фракция НДПА в парламенте (как и при обсуждении программ кабинетов М.Юсуфа и М.Х.Майвандваля в 1965 году) голосовала против вотума доверия правительству Н.А.Эттемади.

В апреле 1969 года фракция депутатов от НДПА поставила в парламенте вопрос о необходимости коренного пересмотра кабального характера получаемой от развитых капиталистических стран технико-экономической и финансовой помощи. Б.Кармаль, выступая в Вулуси джирге от имени фракции, указал, что эта помощь (речь шла о займах и кредитах, полученных от США, Англии, Японии, ФРГ и других капиталистических стран) предоставляется Афганистану на крайне невыгодных условиях, то есть под очень высокий процент (от 3 до 7 и более процентов годовых), на краткосрочной основе и обычно с оплатой в валюте. В качестве противоположного примера он назвал помощь СССР, который, как он заявил, «в наибольшей степени учитывая национальные интересы Афганистана», предоставляет ее или на беспроцентной основе, или же под очень низкий процент и притом, как правило, с оплатой товарами местного производства. «Афганистан, – подчеркнул депутат, – не может обойтись без иностранной помощи. Но это не значит, что правительство должно идти на принятие кабальных условий ради ее получения». Выражая мнение народно-демократической фракции, он предложил правительству при получении внешних займов и кредитов руководствоваться следующими критериями: получение иностранной помощи не должно обуславливаться политическими уступками; внешняя помощь должна идти в первую очередь на создание национальной экономики, строительство крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий и подготовку национальных кадров; кредиты и займы следует получать на долгосрочной основе, под низкий процент и на выгодных условиях их возвращения; построенные предприятия должны по преимуществу составлять общественную собственность; уплата долга и процентов по займам должна осуществляться на бартерной основе. [237]

После принятия Конституции 1964 года, зафиксировавшей право граждан Афганистана на создание политических партий, среди активной афганской общественности серьезную обеспокоенность стала вызывать затяжка с законодательным оформлением данного права. Хотя законопроект о политических партиях уже давно прошел через обе палаты парламента и был принят ими (в Вулуси джирге – в июле 1966 г., а в Мышрано джирге – в мае 1967 г.), однако король под давлением дворцовой аристократии и консервативных кругов общества и из-за боязни усиления оппозиции режиму в случае легализации партий никак не мог решиться подписать его. В связи с этим парламентская фракция НДПА, наряду с другими оппозиционными силами, не раз ставила в Вулуси джирге вопрос об ускорении введения в действие указанного закона, обоснованно считая, что провозглашенная в стране «демократия без свободного создания политических партий лишается своего смысла и становится беспредметной». [238]

В апреле 1969 года Вулуси джирга снова вернулась к законопроекту о политических партиях. Поскольку он еще не был утвержден королем, ряд депутатов предложил внести в него поправку о снижении для граждан Афганистана возрастного ценза для вступления в партию с 25 до 20 лет. При этом не скрывалось, что речь в данном случае шла о праве более широкой части афганской молодежи на участие в активной политической деятельности. Указанное предложение было безоговорочно поддержано и фракцией НДПА. Однако поправка оказалась заблокированной, так как после бурных обсуждений она не получила одобрения большинства консервативных депутатов Вулуси джирги, и вопрос был снят с повестки дня. [239]

Как уже отмечалось, два лета 1968 и 1969 годов были в политической жизни Афганистана очень жаркими. Естественно, в такой обстановке парламент страны, в котором волею судьбы были собраны вместе представители разной политической и социально-классовой ориентации, не мог не отражать разнообразные настроения и страсти, бушевавшие за пределами его стен. В нижней палате парламента особой напоистостью и активной позицией в поддержку забастовочного движения в стране обращала на себя внимание фракция НДПА. Только в конце мая-начале июня 1968 года она трижды направляла в Вулуси джирге запросы правительству Н.А.Эттемади по поводу необходимости удовлетворения требований бастующих рабочих и студентов и наказания виновников расправы над ними. [240] Хотя ее запросы и требования и возымели определенное действие, все же, надо заметить, голос этой малочисленной фракции чаще всего тонул в громком хоре правых, консервативных депутатов. В частности, летом 1969 года фракция НДПА попыталась снова выступить в Вулуси джирге с запросом правительству в связи с жестокой полицейской расправой над студентами и учащимися Кабульского университета, педагогического училища и лицей «Ибн Сина», но в результате обструкции правых, реакционных сил и отсутствия необходимого кворума, продолжавшегося в течение почти месяца, сделать это не удалось. В этих условиях парламентская фракция НДПА решила апеллировать непосредственно к народу, к прогрессивным, национально-демократическим и патриотическим силам и элементам страны, призвав созданную накануне в Кабульском университете «комиссию 26-ти» выступить инициатором «создания широкого фронта коалиционных сил (хотя бы временно) и разработки совместной платформы действий против деспотии, реакции и их заговоров». [241] Конечно, в таком призыве можно было усмотреть определенные элементы прожектерства и самонадеянности, если иметь в виду, что в Афганистане того времени еще отсутствовали в достаточной степени необходимые предпосылки для создания подобного фронта. Думается, это понимали и сами левые демокра-

ты. И тем не менее их призыв был исторически понятен и оправдан, поскольку он, несомненно, нес в себе весомый политико-пропагандистский заряд и демонстрировал перед афганским обществом их искреннее желание и убеждение искать поддержку и понимание среди широкой прогрессивной общественности страны.

Еще одним «полем битвы» между демократической оппозицией и консервативным парламентским большинством стало обсуждение проекта государственного бюджета на 1348 год (21 марта 1969 – 20 марта 1970 г.). Он был представлен 15 июля 1969 года министром финансов Мухаммадом Анваром Зияи на пленарном заседании Вулуси джирги, собравшейся после длительного фактического бездействия, прямо таки «под занавес» последней сессии парламента 12-го созыва (накануне бюджет был одобрен Мышрано джиргой и бюджетно-финансовым комитетом Вулуси джирги). В ходе бурной дискуссии, острота которой была задана выступлением Б.Кармалья, фракция НДПА выразила свое принципиальное несогласие как с намеченными источниками формирования доходной части бюджета, так и с направлениями расходов. На основе анализа содержания предложенного правительством бюджета было подчеркнуто, что он не сбалансирован и не отвечает интересам подавляющего большинства трудового населения страны, так как односторонне ориентирован на дальнейшее усиление бремени косвенных налогов, от которых страдали прежде всего трудящиеся массы, и в то же время на сохранение на крайне низком уровне прямых налогов, взимаемых с состоятельных слоев. Внимание парламентариев было также обращено на то, что при большом дефиците бюджета правительство тем не менее планирует увеличить расходы в непроизводительной сфере, в первую очередь на содержание органов государственного управления и так называемую «безопасность» с 4279 млн. афгани в 1347 до 5126 млн. афгани в 1348 году, то есть примерно на 20 % (из них на «безопасность», в частности, предусматривалось выделить около 1,5 млрд. афгани).

Что же предлагала народно-демократическая фракция? «По нашему глубокому убеждению, – заявил Б.Кармаль, – необходимо, исходя из высших национальных интересов и интересов народа Афганистана, безотлагательно предпринять решительные меры к проведению коренной, демократической земельной реформы и уже в текущем году в срочном порядке ввести прямые налоги на земли, находящиеся в сельскохозяйственном обороте, на крупные торговые сделки, доходы торговых ширкетов и иностранных торговых фирм». При этом он предложил установить незначительный налог с малоземельных крестьян и одновременно большой налог, по соответствующей прогрессивной шкале, с крупных землевладельцев. Только так, отметил депутат от НДПА, «можно обеспечить в какой-то ничтожной мере социальную справедливость и равенство, декларированные в преамбуле и статье 38 Конституции страны». [242] Указанные предложения и резкая критика социальной политики господствующих кругов вызвали недовольство и протесты консервативного большинства Вулуси джирги и в итоге они не дали Б.Кармалю закончить выступление (оно было полностью опубликовано в газете «Парчам»).

В ходе четырехлетней деятельности парламента 12-го созыва (1965-1969 гг.) депутаты от НДПА около 200 раз использовали его трибуну для выступлений по различным вопросам политической, социально-экономической и культурной жизни страны и международного положения. [243] Они аргументированно вскрывали пороки и слабости внутренней и внешней политики правящих кругов, разоблачали усилившееся в стране влияние империализма, протестовали против антидемократических законов, защищали интересы трудящихся и отстаивали их право на гражданские свободы, поддерживали освободительное движение пуштунского и белуджского народов. В актив парламентской фракции НДПА следует внести также и ее решительные выступления в защиту газеты «Хальк», против ее запрещения, разработку и обнародование в Вулуси джирге проекта демократической земельной реформы и проекта индустриализации страны. Все эти акции в обстановке возрастающей активности демократической оппозиции во второй половине 60-х годов получили в стране довольно широкий резонанс. Следует заметить, что росту популярности парламентской фракции НДПА способствовали не только постановления ею в Вулуси джирге острых вопросов, волновавших многих с стране, но и блестящие ораторские качества депутатов Б.Кармалья, Н.А.Нура и А.Ратезбад.

За пять месяцев до выборов парламента 13-го созыва леводемократические круги начали активную подготовку к ним, опубликовав в газете «Парчам» серию статей, в которых разъяснили свое отношение к парламенту и содержание своей предвыборной платформы. [244] Два месяца спустя они призвали все демократические силы сесть за стол переговоров и предложили им обсудить развернутый проект совместной платформы, предусматривавшей создание общего коалиционного фронта для участия в избирательной кампании. По мнению лидеров Парчам, программные лозунги такой коалиции, которые отвечали бы интересам всех трудовых слоев населения, национально-демократических, прогрессивных и патриотических сил страны, могли бы включать: борьбу за укрепление демократии и осуществление на практике декларированных в Конституции Афганистана прав и свобод граждан, включая права на создание и деятельность национально-демократических и других политических партий, образование профсоюзов различных категорий трудящихся как в рамках частного, так и государственного секторов экономики и сферы управления, свободу печати, слова, собраний и демонстраций; отмену всех законов, противоречащих положениям Конституции, и принятие новых законов, отвечающих интересам народа; создание на местах, вплоть до деревни, демократических органов власти и управления и справедливое решение их экономических, финансовых, торговых, судебных, культурных и других проблем; обеспечение политических и культурных прав всех племен и этнических групп населения Афганистана без какой-либо дискриминации по национальному признаку; гарантирование на деле социальных и политических прав женщин; демократическое решение проблем кочевников и племен; расширение сети образования и здравоохранения; борьбу против безработицы, трудовой повинности, нищеты и неграмотности; решение аграрного вопроса и индустриализацию страны; установление справедливого уровня цен; борьбу против деспотии, реакции и влияния неокolonизма в стране; отстаивание независимого, нейтралитетского, миролюбивого и антиимпериалистического курса во внешней политике Афганистана и поддержку всех национально-освободительных и про-

грессивных движений в мире; расширение отношений Афганистана с прогрессивными государствами мира и др. [245] Забегая вперед, необходимо отметить, что идея «круглого стола» и коалиции демократических сил в избирательной кампании 1969 года, предложенная Парчам, к сожалению, не была реализована из-за имевшихся тогда в их среде противоречий, предвзятостей и взаимного недоверия, что, естественно, серьезно ограничило их возможности в борьбе за достойное представительство в высшем законодательном органе страны.

Обе фракции НДПА, действуя обособленно друг от друга, приняли активное участие в предвыборной кампании и выдвинули десятки своих кандидатов в депутаты парламента. При этом члены Парчам баллотировались преимущественно в столице и северных провинциях, а Хальк – на юге. Среди них были члены ЦК обеих фракций – Н.М.Тараки, Б.Кармаль, С.М.Зерай, Г.Д.Панджшери, С.А.Кештманд, С.Лайек, Н.А.Нур, А.Х.Шараи Джаузджани, Х.Амин, а также Абдул Куддус Горбанди, Абдул Хади Карим, Абдул Кадыр Бехьяр и другие. С их участием были проведены сотни собраний, митингов, встреч и бесед с избирателями. Особенно массовый характер эта работа приобрела в столице. Здесь 8 сентября, в последний день перед началом выборов в Вулуси джиргу, состоялся пятнадцатитысячный митинг жителей города в поддержку кандидата от народно-демократического движения Б.Кармаля.

И все же предвыборная борьба оказалась для политической оппозиции весьма трудной и драматической как в результате ее внутренних слабостей, так и особенно из-за упорного противодействия со стороны дворцовой аристократии во главе с дядей короля маршалом Шах Вали и сыном последнего Абдулом Вали, клерикально-племенной верхушки и консервативных буржуазно-помещичьих кругов. Всех их роднили неодобрительное отношение к проводимому в стране «демократическому эксперименту» и его последствиям, а также общая ненависть к коммунизму, носителями идей которого в стране, по их представлению, являлись левodemократические группировки. Чтобы не допустить избрания представителей политической оппозиции в парламент, в действие был введен обширный арсенал сил и средств: племенные и религиозные авторитеты, пользовавшиеся огромным влиянием среди населения, особенно сельского, местный аппарат власти, нарушения избирательного закона, клевета и дезинформация в отношении кандидатов в депутаты от прогрессивных кругов и их аресты, запугивания, шантаж и подкупы избирателей, прямой подлог при подсчете голосов и т.п. По приблизительным оценкам, кандидаты от консервативных сил израсходовали на подкупы избирателей во время выборов парламента 13-го созыва от 400 до 500 млн. афгани. [246] В июле и сентябре, то есть в разгар предвыборной кампании, по распоряжению прокуратуры и министерства информации и культуры были конфискованы три номера (из шести) газеты «Парчам» якобы за нарушение Закона о печати, а фактически за резкую критику правительства и реакционных кругов страны. Накануне выборов и сразу же после их завершения за активную политическую деятельность были арестованы и брошены в тюрьмы 12 парчамистов и 37 халькистов, баллотировавшихся в Вулуси джиргу, в том числе Г.Д.Панджшери, С.М.Зерай, Абдул Хади Карим (приговорены соответственно к 7, 6 и 10 годам тюремного заключения), Абдул Кадыр Бехьяр и другие. На запрос в парламенте депутата Б.Кармаля относительно причин их арестов заместитель министра внутренних дел М.Лодин цинично ответил, что правительство не хочет видеть в высшем законодательном органе «коммунистов» и «агентов СССР». [247] Не имело последствий и обращение Б.Кармаля к парламенту признать Абдул Хади Карима депутатом Вулуси джирги, поскольку он в своем избирательном округе Панджшер получил наибольшее число голосов. [248] Между прочим, репрессиям подвергались и либерально-буржуазные круги. В частности, в июле был конфискован номер газеты «Афган меллят», а ее ответственный редактор арестован. На выборах не без «помощи» правых консервативных сил потерпел поражение и лидер буржуазно-демократической «Партии прогрессивных демократов» М.Х.Майвандвал.

В ход и исход выборов вмешалось еще одно немаловажное обстоятельство: появившаяся тяга и «вкус» к парламентской деятельности у местной консервативной элиты, прежде всего клерикально-племенной верхушки. По опыту деятельности предшествовавшего парламента они отчетливо уловили, что депутатский мандат может дать им многие преимущества: престиж государственного деятеля, материальные (финансовые) привилегии и, что самое главное, еще большее влияние и реальную политическую власть в общественных низах и правящих верхах. В связи с этим они активно включились в избирательную кампанию 1969 года и фактически оказались, особенно в провинциях, вне конкуренции перед другими (в основном молодыми по возрасту, что на Востоке традиционно воспринимается как недостаток мудрости) претендентами на кресло в парламенте в силу своего годами укоренившегося влияния и авторитета в массах.

В таких внутривнутриполитических условиях итоги выборов в парламент 13-го созыва оказались для расколотой НДПА и вообще для политической оппозиции малоутешительными. В Вулуси джиргу прошли лишь двое членов указанной партии: Б.Кармаль, баллотировавшийся по 2-му избирательному округу Кабула (3 и 4 районы), и Х.Амин (уезд Пагман, провинция Кабул). Так история и судьба снова свели лицом к лицу эти две политически и психологически не совместимые личности.

Выборы привнесли существенные изменения в расстановку политических сил в высшем законодательном органе страны. Состав нижней палаты парламента обновился на две трети и заметно поправел. Пуштунская племенная элита увеличила свое представительство с 6 мандатов в прежнем составе палаты до 43, клерикальные круги – с 30 до 50-60 мандатов, в то время как число либерально настроенных и демократических элементов сократилось с 50 до 25-30 человек. [249] Таким образом, в новом составе парламента возможности депутатов демократической оппозиции, включая и левых радикалов, влиять на политику правящих кругов существенно уменьшились. К тому же они (депутаты-демократы), представляя различные, соперничавшие между собой политические группировки, по-прежнему были разобщены. Понижая пагубность такой разобщенности для общих интересов демократического движения в стране, группировка Парчам вскоре после выборов выступила с предложением создать в рамках Вулуси джирги «объединенный национальный блок» для противодействия правым элементам и обеспечения, насколько это будет возможно, совместных действий группы депутатов от демократических сил. При этом предполага-

лось, что объединение прогрессивно и патриотически настроенных парламентариев могло бы стать в будущем «ядром» для образования более широкого фронта демократической оппозиции в общенациональном масштабе. В качестве основы такого объединения как в стенах парламента, так и вне его была предложена следующая совместная платформа, включавшая девять пунктов: защита ценностей Конституции в области демократических прав и свобод народа; борьба за образование законного национального правительства, уважающего свободы, декларированные в Конституции; борьба за осуществление на практике демократических законов, соответствующих духу преамбулы Конституции и свободам, дарованных последней; критический анализ и оценка бюджета, системы налогов и пошлин, экономических планов и их точного претворения в жизнь в интересах народа и развития промышленности и сельского хозяйства страны; рассмотрение международных договоров с учетом соответствия их независимой национальной политике, интересам народа и развитию экономики и культуры страны; участие в обсуждении запросов правительству с целью недопущения нарушений закона и защиты гражданских и демократических прав народа; противодействие эксплуататорским, реакционным господствующим классам и разоблачение их сущности; обличение коррупции госаппарата, его насилий и гнета; борьба против деспотизма, реакции и колониализма. [250]

Однако этот призыв к единству действий не нашел отклик среди политической оппозиции в парламенте и не был реализован на практике. В итоге деятельность немногочисленных, обособленных друг от друга депутатов-демократов в парламенте 13-го созыва была фактически заблокирована консервативным большинством и оказалась малоэффективной. Одиноко, к примеру, прозвучало заявление Б.Кармалы во время дебатов по вопросу доверия кабинету Абдул Захира 5 июля 1971 года. В нем Б.Кармаль снова обратил внимание парламента и правительства на тяжелейшее жизненное положение подавляющего большинства населения страны – крестьян, «страдающих от ростовщических долгов, жестокой эксплуатации и гнета со стороны помещиков, непосильного бремени налогов, издевательств и насилий прогнившей бюрократии в центре и на местах – губернаторов, старост, прокуроров, судей, полицейских и жандармов». «Крестьяне вопиют: хлеба, воды, земли», – заявил он. Обращаясь к правительству, он подчеркнул, что для решения крестьянского вопроса нет иного пути, кроме проведения демократической земельной реформы с участием всех трудящихся крестьян и отмены всей их задолженности ростовщикам. [251] Правящие круги оставили это заявление без последствий. Или еще один пример. 29 ноября 1971 года Б.Кармаль в кратком выступлении в Вулуси джирге резко осудил «капитулянтское молчание парламента и правительства» в связи с репрессиями пакистанских властей в отношении лидеров национально-освободительного движения Пуштунистана и Белуджистана и выступил с инициативой срочного созыва чрезвычайного заседания правительства для обсуждения этого вопроса. Предложение было принято почти единогласно. Однако на следующий день при повторном голосовании из-за обструкции консервативных депутатов оно не набрало нужного числа голосов и заседание правительства не состоялось. [252] Голос демократической оппозиции в парламенте не был услышан и на сей раз.

Что касается отношений между двумя депутатами от левых сил – Х.Амином и Б.Кармалем, то они в целом характеризовались нескрываемой враждебностью и непримиримостью. Х.Амин, получивший в Вулуси джирге нелестную репутацию воинствующего демагога (чего, например, стоило провозглашение им с парламентской трибуны от имени «политической партии рабочего класса» лозунгов «от каждого по способности и каждому по труду» и «от каждого по способности и каждому по потребности» [253]), был обеспокоен не столько заботой об интересах движения, сколько тем, как бы больнее «уколоть» другого левого депутата и скомпрометировать его и представляемую им партийную фракцию в глазах общественности.

Фракция Парчам, придавая большое значение парламентской деятельности, как одной из легальных возможностей борьбы за демократию и стратегические цели движения, уже в апреле 1973 года развернула подготовку к участию в выборах парламента 14-го созыва. С этой целью при Центральном комитете была создана специальная «комиссия Народно-демократической партии Афганистана (партии трудящихся страны) по выборам» (автор, к сожалению, не располагает подобными данными о предвыборной деятельности другой фракции НДПА – Хальк). Указанная комиссия обратилась ко всем своим партийным организациям с призывом активно включиться в избирательную кампанию, руководствуясь ее указаниями из 15 пунктов, основные из которых сводились к следующему: каждый партиец должен, исходя из условий и возможностей, сам в добровольном порядке решить вопрос о своем выдвижении кандидатом в депутаты парламента либо на индивидуальной основе, либо по партийному списку; разработать свою избирательную платформу применительно к конкретным условиям и нуждам избирательного округа, а также определить способы и тактику борьбы за депутатский мандат с учетом расстановки политических сил в избирательном округе, местных условий, обычаев, традиций и психологии народа; платформа кандидата в депутаты, однако, не должна расходиться с общей платформой партии; каждый партийный кандидат, рассчитывая на успех, в то же время не должен бояться потерпеть неудачу, так как она на выборах «рассматривается как обычное явление, особенно в существующих условиях страны»; все партийные кандидаты обязаны в ходе предвыборной борьбы решительно воздерживаться от использования незаконных, беспринципных, провокационных и противоречащих революционной морали мер и средств, которые могли бы нанести вред престижу партии; каждый кандидат в депутаты должен полагаться на свои финансовые возможности, поскольку в распоряжении партии нет соответствующих денежных средств и др. [254] Осуществление данной программы однако было прервано июльскими событиями 1973 года, приведшими к свержению монархии.

2.6. НДПА и проблема единства

Длительное время левodemократические организации попусту, вопреки здравому смыслу растрчивали свои силы на взаимные обвинения и оскорбления, подозревая друг друга буквально, как говорят, во всех смертных грехах вплоть до якобы сознательного предательства целей и интересов национально-демократического движения в угоду правящим кругам, внутренней реакции и даже ЦРУ США. Однако накал общественно-политической борьбы в стране в конце 60-х годов неумолимо ставил перед ними вопрос о необходимости достижения единства как неперемного условия успеха движения.

Первая попытка восстановить единство НДПА была сделана уже весной 1968 года, то есть примерно год спустя после раскола партии (см. Приложение 9). С этой целью в течение недели в доме Н.М.Тараки в Кабуле велись переговоры, в которых принимали участие, с одной стороны, Шах Вали и А.К.Мисак и, с другой, Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани. Б.Кармаль, излагая позицию своей фракции по проблеме единства, писал тогда в газете «Парчам», обращаясь к «товарищам и друзьям» (здесь определенно имелось в виду крыло Хальк. – М.С.): «Мы решительно осуждаем раскол и разобщенность в рядах прогрессивных сил и считаем, что такое положение отвечает лишь интересам империализма и реакции. Являясь защитником интересов народа Афганистана, его рабочего класса и всех трудящихся города и деревни и глубоко сознавая свою ответственность за дело единства прогрессивных и патриотических сил и сплочения всех национально-демократических кругов, наше патриотическое движение положило в основу своей политики борьбу за создание объединенного национально-демократического фронта и... на этом пути не пожелает никаких усилий». [255]

Вначале переговоры были вроде бы обнадеживающими. Обе стороны в предварительном порядке достигли договоренности о том, чтобы на первом этапе обеспечить единство действий, а в дальнейшем подготовить условия для полного организационного единства партии. Однако данный замысел остался не осуществленным. Снова, как и раньше, камнем преткновения явился вопрос о кооптации новых членов в руководящие органы партии: халькистское крыло категорически отвергло предложение восстановить Б.Кармалю на его двух прежних партийных постах, а также ввести в ЦК НДПА М.А.Хайбара и А.Ратезбад. Вследствие этого переговоры, не дав никакого результата, были прекращены. [256]

Новый (второй) раунд переговоров (см. Приложение 9) был предпринят по инициативе парчамистов весной 1969 года в преддверии парламентских выборов и в условиях ширившейся забастовочной борьбы студенческой молодежи и различных групп трудящихся. Во встрече, имевшей место 31 марта, со стороны парчамистов снова участвовали Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани, а со стороны халькистов – Шах Вали и А.К.Мисак.

Накануне встречи в газете «Парчам» была напечатана редакционная статья, набранная жирным шрифтом, под заголовком «Наша опора на народ». В ней, явно приуроченной к встрече представителей двух крыльев НДПА, наряду с разоблачением происков внутренней реакции и американского ЦРУ против демократических сил Афганистана, резкой, в данном случае далеко не корректной, критике были подвергнуты, как говорилось, «беспринципные, лживые халькисты» и их лидер за «претензии единолично выступать от имени народно-демократического движения» и «выдавать себя за некоего племенного вождя». Вместе с тем в статье выражался призыв ко всем, кто разделяет программу и генеральную линию НДПА, «присоединиться к народно-демократическому движению» (иначе говоря, к крылу «Парчам». – М.С.) и восстановить таким образом «организационное, политическое и идеологическое единство». [257] Понятно, что такие оскорбительные выпады против халькистов и их лидера, а также безапелляционное предложение присоединиться к Парчам вряд ли могли благоприятствовать успеху предстоявших переговоров.

Необходимо уточнить, что делегация Парчам по поручению своего руководства представила на переговорах совершенно иные предложения по вопросу восстановления единства, чем это было изложено в цитированной выше редакционной статье. Фактически в этих предложениях речь шла лишь о предварительном обмене мнениями по поводу установления между двумя организациями союза и единства действий. Конкретизируя свою позицию, крыло Парчам предлагало с целью обеспечения совместных действий создать на основе общей платформы Объединенный народно-демократический фронт (ОНДФ) с сохранением двух самостоятельных организаций – Парчам и Хальк и двух руководящих центров. При этом мыслилось, что ОНДФ, будучи временной мерой, в дальнейшем, по мере укрепления «доверия и искренних товарищеских отношений» должен был подготовить условия для полного организационного, политического и идеологического единства НДПА с ее общим руководством. Для реализации этой идеи руководство Парчам считало целесообразным провести встречу на уровне политбюро обоих крыльев, на паритетной основе. [258] Позиция руководства Хальк в то время по вопросу единства практически не расходилась с тем, что предлагали парчамисты, и сводилась к признанию и сохранению самостоятельности обеих организаций, действующих под разными названиями, и осуществлению ими совместных действий. Правда, халькисты при этом настаивали на признании за каждой права «принципиальной критики друг друга». [259] Несмотря на совпадение взглядов двух организаций по вопросу установления между ними единства действий, встреча их делегаций 31 марта оказалась последней, не получив затем продолжения ни в 1969, ни до конца 1970 года. Хотя, надо заметить, сама проблема единства все это время ни той и ни другой стороной не снималась с повестки дня. Об этом свидетельствовало и очередное публичное обращение к ней Б.Кармалю в январе 1970 года в его большой статье «Еще три проблемы из записной книжки по общественно-политическим вопросам», опубликованной в газете «Парчам». «Мы, – писал он, – должны разрешить внутренние разногласия, существующие в народно-демократической организации, и таким образом обрести новое, прочное и конструктивное единство». [260]

Начало третьему раунду переговоров о единстве между двумя фракциями было положено в последний день 1970 года запиской ЦК НДПА (Парчам), врученной С.А.Кештманом члену ЦК НДПА (Хальк) А.К.Мисаку.

Появлению упомянутой записки предшествовало одно немаловажное событие: в ноябре 1970 года Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар и А.Х.Шараи Джаузджани с рядом их сторонников, порвавшие еще в конце 1969 года с группой Парчам, официально примкнули к Хальк. Об этом фракция Хальк с нескрываемым ликованием и радостью объявила на своих митингах, в Вулуси джирге и в открытой печати, в частности в «Заявлении о народно-демократическом единстве» от 9 кауса 1349 года (30 ноября 1970 г.) и в листовке под заглавием «Радостная весть». Присоединение «трех» было расценено в лагере халькистов как «победа народно-демократического движения над настроениями раздора, сектантства, тщеславия, личного чванства и эгоизма», как «восстановление полного единства (идеологического, политического и организационного) подлинных и принципиальных сил народно-демократического движения – единственного политического движения рабочего класса Афганистана». [261] Такие утверждения базировались на том, что с переходом Г.Д.Панджшери и Ш.Шахпара под крышу фракции Хальк на ее стороне оказались четверо из семи, то есть относительное большинство, членов ЦК НДПА его первого состава, избранного I (Учредительным) съездом партии. И далее в листовке заявлялось: в стране-де «в принципе больше не существует какой-либо другой, отдельной народно-демократической группировки». Затем следовало предупреждение, что «в случае, если какая-либо группа все-таки будет беспринципно и бесстыдно... выступить под именем «народно-демократической» организации, она будет считаться подстрекательской, антинародной и связанной с врагами народа». Следует заметить, что эйфория в стане халькистов в связи с переходом в их ряды вчерашних парчамистов вскоре была омрачена выходом из Хальк Ш.Шахпара и М.З.Офока, создавшего некоторое время спустя свою самостоятельную политическую организацию.

Понятно, что под некоей «народно-демократической» группой» подразумевалась конкретно Парчам. Последняя, принимая во внимание такое развитие событий и руководствуясь решениями состоявшегося накануне 3-го расширенного пленума ЦК партии (Парчам), поручила С.А.Кештманду, как уже было отмечено выше, вступить в переговоры с представителями Хальк. На деле же непосредственные переговоры двух сторон были подменены обменом письмами, продолжавшимся всю первую половину 1971 года. В первой, инициативной, записке от 31 декабря 1970 года руководство Парчам не касалось существа проблемы единства, а лишь поставило ряд процедурных вопросов на случай ведения переговоров, а именно: «обмен мнениями осуществлять в спокойной и здоровой обстановке; временно, до решения вопроса о единстве, признать существование двух самостоятельных организаций и их руководства; не прибегать в ходе переговоров к использованию друг против друга лиц, исключенных в свое время из руководящих партийных органов». [262]

В ответной записке от 30 января 1971 года руководство Хальк, охарактеризовав как «беспринципную» позицию Парчам относительно существования двух народно-демократических течений, в ультимативной форме заявило, что партийное единство может быть обеспечено лишь на основе признания решений I (Учредительного) съезда НДПА, избранного на нем ЦК и народно-демократической программы. В конце записки был поставлен вопрос, обращенный к руководству Парчам: «Готовы ли вы к переговорам на основе этих принципов или нет?» [263]

Через две недели последовал письменный ответ парчамистов, а затем (через десять дней) поступило письмо Хальк. Чтобы понять суть и дух происходившего тогда обмена мнениями, представляется уместным привести здесь перевод (с небольшими сокращениями) обеих записок Парчам и Хальк, датированных соответственно 13 и 22 февраля 1971 года.

Итак, ответ руководства Парчам: [264]

«Уважаемые товарищи! С почтением подчеркиваем, что сущность стремления к единству нашей партии – Народно-демократической партии Афганистана – это не сговор и не какой-то ход или тактический прием и не требование к капитуляции или приглашение типа «добро пожаловать». Единство – это не та проблема, которая возникает или исчезает по желанию и воле какой-либо личности. Единство с вами после четырех лет политического и организационного разрыва возможно прежде всего на путях сохранения и уважения организационной самостоятельности, на основе единой идеологии и общей генеральной линии. Конечно, полное организационное единство, единство руководства в рамках единой Народно-демократической партии может стать реальностью в течение определенного времени (чем раньше, тем лучше) в результате товарищеских и честных переговоров, анализа и оценки причин раскола и на основе признания ошибок, критики и самокритики.

По нашему убеждению, самый лучший и правильный путь к единству должен предполагать:

Создание совместного руководящего комитета на высшем уровне (например, под названием, «Центрального комитета Народно-демократического фронта Афганистана»);

Недопущение подрывных действий и злонамеренной пропаганды друг против друга;

Проведение курса практического единства в парламентской деятельности и вне парламента (демонстрации, забастовки и пр.) в целях совместной борьбы против внутренней реакции и империализма;

Совместную борьбу против правого и левого экстремизма.

Отвечая на записку парчамистов, руководители Хальк писали 22 февраля:

«Уважаемые товарищи! Народно-демократическое руководство считает своей исторической задачей:

Открыть двери в партию и обеспечить полное единство тех сил, которые являются верными I съезду НДПА, избранному на нем руководству, принципам коллективной деятельности, народно-демократической программе, идеологическим и организационным народно-демократическим основам;

Вступить в переговоры о создании объединенного фронта с теми силами, которые утратили верность I съезду НДПА и выступают под другими названиями в качестве самостоятельных национально-демократических группировок, не связанных с НДПА.

...В связи с тем, что в вашей предыдущей записке не было сказано ничего конкретного по поводу единства, руководство НДПА желает получить от вас в кратчайшие сроки четкий и принципиальный ответ о том, присоединяетесь ли вы к матери-партии, то есть к Народно-демократической партии, и если – нет,

то будете ли участвовать в создании объединенного фронта, куда войдут самостоятельные организации, под своими собственными названиями». Как вытекало из ответа халькистов, путь к единству они видели только через безоговорочное присоединение к ним парчамистов.

После такой короткой (и пока еще относительно корректной) «разминки» стороны обменялись пространственными и весьма полемически острыми посланиями, в ряде мест щедро сдобренными издевкой, сарказмом, колкостями и прямыми оскорблениями. ЦК НДПА (Парчам) в своей записке от 16 марта 1971 года [265] возложил всю ответственность за раскол партии на халькистское руководство и обвинил его в измене I съезду партии, нарушении норм демократического централизма, сознательном извращении и фальсификации перипетий межфракционной борьбы. «К сожалению, это были именно вы, – говорилось в записке, – кто растоптал главный программный принцип, принятый на I съезде, и народно-демократическую программу..., заменив концепцию «национальной демократии» лозунгом «народной демократии». Были также резко осуждены и перебежчики Г.Д.Панджшери и Ш.Шахпар. Касаясь тезиса о «матери-партии», высказанном халькистами в предыдущем письме, то авторы записки Парчам в шутливой форме заметили: «Вы объявляете себя «матерью-партией». В таком случае должна быть и «партия-отец». В принципе мы являемся ею. В связи с этим просим вас по-товарищески не привечать неупутевых сыновей, недостойных своих родителей» (имелись в виду Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар, А.Х.Шараи Джаузджани и др. – М.С.). ЦК НДПА (Парчам), подтвердив свои прежние взгляды и подходы к вопросу о единстве, предложил вместо обмена записками «незамедлительно приступить к практическим действиям, а именно: создать совместный комитет на паритетной, товарищеской и демократической основе из представителей двух сторон на высшем уровне, сесть за стол переговоров и обсудить в спокойной и искренней обстановке вопрос о временном союзе как предварительном шаге к постоянному единству или, если это будет возможно, о немедленном и постоянном единстве».

Через два месяца последовал многостраничный разносный ответ халькистов. [266] Прежде всего, повторив полностью содержание своего письма от 22 февраля, они отметили, что не находят в «специальной записке» парчамистов «ничего конкретного» и принципиального по вопросу присоединения к «матери-партии» и создания объединенного фронта». В целом же парчамовская записка, названная ими «кебабом-суррогатом», была охарактеризована как «подстрекательская», а ее автор – как «писец, пользующийся дурной славой». В ответе много говорилось о заслугах и победах Народно-демократической партии, например, о «сплочении в одном ряду подавляющего большинства членов – учредителей партии, ее руководящего ядра, верных и принципиальных партийцев», «ее активном участии в национально-демократической борьбе в масштабе всей страны», «разоблачении раскольников в партии и их изоляции» и т.п.

Руководители Хальк полностью отмели обвинение в свой адрес по поводу замены ими программной концепции «национальной демократии» лозунгом «народной демократии», заявив, что они «никогда не исключали этап национально-демократической революции, как историческую ступень». Как они разъяснили, лозунг «народной демократии» был выдвинут ими в связи с тем, что в Афганистане национальная буржуазия и «демократы» слабы и непоследовательны и их руководство в объединенном фронте, если это случится, таит в себе большие опасности для перспектив революции, то есть для «перехода от национально-демократической революции к социалистической». Отсюда, по их убеждению, и вытекала идея «народной демократии», другими словами, необходимость отставания руководящей роли рабочего класса в объединенном национально-демократическом фронте. При этом подчеркивалось, что они не абсолютизируют данное положение о гегемонии рабочего класса применительно ко всем условиям. Указанная оговорка свидетельствовала о заметной эволюции взглядов халькистов и их определенном отходе от прежних установок по одной из узловых проблем национально-демократического движения в Афганистане.

Далее, намекнув на классовую близость парчамистов, прежде всего их генерального секретаря, к правящим кругам, авторы записки охарактеризовали своих бывших соратников по организации как «антипартийную группу меньшинства» и «антипартийное течение, борющееся против народа в его обличьи», как «параллельную с НДПА группу под тем же названием, используемую правящим режимом для ослабления истинных прогрессивных течений и партий». В записке говорилось также об «отсутствии у парчамистов организационной базы в провинциях» и прогрессирующем «ослаблении их влияния в массах». В подкрепление этого было заявлено, что даже в Кабуле у них (парчамистов) «опорой остается только Демократическая организация женщин Афганистана, с помощью которой они время от времени устраивают лицемерные политические спектакли». В таком же ключе – унижить и дискредитировать своих оппонентов – были рассмотрены в записке и другие межфракционные разногласия. Заключая свой ответ, руководители Хальк подтвердили еще раз те подходы к вопросу о единстве, которые были изложены ими в записке от 22 февраля 1971 года, однако тут же заявили о невозможности создания вместе с парчамистами объединенного фронта, то есть фактически отказались от одного из двух выдвинутых ими ранее предложений о единстве. Таким образом, для членов группы Парчам была оставлена лишь одна альтернатива – безоговорочно присоединиться к Хальк. Только на такой основе выражалась готовность «сесть с ними за стол переговоров».

Руководство Хальк еще до вручения адресату своей последней записки (она была вручена только 2 июня) попыталось в индивидуальном порядке, путем уговоров склонить к переходу на свою сторону отдельных видных деятелей Парчам. Прежде всего ему, видимо, хотелось пополнить в свои ряды известных мастеров поэтического слова, влияние которых на умы людей и их авторитет на Востоке, в том числе и в Афганистане, всегда были значительными. Кстати, это желание было недвусмысленно подтверждено в указанной выше записке, где заявлялось: «Придет день, когда связанные с вами (т.е. с Парчам. – М.С.) поэты поймут, что свой талант надо использовать против врагов народа, а не против сыновей народа». [267] Реализуя данный замысел, Н.М.Тараки лично пригласил к себе С.Лайека, популярного афганского поэта, кандидата в члены ЦК НДПА (Парчам). Встреча состоялась вечером 30 мая 1971 года в доме Ата Мухаммада Шерзая и в его присутствии.

Дух и содержание беседы между Н.М.Тараки и С.Лайеком были со стенографической точностью воспроизведены последним в его докладной записке, представленной в ЦК НДПА (Парчам) [268] сразу же после завершения встречи. В связи с тем, что этот документ, на мой взгляд, наиболее полно и образно передает характер и суть отношений, сложившихся в то время между двумя фракциями, представляется необходимым привести здесь эту беседу с небольшими сокращениями, но с полным сохранением колорита того, как она записана С.Лайеком. Итак, он свидетельствует:

«Тараки рукопожатием и подчеркнутым ко мне вниманием стремился показать свое дружеское расположение... Он, фамильярная, подтрунивал надо мной и говорил, что двери его «партии» для меня открыты и мне не составляет труда войти в эту «банду». Когда мы сели за стол, он принял покровительственную позу отца и начал расточать любезности, не давая мне перевести дух и сказать хотя бы слово. Он говорил: «Что это за положение? Что вы делаете? Почему не приходите в свою партию? Почему неверно выбрали свое место?... Скажите, что я должен сделать? Хорошо, пир-саиб (старец. – М.С.)! (Смесь). Покажите дорогу, вы, знающие, как разрешить трудности... Не обижайтесь, что я с вами занимаюсь болтовней. Я очень люблю вас. Знай, ты являешься единственным поэтом, к кому я сохранил симпатии... Вообщем-то я не люблю стихи (после этого он прочитал на пушту несколько моих стихов). Смотри, как я тебя люблю! Знаешь, исследователи в своих трудах пишут, что Лайек является поэтом-реалистом и последователем школы Нур Мухаммада Тараки. В связи с этим я им отвечаю: вы не знаете, какие невзгоды выпали на мою долю из-за этой школы». Сказав это, он притворно засмеялся.

Я спросил его: «Тараки-саиб, извините меня, но если я не смогу понять во время данной встречи вашу цель и ваши слова, поймите, я понесу партийную и политическую ответственность. Эта ответственность требует, чтобы я уяснил свое положение на нашей встрече. Пожалуйста, поясните, какую цель вы ставите, встречаясь со мной? Или мы будем рассматривать эту встречу как дружескую и частную, или как официальную, связанную с обсуждением соответствующих политических проблем? Будете ли вы обсуждать вопрос единства группировок народно-демократической организации? В обоих случаях я, Сулейман Лайек, имею поручение от своей партии – НДПА вступить с вами в переговоры. Мы искренне предлагаем вам принципиальное и товарищеское сотрудничество, особенно в вопросах единства, которое является нашим сокровенным желанием».

Господин Тараки ответил: «Хотя я намерен был побеседовать с вами лично и конфиденциально, однако поскольку вы упомянули о союзе и единстве, я готов поговорить с вами и по этим проблемам».

Когда я спросил Тараки, что бы он лично хотел сказать по этому поводу, он ответил: «У меня нет какого-либо «личного» суждения. Мне сдается, что я уважаю только одного вас». Я задал ему вопрос: «Тараки-саиб, изменили ли вы или нет свою прежнюю позицию относительно союза и единства? Согласны ли вы со взглядами нашей организации, которые постоянно доводятся до вас? Если – нет, то почему? Позвольте перейти к обсуждению принципиальных нужд и потребностей сегодняшнего движения в Афганистане?»

Господин Тараки стал нервничать, постепенно распалиться и путаться. Он заявил: «Вы много говорите о принципах. За эти три года вас здорово напичкали. Я не хочу с кем-либо книжничать и играть в принципы. Условия в Афганистане особенные и наши проблемы (проблемы единства) не могут решаться так, как пишется в книгах». В ответ я сказал ему: «Тараки-саиб, особенными являются не только условия Афганистана, но и национальные условия всех стран, но это не значит, что нужно отрицать определенные нормы и правила поведения и деятельности прогрессивных организаций. Мы готовы признать все то, что не соответствует условиям страны»...

«В любом случае, – заявил Тараки, – я ни с кем не буду книжничать. Я встретился с вами, исходя из дружеских побуждений, а не для переговоров по вопросам единства и союза. С вашими товарищами мы уже вели переговоры и этого достаточно». Здесь он добавил: «Ваши товарищи в последней «специальной записке» ругают нас. И мы написали им письмо, полное ругательств и оскорблений. Возможно, и сейчас мы сделаем то же». В этом месте он усмехнулся и продолжил: «Скажите вашим товарищам, чтобы они не обижались на нас. Это не так важно».

Я спросил Тараки: «Признайтесь, неужели вы лично, навязав в 1346 году (1967 г.), будучи в меньшинстве, раскол в партии, думали таким образом добиться ее единства?» Он вспылил и заявил: «Вы, пожалуйста, не прибегайте к пропагандистским штучкам и не портите настроение друзей» (при этом он кивнул в сторону А.М.Шерзая). Затем, пишет С.Лайек, Тараки наговорил много пустого, вроде того, что его цель – устранить с позором нашу организацию, что он готовится политически убить и похоронить нас...

Далее, замечает С.Лайек, он несколько раз пытался безуспешно остановить Тараки и высказать свое мнение. Наконец, ему удалось это сделать и напомнить о предложениях, изложенных в специальной записке ЦК НДПА (Парчам) от 16 марта 1971 года. Отвечая на это, Тараки заключил: «Если вы официально признаете ЦК, избранный на I съезде партии, вы также должны признать, что с переходом к нам Панджшери и Шахпара большинство сейчас на нашей стороне. Естественно, каждый, кто признает программу, опубликованную в газете «Хальк», должен подчиняться этому большинству. Вы обязаны распустить свою организацию и влиться в мою... В случае, если вы не капитулируете, я усилю против вас борьбу и устраню с арены движения».

По свидетельству С.Лайека, Тараки в ходе беседы отверг право Б.Кармаля на членство в ЦК, поскольку он «перед расколом подал в отставку из ЦК партии». Однако в конце разговора добавил: «Я готов снова признать Бабрака Кармаля членом ЦК при условии, что ваша организация и он сам подчинитесь большинству, избранному на I съезде партии... Если же вы будете настаивать на своем большинстве, которое имели в момент раскола..., то мы будем считать Бабрака ушедшим в отставку».

Небезынтересной была позиция Н.М.Тараки по вопросу о членстве в ЦК партии Анахиты Ратебзад и Мир Акбара Хайбара, одного из создателей НДПА. Как писал С.Лайек, при упоминании им их имен он (Тараки) «не повел даже носом», сказав, что «вообще не считает их членами партии». Отказавшись далее

продолжать беседу, Тараки в заключение заявил своему собеседнику: «Я вас изолировал. Вы в Афганистане представляете слабую, оторванную от народа группу. И я никогда не соглашусь вести с вами переговоры как с равной силой». На этой ноте их встреча и беседа закончились.

На мой взгляд, заслуживают особого внимания не только содержание приведенной выше беседы, являющейся, безусловно, ценным историческим свидетельством, но и выводы, оценки и рекомендации, сделанные С.Лайком в его докладной записке Центральному комитету НДПА (Парчам). Вот что он писал, анализируя итоги своей встречи с Н.М.Тараки (приводится с незначительными сокращениями. – М.С.):

«Тараки не хочет единства. Он также решительно отвергает и союз. Под словом «единство», которое в последнее время стало очень популярным в рядах его сторонников, в действительности понимается ликвидация нашей организации. В этом отношении его точка зрения полностью совпадает с намерениями внутренней реакции и империализма и особенно правящих кругов Афганистана;

Тараки боится единства на принципиальной основе, так как понимает, что будет по праву осужден и что в случае единства не сможет реализовать свое желание быть лидером партии. Тараки не хочет ни принципиальности и ни принципиального единства;

Тараки в незатейливых и искусных выражениях излагает вопрос о ликвидации нашей организации. Когда его спрашивают о том, что он предлагает для достижения единства, он переходит на пушту и говорит собеседнику, что у него к последнему существует полное доверие и предлагает сотрудничать в деле разгрома «парчамизма»;

Тараки очень низкого мнения о силе, сплоченности и политической зрелости нашей организации;

Тараки своими фарисейскими манипуляциями по вопросу о единстве хочет снять с себя ответственность за раскол партии в 1346 году (1967 г.) и переложить ее на нас;

Тараки не мирится с тем, что остался в меньшинстве в 1346 году и с особой беззастенчивостью стремится выдать за большинство свою отколовшуюся группу;

Тараки отказывается признать, что накануне и после раскола партии распространял клеветнические и враждебные листовки, направленные против руководства и кадровых работников нашей организации;

Тараки категорически отрицает все совершенные им ошибки и проступки, а также взыскания, которые были вынесены ему во время функционирования единой партии;

Тараки сильно преувеличивает заслуги своей организации и свои собственные;

из беседы с Тараки можно сделать вывод о том, что он с целью получения каких-либо политических выгод способен принести в жертву недавних раскольников (речь, видимо, шла о Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпаре и др. – М.С.);

Тараки глубоко увлечен актами мести, злобной пропагандой и своими напыщенными, враждебными выпадами против нашей организации. Разговоры о единстве он использует как политический маневр, преследующий две цели: предотвратить взрыв в своих собственных рядах, страстно жаждущих единства, и вызвать сомнения, колебания и разложение в наших рядах».

Дав такую нелестную характеристику Н.М.Тараки, С.Лайк особо подчеркнул, что он (Тараки) «в своей организации уже почитается как живой «идол» и что «его взгляды и намерения относительно единства стали воистину настоящим фетишем». В связи с этим, советует С.Лайк, не следует обманывать себя и строить по данному поводу каких-либо иллюзий. Выход из создавшегося положения он видел в установлении непосредственных контактов с рядовыми членами Хальк и знакомлении их с «позицией и нечистоплотными намерениями Тараки» по вопросу восстановления единства.

Получив информацию С.Лайка о встрече с Н.М.Тараки и записку халькистов от 15 мая, руководство Парчам 3 июня в срочном порядке созвало пленум ЦК, который после их детального рассмотрения решил направить в адрес Хальк «Открытое письмо». [269] На сей раз оно начиналось необычным для традиций левых сил обращением «Господа руководители отколовшейся группы меньшинства!», а не «Уважаемые товарищи!», как это было в первых записках, что изначально уже должно было продемонстрировать негативное отношение к адресату. Пленум с сожалением констатировал, что в письме Хальк «отсутствуют не только какие-либо конструктивные предложения, но и даже малейшие намеки на добрую волю и политический разум». Отметив далее некорректность содержания халькистского письма (или, как было сказано, «клевету, лживые утверждения, грубое искажение фактов, оскорбления»), он сделал попытку найти и объяснить причину разногласий в НДПА. По мнению авторов «Открытого письма», они возникли еще до I (Учредительного) съезда партии и вытекали главным образом из различных оценок и трактовок в кругах левых сил «идеологических, политических и организационных проблем борьбы, уровня развития афганского общества, особенностей национальной, региональной и международной ситуации, теории и тактики демократического движения в стране, что вместе с поспешностью, фракционизмом, подстрекательством к заговорам и культом Н.М.Тараки стали серьезными факторами усиления противоречий и раскола».

Конечно, не со всеми этими суждениями можно безоговорочно согласиться, но тем не менее большая доля истины в них, несомненно, была. В письме были также рассмотрены многие детали и малоизвестные обстоятельства внутрипартийной борьбы в 1965-1967 годах и межфракционных баталлий в последующие годы. Причем весь анализ и оценки, исходившие от ЦК (Парчам), строились преимущественно под углом зрения доказать «вину и ответственность» Н.М.Тараки и его ближайшего окружения за раскол партии и нежелание восстановить ее единство, а также обосновать, в противовес утверждениям халькистов, что последние никогда в НДПА не представляли «большинства». «Открытое письмо» отличалось большей сдержанностью и корректностью, по сравнению с материалами халькистов, хотя в ряде его мест и парчамисты не избежали соблазна «крепкого» слова по адресу своих партийных соперников, в частности их лидера. ЦК НДПА (Парчам), заканчивая свое письмо, снова предложил халькистскому руководству сесть за стол переговоров и обсудить вопросы единства. «Нельзя терять время, – говорилось в письме, – ...Мы готовы обсудить вопросы союза и единства в любое время и в любом месте». К сожалению, этот призыв не был услышан другой стороной – халькистами. Да и не мог быть услышан, так как слепая нетерпимость

к позициям и действиям друг друга, амбициозность и высокомерие, бесконечные взаимные оскорбления и нагнетание страстей, – все это делало невозможным в то время поиск и достижение согласия между ними. Указанным письмом ЦК НДПА (Парчам) фактически завершился полугодовой обмен мнениями между двумя фракциями, не дав конкретных позитивных результатов по обсуждавшейся проблеме единства, кроме, пожалуй, выяснения и уточнения ими взглядов друг друга по многим вопросам теории и практики демократического движения в Афганистане. Курс на конфронтацию между фракциями не только не претерпел изменений, но и был еще более усилен.

В условиях фактического провала попыток найти пути к единству левodemократических сил лидеры Парчам в сентябре 1972 года, игнорируя крыло Хальк, выступили с инициативой создания «Объединенного фронта прогрессивных народно-демократических сил». В организационное ядро «фронта» вошли Б.Кармаль (Парчам), М.Х.Майвандваль (Партия прогрессивных демократов), Г.М.Фархад (Афган меллят), Ф.М.Федаи (Меллят), А.К.Фарзан (Садаи авам), А.Ратгебзад (Демократическая организация женщин Афганистана), а также представители Союза афганских учителей и Ассоциации студентов. Учредители «фронта» опубликовали в независимой газете «Рузгар» («Время») его устав и программу, основными положениями которой были провозглашены: защита принципов Конституции страны, борьба против внутренней и внешней реакции, поддержка Народной национальной партии Пакистана. Однако деятельность «фронта» так и не была развернута из-за имевшихся в рядах коалиции серьезных разногласий и, видимо, вмешательства со стороны правящих кругов. [270]

Некоторое время спустя после обмена письмами группировка Хальк вынесла выяснение отношений с Парчам на страницы открытой печати. В частности, 29 сентября 1971 года ЦК НДПА (Хальк) через газету «Рузгар», в которой накануне [271] было напечатано письмо Б.Кармаля с выражением благодарности известному индийскому общественному деятелю Джайпракашу Нараяну (сподвижнику М.Ганди и Дж. Неру) за приглашение посетить Индию, объявил, что «в Афганистане существует только одна партия под именем НДПА» и что «Бабрак не имеет чести представлять ее руководство». В этом же сообщении халькисты снова повторили свою известную формулу из двух пунктов по поводу достижения единства партии и формирования объединенного фронта, как-то: «все лица и группы, которые полностью согласны с программой НДПА и ее организационными и идеологическими принципами, должны присоединиться к НДПА на основе решений I съезда и признания избранного им ЦК; те же группы и силы, которые борются против феодализма и империализма, но в полной мере не приемлют идеологические и организационные принципы НДПА, могут объединиться вместе с нею в общий национально-демократический фронт». [272] Однако фракция Хальк не подкрепила данное обращение практическими шагами и контактами ни с Парчам, ни с другими левыми организациями, что скорее было свидетельством декларативности ее заявлений, чем показателем искренней заботы о сплочении левodemократических сил.

Еще одним, и во многом обособленным, эпизодом переговорного процесса по вопросу единства в рассматриваемый период явилась встреча лидеров двух крыльев НДПА – Б.Кармаля и Н.М.Тараки, состоявшаяся в октябре 1972 года. Следует заметить, что сам факт встречи был вызван к жизни не столько глубоким осознанием сторонами актуальности партийного единства, сколько настоятельными советами их зарубежных друзей. Но, как и следовало ожидать, встреча закончилась безрезультатно. Свою роль в этом сыграли непримиримость, амбициозность и личные политические расчеты указанных сторон, а также то, что перед ними пока еще не встал со всей неотвратимостью вопрос «быть или не быть» и, кроме того, не были до конца поняты и осознаны ими уже появившиеся признаки кризиса и поправления правящего режима, требовавшие объединения усилий демократической оппозиции.

Между тем внутри- и внешнеполитическая жизнь Афганистана (активизация деятельности ультраконсервативных и прозападных сил, усиление правых тенденций в политике режима, расширение афганопакстанского сотрудничества и ослабление поддержки зарубежных пуштунов, усиливавшееся вмешательство иностранных спецслужб во внутренние дела страны и т.д.) постоянно ставила перед демократической оппозицией проблему единства. Это нашло отражение на заседании ЦК (Парчам), состоявшемся 24 мая 1973 года. На нем единодушно была признана бесперспективность попыток достичь организационного единства или единства действий с халькистами и принято решение начать подготовку съезда с целью создания самостоятельной политической организации – «Партии трудящихся Афганистана» («Хэзбе захматкешане Афганестан»). Однако последовавшее вскоре свержение монархии помешало реализовать это решение.

Не были безучастны к проблеме единства и халькисты. В июне 1973 года (за 20 дней до государственного переворота), когда обострение противоречий в обществе и кризис монархии стали очевидными, они провели пленум своего ЦК. На нем в числе первоочередных была выдвинута задача создать демократический фронт, в котором бы объединились различные прогрессивные и национально-патриотические силы с целью борьбы за реализацию на практике демократических прав и свобод граждан, против нарушений законов и проведение страной независимой, нейтральной и антиимпериалистической внешней политики. Такая трактовка целей демократического фронта свидетельствовала об определенной эволюции взглядов халькистов, а также о признании ими, вопреки прежней позиции, необходимости сотрудничества с широким спектром социально-классовых и политических сил.

Итак, третий раунд контактов и переговоров между Хальк и Парчам не привел к каким-либо позитивным сдвигам в решении проблемы единства. Бурные события лета 1973 года они встретили не просто в состоянии разобщенности, но и, что главное, в атмосфере непримиримой враждебности друг к другу.

2.7. НДПА и военные. Борьба за армию

После окончания Второй мировой войны, в условиях усиливавшейся идеологической и политической конфронтации двух мировых систем Афганистан, как и вообще весь Ближний и Средний Восток, оказался в фокусе внимания Запада. В США в то время не скрывали, что их интерес к этой стране был вызван прежде всего ее стратегическим положением в непосредственной близости к СССР. «Одна из причин заинтересованности Америки в Афганистане, – писал в 1950 году в журнале «Каррент хистори» журналист Арнольд Флетчер, – это возможное значение этой страны в будущем в качестве плацдарма для нападения на Россию». [273] В соответствии с этими агрессивными расчетами, США в начале 50-х годов оказали экономическое, политическое и дипломатическое давление на Афганистан с тем, чтобы заставить его вступить в создававшийся в этом регионе военно-политический блок. Однако, следует отдать должное, правящие круги страны, проявив реализм в оценке такого рода устремлений Запада и угрозы свободе и независимости афганского государства, не поддались данному нажиму. Когда западные страны отказали Афганистану в ответ на его обращение предоставить военную помощь, не обусловленную никакими политическими уступками, афганское правительство, руководствуясь рекомендациями Большой джирги (ноябрь 1955 г.), [274] обратилось с такой просьбой к Советскому Союзу. Он пошел навстречу желанию своего южного соседа. Вскоре, с начала 60-х годов, основным источником военной помощи для Афганистана стали социалистические страны, главным образом СССР. Что касается капиталистических стран (США, Франция, АРЕ, Индия), то с ними в военной сфере был сохранен лишь один канал сотрудничества – подготовка в их учебных заведениях некоторой, крайне незначительной, части афганских офицерских кадров.

Использование Афганистаном для укрепления своей независимости и обороноспособности советской военной и военно-технической помощи открыло качественно новый этап в развитии его вооруженных сил и позволило в короткие сроки реорганизовать и модернизировать их. [275] В составе вооруженных сил были созданы совершенно новые для Афганистана военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны, бронетанковые, воздушнодесантные, артиллерийские, горнопехотные, инженерные и другие подразделения, части и соединения. Афганская армия получила на вооружение первоклассные по тому времени сверхзвуковые самолеты различного назначения, зенитные управляемые ракеты, мощные противотанковые средства, артиллерию разного калибра и назначения и эффективное стрелковое оружие, совершенную бронетанковую, автомобильную и другую технику. В результате осуществленных мер значительно повысилась боеспособность и боеготовность вооруженных сил Афганистана. Они стали надежным фактором защиты свободы, независимости и территориальной целостности страны.

В период монархического и даудовского (республиканского) режимов армия Афганистана состояла из сухопутных войск, военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны. Их общая численность, начиная с 60-х годов, поддерживалась приблизительно на одном уровне и составляла около 98 тысяч человек, в том числе сухопутных войск – около 90 тысяч, военно-воздушных сил и войск ПВО – около 8 тысяч. В соответствии с конституциями тех лет верховное командование вооруженными силами страны принадлежало королю, а после 1973 года – президенту республики. Руководство вооруженными силами они осуществляли через министра национальной обороны, который входил в состав правительства. Последнему подчинялись начальник Главного штаба и командующий ВВС и ПВО.

Основу вооруженных сил Афганистана составляли сухопутные войска, включавшие пехоту, бронетанковые войска, наземную и зенитную артиллерию, инженерные и транспортные части, части связи и различные тыловые службы и учреждения. Характерной особенностью развития сухопутных войск Афганистана явилась их моторизация и значительное усиление огневой мощи за счет оснащения современной техникой и вооружением. Основу сухопутных войск составила пехота, которая главенствовала по своей численности над другими родами войск.

Основным тактическим соединением сухопутных войск страны была пехотная дивизия, а их высшей организационной единицей – корпус. Всего в афганской армии в рассматриваемые годы имелось десять пехотных дивизий, из которых шесть были сведены в три корпуса – Центральный (в составе 7, 8 и 11 пд), Пактийский или Южный (12 и 25 пд) и Кандагарский (15 пд и 7 бронетанковая бригада). Отдельные пехотные дивизии дислоцировались в Газни (14 пд), Герате (17 пд), Мазари-Шарифе (18 пд) и Нахрине (20 пд). В боевой состав сухопутных войск, кроме того, входили две отдельные бронетанковые бригады (4 и 15 бр) и три горнопехотных полка, артиллерийские, инженерные, транспортные и другие соединения и части центрального подчинения, расположенные в основном в Кабуле и его окрестностях. Некоторые соединения и части были кадрированы, но в случае необходимости могли быть в короткие сроки отмобилизованы и доведены до полного штата.

Кроме того, имелся один усиленный полк гвардии, предназначенный для охраны резиденции главы государства и исполнения службы почетного караула при встрече государственных деятелей и высокопоставленных иностранных гостей.

Военно-воздушные силы представляли собой качественно новый вид вооруженных сил Афганистана. На вооружении ВВС в 60-70-х годах находилась авиационная техника различного назначения: реактивные истребители, сверхзвуковые истребители-бомбардировщики, реактивные бомбардировщики среднего радиуса действия, а также транспортные и учебные самолеты и вертолеты. В 1977 году в афганских ВВС и ПВО имелось около 250 боевых, транспортных и учебных самолетов и вертолетов, в том числе три бомбардировочные эскадрильи Ил-28 (30 самолетов), семь эскадрилий истребителей и истребителей-бомбардировщиков (50 самолетов МиГ-17, 12 – МиГ-19 и 24 – Су-7), три эскадрильи истребителей-перехватчиков МиГ-21 (36 самолетов), транспортный авиационный полк (25 самолетов Ил-14, 10 – Ан-2, около 20 вертолетов Ми-4 и Ми-8) и др. [276] Основной организационной единицей военно-воздушных сил являлся авиационный полк. Авиационные части базировались на следующих аэродромах: Кабульском, Баграмском, Шиндандском, Мазари-Шарифском и частично в зимние периоды на Джалалабадском.

Войска противовоздушной обороны, прикрывавшие столицу и важные промышленные и военные объекты страны, были подчинены командующему ВВС и ПВО и включали части зенитной артиллерии различных калибров, зенитных управляемых ракет, авиационные части, а также подразделения радиотехнических войск и служб.

Помимо регулярной армии, в Афганистане имелся еще ряд постоянных военизированных формирований: жандармские войска (21 тысяча человек), Трудовая армия (несколько десятков тысяч человек), полиция, а также вооруженное племенное ополчение (см. об этом в главе 1).

Жандармские войска комплектовались на основе Закона о всеобщей воинской повинности и рассматривались как часть вооруженных сил страны. Они находились в подчинении министерства внутренних дел и, исходя из решаемых задач, делились на пограничные – охрана государственных границ, и внутренние – охрана различных государственных объектов и мест заключения. Указанные войска организационно состояли из отдельных батальонов и полков. Непосредственное руководство этими войсками осуществлял командующий полицией и жандармерией, назначавшийся из числа генералов и старших офицеров армии (без исключения из кадров национальной обороны).

Трудовая армия была создана в Афганистане в 50-х годах с целью обеспечения нужд строившихся объектов госсектора в дешевой и организованной рабочей силе. Комплектуемая за счет призывного контингента, она широко использовалась на строительстве промышленных предприятий, ирригационных сооружений, дорог и т.п. Роль Трудовой армии в Афганистане, однако, не ограничивалась только этим. Она одновременно рассматривалась как дополнительная база для военного обучения призывных возрастов, как школа для подготовки нужных стране и армии квалифицированных рабочих по различным строительным и техническим специальностям, а также как отмобилизованный вооруженный резерв армии на случай чрезвычайных обстоятельств.

Численный состав Трудовой армии не был постоянным и колебался в зависимости от потребностей сооружавшихся в стране объектов в рабочей силе. О масштабах использования в Афганистане Трудовой армии можно судить хотя бы по такому примеру: только на строительстве Джалалабадской ирригационной системы (1960-1964 гг.) одновременно было занято около 10 тысяч солдат и большое количество офицеров и унтер-офицеров. В целом же по стране в некоторые годы ее численность доходила до 30-40 тысяч человек.

Трудовая армия подчинялась министерству общественных работ и организационно состояла из рот, батальонов и строительных частей («йуниги-кар») во главе с кадровыми офицерами, главным образом, выпускниками строительного и инженерного факультетов Военной технической академии и Высшего военного училища (Харби похантун). В случае необходимости командные кадры Трудовой армии укомплектовывались частично также за счет офицеров запаса и в отставке, призывавшихся на военную службу на время строительства крупных объектов. Непосредственное руководство частями Трудовой армии осуществлял ее командующий. Все строительные подразделения имели необходимое по штату количество стрелкового вооружения.

Еще одним резервом армии в Афганистане считалась полиция, подчиненная министерству внутренних дел. Она комплектовалась как путем набора добровольцев, так и на основе Закона о всеобщей воинской повинности за счет призывного контингента. Срок службы последних, как и рядового состава армии, составлял 2 года.

Комплектование вооруженных сил Афганистана рядовым составом осуществлялось на основе принятого в 1954 году Закона о всеобщей воинской повинности, а унтер-офицерским и офицерским составом – на добровольных началах после окончания ими специальных военных учебных заведений. В 60-е годы в связи с насыщением войск новой боевой техникой и вооружением и усложнением боевой подготовки армии значительно повысились требования к уровню общеобразовательной и военной подготовки унтер-офицерского состава. Поэтому с 1966 года по решению министерства национальной обороны в сержантские школы стали принимать только выпускников 9-х классов, преимущественно из провинций, где не было полных средних школ.

В соответствии с действовавшим в те годы законодательством, унтер-офицеры обязаны были прослужить на действительной военной службе в общевойсковых частях 12 лет, а в технических родах войск и ВВС – 16 лет, после чего имели право по своему желанию уволиться из армии или при наличии положительной характеристики продолжать службу до достижения установленного предельного возраста и выхода на пенсию. Они использовались в основном на должностях командиров отделений, орудийных расчетов и танковых экипажей, помощников командиров взводов, старшин подразделений, механиков-водителей, орудийных мастеров, механиков по ремонту техники и вооружения, бортмехаников, радиотелеграфистов, заведующих складами частей и т.п.

Подготовка офицерских кадров для сухопутных войск, жандармерии и частей Трудовой армии велась в Высшем военном училище (Харби похантун) и Военной технической академии, для ВВС и ПВО – в Военном авиационном училище, а для специальных служб полиции и жандармерии – в Кабульской полицейской академии. Кроме того, в рассматриваемый период в Афганистане функционировала Школа офицеров запаса, предназначенная для подготовки офицеров пехоты и артиллерии из числа выпускников гражданских высших учебных заведений. Срок обучения в ней составлял один год, первые шесть месяцев которого отводились на изучение общевойсковых и специальных дисциплин, а остальные – на прохождения стажировки в войсках в качестве командиров отделений, расчетов и помощников командиров взводов. После окончания стажировки и сдачи выпускных экзаменов они зачислялись в запас армии в звании младшего лейтенанта. Школа ежегодно готовила до 500 офицеров запаса. Довольно значительная часть офицеров проходила подготовку, переподготовку и усовершенствование за границей, главным образом в СССР. К началу 70-х годов почти каждый второй офицер получил образование или в Советском Союзе, или внутри страны под руководством советских военных специалистов.

Меры, предпринимавшиеся афганскими правящими кругами в 60-70-х годах по подготовке и переподготовке офицерских кадров, не могли не сказаться позитивно на уровне их знаний, на повышении их военной и специальной квалификации. В целом младшие и старшие офицеры значительно расширили свой общеобразовательный, военный и технический кругозор и во многом освободились от элементов прежнего невежества и узкого практицизма. Вместе с тем следует отметить, что, наряду с большим вниманием, уделявшемся подготовке офицеров младшего и среднего звеньев, в афганской армии почти ничего конструктивного не делалось для совершенствования подготовки ее генералитета, который, в своем подавляющем большинстве, довольствовался старым багажом знаний и далеко отставал от возросшего уровня знаний подчиненных им офицеров. Внутри страны не было каких-либо учебных заведений или даже курсов усовершенствования для высшего командного состава армии. И за рубеж на учебу они, как правило, не выезжали. В этом отчетливо проявились такие, присущие тогдашнему афганскому генералитету качества, как косность и пренебрежительное отношение к своему теоретическому росту. Отсюда не случайно, что в условиях монархического режима авторитет многих генералов Афганистана в глазах младших по званию был крайне низок. Их слабая военная и специальная подготовка стала поистине притчей во языцех, предметом постоянных язвительных насмешек со стороны младшего и старшего офицерского состава армии.

Кадровые офицеры использовались на различных должностях не только в вооруженных силах, но также и традиционно, без исключения из списков армии, с сохранением всех их армейских льгот и привилегий на некоторых наиболее важных государственных постах, в частности, в управлении сыскной полиции («рийасáти зáбти эхвалáт»), в управлениях полиции и жандармерии в центре и на местах, на должностях губернаторов некоторых провинций и даже начальников уездов, в управлении авиакомпании «Ариана», в ряде министерств (например, в министерствах общественных работ, связи, по делам племен) и т.д.

Афганская армия была по существу крестьянской. [277] Солдаты в своем подавляющем большинстве являлись выходцами из беднейших слоев крестьянства. Представителей рабочего класса среди солдатских масс ввиду его немногочисленности было крайне мало, да и те в соответствии с принятыми принципами комплектации армии, как и некоторые выходцы из среды ремесленников, имевших определенные технические навыки и знания, направлялись, как правило, на формирование подразделений технического обслуживания и специальных войск – инженерных, химических, связи, радиотехнических, автомобильных, дорожно-строительных, ремонтных и т.п.

Унтер-офицерский состав афганской армии в основной своей массе был представлен выходцами из средних слоев деревни и города: зажиточных крестьян, мелких торговцев, низших прослоек государственных служащих и интеллигенции, ремесленников, кустарей. Во второй половине 60-х годов, когда в процессе реорганизации и модернизации армии формировался костяк нового унтер-офицерского состава, династия активно привлекала в его ряды менее политизированную мелкобуржуазную молодежь из провинции.

Что касается офицерского корпуса, то его социальные характеристики претерпели значительные изменения в течение каких-то полутора десятилетий, предшествовавших государственному перевороту 1973 года. В указанное время кадры младших офицеров пополнялись в основном за счет выходцев из средних слоев, прежде всего мелкой (главным образом торговой) буржуазии, мелкого и среднего чиновничества и интеллигенции.

Афганская армия, как и сама страна, была многонациональной. При монархии и республиканском режиме М.Дауда, кроме пуштунов и таджиков, составлявших ядро вооруженных сил, в их составе имела значительная часть представителей национальных меньшинств: хазарейцев, узбеков, туркмен, чараймаков, нуристанцев, белуджей и др. В основу кадровой политики в армии в 60-70-х годах был положен принцип комплектования, как правило, однородных в национальном отношении частей и подразделений. При этом на долю национальных меньшинств выпадала в основном самая «черная» работа и менее престижная служба. К примеру, хазарейцы из года в год пополняли ряды Трудовой армии, строительных отрядов, подчиненных министерству национальной обороны, службу ремонта и обслуживания, персонал подсобных производственных предприятий и т.п. Зато служба в боевых частях (пехоты, бронетанковых войск, артиллерии, авиации и т.д.) являлась по преимуществу привилегией пуштунов и таджиков.

Офицерский и унтер-офицерский состав армии формировался в основном за счет численно преобладавших в стране национальностей – пуштунов и таджиков. Вместе с тем афганские правящие круги, стремясь укрепить свое влияние среди национальных меньшинств и подорвать их антипуштунские настроения, привлекали в ряды офицеров и унтер-офицеров и определенное количество представителей указанных меньшинств, главным образом из числа их влиятельной и экономически состоятельной верхушки. Однако удел этих армейских кадров ограничивался, как правило, невысокими постами в нестроевых частях и во вспомогательных службах, а воинские звания редко превышали звание подполковника. Что касается генералитета, то он был представлен в основном пуштунами, реже таджиками и еще реже, больше как исключение, представителями национальных меньшинств. Последние, когда это и случалось, были исключительно выходцами из элитарных слоев и классов.

По религиозной принадлежности основную массу личного состава вооруженных сил составляли мусульмане-сунниты и меньшую часть мусульмане-шииты и мусульманские сектанты.

В условиях обострения социальных противоречий и нарастания политической борьбы в обществе династия и связанная с нею военная элита уделяли самое пристальное внимание политико-идеологическому и морально-психологическому аспектам подготовки личного состава вооруженных сил. Усилия в этом направлении приобрели особенно активный характер начиная с первой половины 60-х годов, когда в Афганистане на арене политической борьбы появились оппозиционные демократические течения и группировки, выдвинувшие требования радикальных общественных преобразований. Именно в эти годы был значительно укреплен идеологический аппарат армии (в частности, в структуре Главного штаба был существенно расширен и укреплен кадрами Отдел морали и дисциплины), повышена персональная ответст-

венность командиров и начальников всех степеней за воспитание своих подчиненных, введен обязательный для всех категорий военнослужащих курс политических занятий, разработаны и приняты новые программы так называемой «моральной подготовки», в которых одно из основных мест заняли темы, призванные нейтрализовать воздействие на личный состав левых идей и взглядов; армейские печатные органы («Ды Урду Маджалла», «Ды Зерма Маджалла» и «Харби похантун») стали отводить многие страницы публикациям по политико-идеологическим вопросам; массовым тиражом начали издаваться для нужд армии различные пропагандистские пособия и материалы и т.д. Решая все эти вопросы, афганское командование широко использовало опыт идеологической подготовки других армий, в частности турецкой и американской.

Меры идеологического и морально-психологического воздействия на личный состав преследовали цель создать в лице армии политически надежную военную опору, способную защитить конституционно-монархический строй и существовавшие социальные устои. В официальной армейской пропаганде эту функцию армии было принято формулировать как «борьбу против внутренних беспорядков» и относить к числу «самых важных задач» вооруженных сил страны. [278] Кроме того, в подготовке афганских военнослужащих никогда не снимался и вопрос воспитания их готовности к защите свободы, национальной независимости и территориальной целостности страны.

Содержание идеологической подготовки афганской королевской армии полностью определялось ее назначением и природой. В основу этой подготовки были положены: исламская идеология, идеи монархизма и национализма, воспитание любви к родине и независимости, пропаганда «особого национального духа афганцев» («афганият»), их обычаев и традиций, геополитика, пропаганда антиколониализма и антикоммунизма. Надо отметить, что в рассматриваемые годы в армии антиамериканская пропаганда не велась. Наоборот, влиятельные военные деятели страны (например, генерал Абдурраззак Майванд), рассматривая мировые события через призму геополитических интересов, тратили немало усилий на то, чтобы представить США в качестве страны, «вынужденно защищающейся от коммунизма», который-де является «самым опасным врагом процветающей американской жизни». [279]

В результате проводившейся в условиях монархии идеологической подготовки, мер морально-психологического и дисциплинарного воздействия сложились определенные черты морального облика личного состава вооруженных сил Афганистана, характеризовавшиеся религиозностью, приверженностью национальным обычаям и традициям, националистическими и шовинистическими предрассудками. До 60-х годов господствовавшей верхушке удавалось поддерживать среди значительной части афганских военнослужащих поклонение и верность монарху, а также и представление о прогрессивности династии. Все это позволяло правящим кругам до поры до времени держать армию в повиновении, обеспечивать с ее помощью свое господство и подавлять любые проявления социально-классового и национального недовольства и межплеменные конфликты в стране. Примерами этого может служить использование армии в апреле-мае 1957 года для подавления волнений крестьян в Гератской провинции, в августе 1959 года – для расправы с мятежным духовенством в Кандагаре, в октябре 1965 года – для прекращения студенческих волнений в Кабуле, в 1968-1969 годах – для умиротворения племен мангал и джаджи, в 1969 году – для разгона похода безработных из северных районов страны в столицу, требовавших работы, хлеба и крова, а в 1970 году – для локализации и ликвидации антиправительственных выступлений в Кабуле, Джалалабаде и Мазари-Шарифе.

Не проходила бесследно и антикоммунистическая пропаганда. Среди определенной части личного состава афганской армии усилиями ее военного руководства создавалось и поддерживалось сугубо негативное, стереотипное, заимствованное из западной пропаганды представление о социализме, коммунистической идеологии, а также деятельности радикально настроенных оппозиционных элементов внутри страны. Этому в значительной степени благоприятствовали и политическая незрелость подавляющей массы личного состава армии, и ограниченность в распоряжении афганских военнослужащих достоверной информации по указанным выше вопросам. Антикоммунистические взгляды, порой самого примитивного содержания, можно было встретить не только среди неграмотных солдатских масс, но и среди части офицерства.

Однако такой моральный дух армии, базировавшийся больше на чувствах и эмоциях, чем на сознании не мог быть длительным и устойчивым. Уже к середине 60-х годов правительственные идеологические программы стали утрачивать свое воздействие на личный состав вооруженных сил. Примечательными явлениями Афганистана этого времени явились нараставшие год от года политизация армейских кадров, углубление размежевания в их среде по политическому признаку и установление тесных связей между военной и гражданской оппозициями режиму. Особенно это было характерно для молодых офицеров и унтер-офицеров, происходивших преимущественно из мелкобуржуазных слоев города и деревни, низших и средних прослоек интеллигенции и чиновничества.

Политизация афганской армии, а затем и ее выход на арену открытой политической борьбы были неразрывно связаны с теми процессами, которые развивались в стране во второй половине XX в. в условиях ее мучительной национально-буржуазной эволюции и развертывавшегося в обществе оппозиционного движения. Содержание этих процессов составлял целый ряд факторов и прежде всего усиление социальных и политических противоречий в обществе и пороки политической и экономической системы страны – ее вековая отсталость, нерешенность аграрного вопроса, нищенское положение подавляющего большинства населения, произвол и беззаконие властей сверху донизу, политическое бесправие широких народных масс, отчетливо наблюдавшееся на фоне декларированных в конституции 1964 года прав и свобод, острые национальные противоречия и религиозная рознь и пр.

Наряду с этим, были и другие, чисто внутренние, так сказать, армейские, факторы, обусловившие и ускорившие процессы революционирования афганской армии и политическое расслоение ее кадров. Среди данных факторов, прежде всего, следует назвать изменение социальных характеристик офицерско-

го корпуса Афганистана, особенно его младшего и среднего звеньев, происшедшее в афганской армии в 60-х годах в связи с осуществлением планов ее широкой реорганизации и технической модернизации.

Необходимо отметить, что еще во второй половине 50-х годов офицерский корпус Афганистана был представлен в основном выходцами из традиционных аристократических кругов. Офицеры-разночинцы в армейской среде составляли тогда незначительное меньшинство. В этих условиях династия, сохраняя монополию придворной аристократии и знати на офицерский корпус, полностью контролировала армию и обеспечивала в ее лице надежную себе классовую опору. Однако на рубеже 50-х и 60-х годов такое положение стало меняться коренным образом. И было это связано с тем, что правящие круги страны, предпринимая широкомасштабные меры по укреплению обороны Афганистана, столкнулись с необходимостью значительно увеличить в армии численность офицерского и унтер-офицерского состава. В соответствии с новой организационно-штатной структурой афганской армии, принятой в 1962 году, только молодых офицеров потребовалось несколько тысяч человек для укомплектования командных, штабных, инженерно-технических и других должностей. Для монархии это была далеко не легкая задача, если иметь в виду почти поголовную неграмотность населения страны и ее (монархии) желание во что бы то ни стало сохранить прежний, строго классовый отбор кадров офицеров.

Однако правящие круги уже не располагали достаточными возможностями, чтобы дать в армию из своих рядов такое количество молодых образованных людей как из-за своей численной ограниченности, так и, главное, в результате установившихся в то время среди элиты представлений о непрестижности военной карьеры. В условиях тогдашней афганской действительности только средние слои города и деревни являлись почти единственным и довольно емким, по масштабам Афганистана, резервом образованных юношей, удовлетворяющих потребностям армии. Впрочем, и в данной социальной среде армейская служба в целом не пользовалась большой популярностью.

Принимая во внимание указанные выше обстоятельства, правящая верхушка вынуждена была впервые после окончания Второй мировой войны прибегнуть к принудительному набору выпускников и старшеклассников средних общеобразовательных школ с целью ускоренной подготовки из их числа офицерских и унтер-офицерских кадров. В итоге в 60-70-х годах в афганской армии значительно увеличилось представительство средних социальных слоев. С этого времени типичной чертой афганского офицерства стало его отчетливое разделение на две социальные группы: представителей аристократии, непосредственно связанной с правящими кругами, и выходцев из средних слоев, глубоко недовольных своим социальным положением и самим фактом своего принудительного рекрутирования в армию.

Значительное увеличение представительства средних социальных слоев в офицерском составе имело важные политические последствия для афганской армии. Это нашло выражение в том, что в армейскую среду проникли и начали усиленно культивироваться характерные для средних слоев Афганистана того времени идеи вольнодумства и радикализма, критика общественных устоев, неприязнь к господствующей верхушке, сомнения в справедливости существовавших порядков.

Во-вторых, оснащение армии новой боевой техникой и вооружением поставило вопрос о необходимости коренной переподготовки офицерских кадров и подготовки новых категорий совершенно новых для Афганистана военных специалистов. Однако сделать это внутри страны не представлялось возможным из-за отсутствия нужной, да к тому же дорогостоящей, учебно-материальной базы, а также подготовленных и опытных педагогических кадров. Поэтому ежегодно сотни молодых офицеров и унтер-офицеров стали направляться на учебу за рубеж, в социалистические, развивающиеся и капиталистические страны.

Учеба и жизнь за границей позволили им невольно сравнить увиденное здесь с условиями своей страны, остро почувствовать ее технико-экономическую и общественно-политическую отсталость и вместе с тем прийти к осознанию настоятельной необходимости радикальных перемен в жизни своего народа. Часть молодых офицеров потянулась к изучению передовых идейных взглядов, пытаясь на их основе осмыслить проблемы развития своей страны и найти свое место в политической борьбе за переустройство общества. Некоторые из них, будучи за границей, начали обращаться к изучению и практическому заимствованию конкретного опыта участия армейского офицерства в ряде стран Востока в борьбе за национальное и социальное освобождение. Особенно им импонировал пример тайной египетской организации «Свободные офицеры» во главе с Гамаль Абдель Насером, тщательно подготовившей и блестяще осуществившей в 1952 году военный переворот. Афганским офицерам-разночинцам, по их признанию, наиболее близкими, понятными и поучительными представлялись прежде всего антимонархические, антифеодальные и антиимпериалистические аспекты в деятельности указанной организации. [280]

Пребывание афганских офицеров за границей имело и еще один, неизбежный результат для эволюции их политических взглядов. Жизнь за рубежом, прежде всего в социалистических странах, и личные наблюдения убеждали многих из них в лживости и преднамеренности антикоммунистического, антисоветского и других аспектов официальной пропаганды. На этой почве среди молодых офицеров-разночинцев росло недоверие к власти имущим и неприятие их политико-идеологических доктрин.

В-третьих, усилению процесса политизации молодых офицеров афганской армии и росту в их рядах антидинастийных взглядов и настроений способствовала также и принятая при монархии кадровая политика. В соответствии с ней на высокие командные и руководящие посты в войсках и центральном армейском аппарате выдвигались преимущественно представители крупных землевладельцев-малеков и торговцев, родоплеменной знати, влиятельного высшего чиновничества и духовенства. Что касается выходцев из средних социальных слоев и национальных меньшинств, то они находились, как правило, на низших ступенях армейской иерархии и имели крайне мало шансов занять в будущем какие-либо ответственные и высокие посты в армии, а в звании подняться выше звания полковника. Особой дискриминации в вопросах назначения на высокие и престижные посты подвергались те офицеры-разночинцы, которые получили образование в СССР и других социалистических странах. Хотя они и отличались высокой профессиональной подготовкой, однако правящая верхушка, не питая доверия к ним, всячески тормозила и сдерживала

их продвижение по служебной лестнице. Зато быструю армейскую карьеру делали те, кто проходил подготовку в Турции, США, Франции, Англии и обладали связями в кругах господствовавшей элиты, хотя их профессиональный уровень и был, как правило, гораздо ниже по сравнению с выпускниками советских вузов.

В такой обстановке данная, многочисленная по своему составу, группа офицеров стала понимать на основе личного опыта не только саму бесперспективность своей военной карьеры, но и социальные и политические корни этой бесперспективности, что не могло не вызывать в их среде настроений недовольства своим положением и критику несправедливости устоев власти.

В-четвертых, «новые» офицеры, призванные в ряды вооруженных сил в процессе их реорганизации и модернизации, направлялись преимущественно на укомплектование вновь формирувавшихся подразделений, частей и соединений – танковых, артиллерийских, ВВС и ПВО, инженерных, парашютно-десантных, связи и др. Таким образом в руках этой категории офицеров оказались наиболее мобильные, боеспособные и оснащенные современной техникой подразделения, к тому же дислоцированные, главным образом, в столице и ее окрестностях. Все это, вместе взятое, не могло не содействовать в будущем успеху их вооруженного выступления. Кроме того, большая концентрация «новых» офицеров в частях столичного гарнизона облегчала их контакты между собой и с политически активными кругами кабульской общественности, создавала благоприятные условия для организационного оформления их рядов.

В-пятых, хотя денежное содержание офицерского состава и было наиболее высоким по сравнению с другими государственными служащими и он пользовался многими материальными льготами и привилегиями, однако все это в 60-начале 70-х годов являлось недостаточным для обеспечения нужд офицерских, как правило, многодетных семей. Материальные затруднения порождали среди основной массы офицеров и унтер-офицеров настроения недовольности и недовольства своим положением. Правящие круги страны, стремясь ослабить указанное недовольство, несколько раз прибегали к увеличению денежного содержания офицерского и унтер-офицерского состава. Однако это не внесло каких-либо существенных изменений в материальные условия жизни упомянутых категорий военнослужащих из-за постоянно растущей дороговизны на продукты питания и предметы первой необходимости.

В-шестых, свою лепту в политизацию афганской армии вносили выпускники Кабульского университета и других высших учебных заведений страны, которые согласно Закону о всеобщей воинской повинности обязаны были в течение года проходить военное обучение в Школе офицеров запаса [281] и стажировку в войсках на унтер-офицерских и офицерских должностях. Они приносили в армейскую среду настроения недовольства существовавшим положением, недоверие к властям, дух вольнодумства и бунтарства, ставшие особенно характерными для довольно значительной части афганской студенческой молодежи во второй половине 60-начале 70-х годов. Они нередко становились в центре политических споров и дискуссий, происходивших в эти годы в среде офицеров и унтер-офицеров афганской армии. При этом, не будучи профессиональными военными, они меньше всего чувствовали себя связанными требованиями присяги и воинской дисциплины и поэтому их политические суждения, как правило, отличались смелостью, радикализмом и бескомпромиссностью.

В-седьмых, афганское офицерство и унтер-офицерство всегда волновала пуштунская проблема. Борьба за ее решение приобрела, как известно, особенно активный и острый характер в 1953-1963 годах, во время пребывания у власти премьера Мухаммада Дауда. Именно в эти годы среди большей части офицерского состава глубоко укоренились взгляды о необходимости разрешения указанной проблемы насильственными методами, а конкретнее – путем развертывания партизанской войны в зоне расселения зарубежных пуштунов. Однако после 1963 года пуштунская проблема в политике афганских правительств отошла на второй план, что вызвало широкое недовольство в армейских кругах страны. Это недовольство особенно усилилось в конце 1971 года, в период событий в Восточном Пакистане и вооруженного конфликта между Пакистаном и Индией. Дело в том, что националистически настроенные офицеры под грузом прежних взглядов по поводу решения пуштунской проблемы сочли сложившуюся в регионе обстановку крайне благоприятной для осуществления планов освобождения Пуштунистана и надеялись на соответствующие меры со стороны династии. Однако этого не произошло, что было расценено указанными афганскими офицерами, как предательство интересов афганской нации и в конечном итоге привело к укреплению в их среде антидинастийных настроений.

В-восьмых, огромное воздействие на умы передовой части афганского офицерства и унтер-офицерства оказывали социалистические идеи и борьба прогрессивных, национально-демократических сил в странах «третьего мира» за национальное и социальное освобождение. По влиянию названных факторов особенно быстро в Афганистане политизировались те военнослужащие, которые проходили подготовку в социалистических и развивающихся странах. Вернувшись на родину, они стали источником правдивой информации о происходивших в этих странах событиях и переменах и активными проводниками революционно-демократических идей в армии.

В-девятых, афганское офицерство всегда чувствовало и близко (хотя и далеко не однозначно, что касается его различных представителей) воспринимало развертывавшуюся в обществе классовую и политическую борьбу. Прямым следствием этого явились втягивание определенной части офицеров и унтер-офицеров в водоворот общественных движений и приобщение их к «политике», несмотря на официальные категорические запреты заниматься ею. Это неизбежно приводило к появлению в армейской среде различных течений и группировок, придерживавшихся тех или иных политических взглядов. Уже к середине 60-х годов среди них отчетливо выделялись: приверженцы конституционно-монархического строя; последователи крайне правых клерикальных кругов, выступавших за установление в стране теократической формы правления и возврата к средневековым порядкам; сторонники буржуазно-демократических преобразований в духе «мусульманского социализма» с ориентацией на страны капиталистического Запада; и, наконец, группировка леворадикальных элементов, придерживавшихся взглядов по глубокому переуст-

роюству общества на национально-демократических началах. [282]

Переход последних на позиции отрицания монархической системы и осознание ими практической необходимости установления в стране справедливых общественных порядков происходили особенно быстро начиная с 60-х годов и были тесно связаны с подобными процессами, имевшими место среди гражданской интеллигенции, а порой и опережали их. Передовая часть афганского офицерства к этому времени уже приходит к убеждению, что изменить существовавшее положение в стране можно лишь с помощью политической организации, которая взяла бы на себя сплочение национально-патриотических сил и руководило ими в борьбе против антинародного режима. Среди них были и молодые офицеры, группировавшиеся вокруг Мир Акбара Хайбара и при его непосредственном участии приобщавшиеся к изучению основ политических знаний.

Здесь уместно привести некоторые анкетные данные и личные качества этого незаурядного человека, много сделавшего для распространения левodemократических идей и взглядов среди прогрессивной афганской общественности и особенно для становления и руководства подпольной организации в вооруженных силах страны. М.А.Хайбар стал хорошо известен, прежде всего в армейской среде и в кругах студенческой молодежи, не только благодаря своим глубоким политическим знаниям и активному участию в их популяризации, но и своему непримиримому отношению к монархическому режиму. Его отличали глубокая идейная убежденность, трудолюбие и целеустремленность, скромность и простота в жизни, отсутствие какой-либо позы и дутого самомнения в отношениях с окружающими и соратниками по борьбе. Глубоко символично, что друзья любовно называли его «остад» (мастер, учитель). Это обращение и стало его подпольной партийной кличкой. [283]

М.А.Хайбар родился в 1925 году в провинции Логар (к югу от Кабула) в бедной крестьянской семье и с детства познал нужду, тяготы и лишения жизни. Это его социальное происхождение, наряду с другими личными качествами, значительно содействовало росту его авторитета и популярности среди прогрессивных кругов, особенно тех, кто происходил из социальных низов. Среднее образование он получил в Военном лицее. В 1947 году окончил пехотный факультет Военного училища в Кабуле и в звании лейтенанта был назначен преподавателем Полицейской академии. Через три года, в 1950 году, был арестован по подозрению в нелояльности к режиму и приговорен к шести годам тюремного заключения. Одновременно монархия жестоко расправилась с его семьей. Будучи в тюрьме, он встретился и близко познакомился с другим политическим заключенным – Бабраком Кармалем. Состоявшиеся между ними в тюремных казематах обмен мнениями и взглядами, обсуждение многих вопросов теории и практики революционной борьбы, в том числе и будущего Афганистана, стали для них важной политической школой.

После выхода на свободу в 1956 году М.А.Хайбар в течение почти десяти лет преподавал английский язык в Полицейской академии и одновременно проводил большую нелегальную пропагандистскую работу среди военной и гражданской интеллигенции, поддерживая при этом постоянные связи с Б.Кармалем и другими деятелями национально-демократического движения. В 1963 году М.А.Хайбар, вместе с М.Г.М.Губаром, А.М.Зохма, Н.М.Тараки, Б.Кармалем и другими, вошел в инициативную группу по подготовке создания политической партии. Хотя М.А.Хайбар по соображениям личной безопасности (как военный) не присутствовал на I Учредительном съезде НДПА, однако в знак признания его заслуг перед партией его место в зале заседания съезда символически обозначал специально поставленный стул. Некоторое время спустя за причастность к антиправительственному выступлению кабульского студенчества и представителей городских низов в октябре 1965 года он был сослан в Пактию, где провел два года. В 1967 году в связи с окончанием установленного афганским военным законодательством обязательного 15-летнего срока службы для кадровых офицеров он вышел в отставку в звании капитана и полностью посвятил себя деятельности профессионального революционера. [284]

В последующие годы он, являясь одним из лидеров НДПА (с 1967 года – член ЦК НДПА-Парчам), отвечал за организацию политической работы в вооруженных силах, а также среди рабочих столичных промышленных предприятий, где приобрел популярность как организатор первых касс взаимопомощи – прообразов будущих профсоюзов. М.А.Хайбар проводил большую разъяснительную работу среди студенческой молодежи в учебных заведениях Кабула, в частности в Кабульском политехническом институте, где нелегально читал лекции по основам философии и научного коммунизма.

Вернемся к деятельности молодой армейской оппозиции. Одними из первых своими мыслями и соображениями относительно создания тайной организации в армии поделились с М.А.Хайбаром в январе 1963 года младший лейтенант полиции Абдул Самад Азхар, за несколько месяцев до этого возвратившийся из Египта после учебы, и курсант Высшего военного училища Забиулла Зиармаль. [285] Следует заметить, что первоначально их представления об «организации» были еще довольно расплывчатыми и не конкретными. В частности, под «организацией» они понимали не что иное как общенациональную партию, куда входили бы и военные.

М.А.Хайбар высказал им полную поддержку и одобрил их предложение о встрече с Б.Кармалем для обсуждения данной проблемы. И вскоре, в конце января 1963 года, такая встреча состоялась в доме Б.Кармаля, который он снимал в районе Сарайи Газни (на западной окраине Кабула). На ней, кроме Б.Кармаля, присутствовали М.А.Хайбар, М.Барьялай (брат Б.Кармаля), А.С.Азхар и З.Зиармаль. В ходе беседы обсуждались вопросы о необходимости создания партии и ее характере, пути и способы привлечения в ее ряды прогрессивно настроенной молодежи и интеллигенции и меры по установлению связей с известными в стране и политически активными оппозиционными кругами (в частности, с семьей и соратниками Абдурахмана Махмуди и др.). На этой встрече пока еще не был поставлен и конкретно не обсуждался вопрос о создании тайной армейской организации. Стороны условились, что указанные военные в дальнейшем по всем интересующим их вопросам, соблюдая строжайшие меры конспирации, будут поддерживать связь с Б.Кармалем через М.А.Хайбара. Этому вполне благоприятствовала совместная работа М.А.Хайбара и А.С.Азхара в Полицейской академии, где первый, как уже указывалось, являлся пре-

подавателем английского языка, а второй – заместителем начальника учебного отдела и преподавателем криминалистики.

В рассматриваемый период в политической жизни Афганистана произошли существенные перемены. После ухода в отставку кабинета М.Дауда в марте 1963 года новое правительство М.Юсуфа пообещало внести определенные изменения в систему государственного управления. Данные маневры двора, призванные укрепить его позиции в стране, посеяли среди некоторой части политически активной афганской оппозиции иллюзии относительно возможности демократизации режима «сверху». Следствием этого явилось дальнейшее расслоение в ее рядах: одни стали возлагать надежды на правительство М.Юсуфа и отдавать ему свою поддержку, другие же, наоборот, не веря в радикализм нового кабинета, посчитали обстановку благоприятной для форсирования усилий по созданию политической организации.

Смена кабинета усилила также и брожение в армии. Это проявилось прежде всего в обострении борьбы между сторонниками М.Дауда, с одной стороны, и их противниками, группировавшимися вокруг маршала Шах Вали и его сына Абдул Вали, – с другой. Развернувшаяся борьба в связанных с династией армейских верхах не могла не отразиться на умонастроениях и поведении леворадикальных элементов в армии и не подтолкнуть их к активным действиям.

В апреле 1964 года группа молодых военных, в которую вошли, кроме А.С.Азхара и З.Зиармаля, Миркульхак Катра и Алем Висаль, [286] учитывая наметившуюся перспективу создания партии, пришли к решению незамедлительно приступить к формированию подпольной военной организации. Несколько позже к ним присоединились курсанты 3 курса факультета зенитной артиллерии Высшего военного училища Абдул Латиф Альзаф и Азизуррахман. Возглавил группу А.С.Азхар. Они договорились вплоть до завершения создания военной организации, по соображениям конспирации, никого из гражданских лиц, без каких-либо исключений, не ставить об этом в известность и одновременно без промедлений развернуть работу по выявлению в вооруженных силах сторонников и единомышленников, руководствуясь следующими требованиями: работу по созданию военной организации вести в глубочайшей тайне, соблюдая все меры предосторожности; моменту приема в организацию должна предшествовать кропотливая работа по изучению деловых, политических и личных качеств тех военнослужащих, которые проявляют интерес и симпатии к оппозиционным антимонархическим кругам и уже сами приходят к осознанию необходимости создания подпольной организации; на первых порах, чтобы избежать каких-либо провалов, привлекать в организацию своих родственников, земляков, соплеменников, соседей, коллег по службе, знакомых и т.п.

Проведя необходимую подготовительную работу, члены упомянутой выше группы 26 сомболя 1343 года (17 сентября 1964 года) собрались в парке дворца Дар-уль-Аман (западная окраина Кабула) на свое заключительное организационное собрание. На нем участники собрания без каких-либо дискуссий, так как все вопросы, связанные с организацией, были ими уже обсуждены и согласованы в предварительном порядке, приняли окончательное решение о создании тайной военной организации под названием «Армейская революционная организация» (АРО) и утвердили ее организационные, политические и идеологические принципы, а также ее руководящее ядро (в него вошли все участники собрания). Руководителем АРО путем тайного голосования единогласно был избран А.С.Азхар, а его заместителем – З.Зиармал. Собрание признало необходимым в самое ближайшее время разработать, обсудить и принять основные документы АРО – программу, устав и цели организации, [287] а также поручило руководителю АРО и его заместителю связаться с инициативной группой по созданию партии трудящихся Афганистана и известить ее об образовании Армейской революционной организации. Вскоре руководящее ядро АРО на своих встречах, проводившихся еженедельно по пятницам или четвергам, детально обсудило проекты указанных документов и единогласно приняло их. Чтобы исключить их возможную утрату и связанное с этим раскрытие организации, каждый из этих документов был исполнен в одном экземпляре и передан на хранение руководителю АРО.

После создания организации были упорядочены и заметно сокращены связи ее членов с политически активными гражданскими оппозиционными кругами, чтобы избежать подозрений со стороны властей. Вместе с тем, А.С.Азхар продолжал регулярно поддерживать контакты с М.А.Хайбаром, получая от него необходимую информацию о ходе подготовки к учредительному съезду партии.

В принятых АРО документах содержалась оценка международной и внутривнутриполитической обстановки, анализ расстановки классовых и политических сил в стране, обоснована насущная необходимость создания тайной организации в армии [288] и определено ее место и роль в революционной борьбе, а также изложены цели и задачи и организационные принципы построения АРО. [289]

В документах АРО (Программе и Целях организации) была выдвинута задача «свержения экономического и политического господства врагов обездоленных и угнетенных трудящихся масс» страны путем всесторонней и глубоко законспирированной «подготовки и осуществления вооруженного восстания». Предусматривалось, что в «революционном движении народа Афганистана» примут участие «рабочие, крестьяне, передовая гражданская и военная интеллигенция, мелкобуржуазные слои и национальная буржуазия». При этом решающая роль в победе указанных сил отводилась армии, которая, по замыслам авторов рассматриваемых документов, должна быть путем развертывания в ее рядах кропотливой политической работы «превращена из оплота антинародного режима в мощный оплот революционного движения народных масс Афганистана». В качестве ближайшей цели на первом этапе революции ставилась задача создания национально-демократического правительства, которое ориентировалось бы на некапиталистическое развитие страны, а в качестве конечной цели – задача построения социалистического общества. [290]

Создатели АРО на основе учета и взвешенной оценки социально-классовых, политических и профессиональных характеристик различных категорий военнослужащих афганской армии – рядовых, унтер-офицеров и офицеров – пришли к выводу, что «основным объектом их внимания», костяком тайной организации, ее активной силой в условиях афганской действительности 60-х годов XX в. могли быть только

офицеры и унтер-офицеры ввиду их длительного пребывания на военной службе (минимум 15 лет), грамотности и отсюда готовности понять и воспринять революционно-демократические идеи и взгляды, а также из-за своего определяющего места и роли в механизме функционирования различных звеньев армейского аппарата. Что касается солдатских масс, то они, как сказано в документе «Цели организации», «не могли на данном этапе борьбы стать объектом внимания организации» ввиду как их непродолжительного срока пребывания на военной службе (2 года), так и поголовной неграмотности и политической отсталости. Вместе с тем не исключалось, что при определенных условиях рядовой состав, представленный в своем подавляющем большинстве выходцами из беднейшего крестьянства и городских низов и испытывающий на себе гнет абсолютизма, нищету и лишения, может составить «основной элемент вооруженного восстания».

Армейская революционная организация, по замыслу ее организаторов, изложенному в Уставе АРО, являлась «добровольным союзом передовых борцов армии Афганистана», «авангардом революционеров в армии». Членство в АРО обуславливалось согласием с программой и уставом организации и борьбой за осуществление ее целей, верностью интересам народа Афганистана, активным участием в деятельности одного из звеньев организации и уплатой вступительного и членских взносов. Предусматривалось, что прием в организацию будет проводиться исключительно в индивидуальном порядке через ячейку, по рекомендации одного из ее членов и с согласия руководства АРО. Устав АРО определял также требования к личным, деловым и политическим качествам вступающего, права и обязанности члена организации, меры поощрения и взыскания.

В основу организационного строения и деятельности АРО были положены следующие принципы: «товарищеское доверие членов организации друг к другу во всех сферах ее жизни и деятельности; строгое соблюдение дисциплины и выполнение решений и указаний организации; назначение нижестоящих органов вышестоящими; свободное высказывание предложений и участие в обсуждении поставленных вопросов; подчинение меньшинства большинству». [291] Низшее звено АРО, ее основу, составляли ячейки, включавшие, как правило, до трех человек (в случае острой необходимости допускалось также создание ячейки в составе четырех человек). В целях конспирации члены ячейки не имели связи с вышестоящим звеном АРО. Поддержание такой связи возлагалось на секретаря ячейки или на связного, если он назначался. Какой-либо связи между «тройками» или «четверками» даже в рамках одного учреждения или подразделения не существовало.

Нельзя не заметить, что в документах АРО, наряду с бесспорными установками, содержались и явно ошибочные трактовки. В частности, в них делался вывод о том, что будто бы в условиях Афганистана 60-х годов «рабочий класс играет главную роль и составляет основную силу революции», [292] хотя, как уже подчеркивалось, рабочий класс этой страны в указанные годы находился еще в стадии формирования и практически не был готов к выполнению данной роли.

АРО была одной из первых тайных левых организаций, созданных в афганской армии в первой половине 60-х годов. Впоследствии с созданием Народно-демократической партии Афганистана АРО вошла в ее состав. Вопрос о признании АРО в качестве армейской партийной организации НДПА был окончательно решен зимой 1965 года (видимо, в феврале) на встрече А.С.Азхара с секретарем ЦК Б.Кармалем и М.А.Хайбаром. [293] На ней, кроме того, были рассмотрены вопросы дальнейшего укрепления подпольной организации в армии и активизации революционно-демократической пропаганды в армейской среде, уточнен порядок поддержания связи с руководством НДПА. С этого времени, по предложению Б.Кармала, организация стала называться «Армейской революционно-демократической организацией» (АРДО).

Деятельность АРДО с момента ее вступления в НДПА приняла более активный и целенаправленный характер. Одними из важных задач организации стали привлечение в ее ряды надежных и преданных идеалам партии военнослужащих и их идейно-политическое воспитание. При этом особое внимание уделялось выяснению и проверке в предварительном порядке личных, деловых, политических и других качеств каждого, кто предположительно мог бы войти в организацию, а именно: социального происхождения и идейных убеждений, слабых и сильных сторон характера, общественных связей и круга знакомств, служебного положения и отношения к службе, интереса к судьбе родины и решению ее проблем, уровня политического сознания, отношения к Советскому Союзу, монархии, политическим течениям и группировкам внутри страны, склонности к участию в активной политической борьбе, интереса к изучению политической литературы и т.д. Важное значение в организации придавалось собраниям ячейки. Они проводились регулярно, как правило, каждую неделю и посвящались в основном идейно-теоретической учебе членов организации.

В низовых звеньях организации, в процессе встреч и собраний вопрос о конкретной подготовке к вооруженному восстанию, по соображениям конспирации, не ставился. Один из бывших активных членов АРДО Абдул Ахад Разманда дал по этому поводу следующее объяснение: «Для нас важно было создать сплоченную и разветвленную тайную организацию, уберечь ее членов от провала, воспитать ненависть к монархическому режиму и таким образом обеспечить необходимые условия для ее выступления в подходящий момент. Выражения типа «свержение монархии», «вооруженное восстание» и им подобные мы в беседах между собой не употребляли».

В своей деятельности АРДО полностью руководствовалась политикой партии и указаниями ЦК НДПА (Парчам), а также регулярно отчитывалась перед ним о проделанной работе. Однако в текущих вопросах своей деятельности АРДО обладала известной самостоятельностью.

Нельзя не отметить, что монархические власти неоднократно нападали на след организации. К примеру, в 1963 году из Высшего военного училища были изгнаны за политическую нелояльность к режиму около 30 военнослужащих, в 1965 году несколько курсантов данного училища были схвачены по подозрению «в пропаганде социализма» и расстреляны без суда и следствия по приказу Абдул Вали, двоюродного брата и зятя короля, а в марте 1972 года арестованы несколько членов организации по обвинению в заго-

воре против короля. Были и другие подобные факты провалов как при монархии, так и при даудовском республиканском режиме, однако всякий раз ей удавалось избегать массовых разоблачений и значительных потерь.

Относительная неуязвимость тайной организации в армии объяснялась прежде всего ее весьма продуманной, глубоко законспирированной структурой, тщательным соблюдением мер предосторожности, а также тем, что молодая военная оппозиция имела своих людей во многих важных звеньях армейского и полицейского аппарата страны. Среди последних можно назвать А.С.Азхара, бывшего в 60-х годах начальником службы безопасности Кабульского международного аэропорта, а в 70-х годах – начальником штаба командующего силами безопасности министерства внутренних дел Республики Афганистан, Фарука Якуби, занимавшего пост начальника управления уголовного розыска, Мухаммада Анвара, руководителя подпольной организации в Кандагарском корпусе, являвшегося по должности после переворота 1973 года заместителем начальника контрразведки этого корпуса и др. В некоторых случаях для прикрытия организации и отвода подозрений возникавших в отношении ее членов, использовались также и родственные связи и знакомства в высших армейских кругах.

Создание и деятельность тайной организации в вооруженных силах могут быть, безусловно, отнесены к заслуге как руководства НДПА и прежде всего М.А.Хайбара, который по заданию ЦК партии непосредственно направлял ее работу вплоть до своей трагической гибели 17 апреля 1978 года, так и, разумеется, к заслуге руководящего ядра организации. Свидетельством этого является тот факт, что уже к началу 70-х годов молодые прогрессивно настроенные офицеры посредством кропотливой организаторской работы и леводемократической пропаганды среди личного состава, преимущественно среди младших офицеров и унтер-офицеров, смогли превратить ряд подразделений в столичных танковых бригадах, полку связи, батальоне «коммандос», артиллерийской бригаде и некоторых других частях в свою опору. Среди активистов АРДО, входивших в тот период в ее различные звенья, были армейские лейтенанты Файз Мухаммад (батальон «коммандос»), Нурульхак Олуми (Высшие офицерские курсы «А»), Абдульхак Олуми (Сержантская школа), Абдул Ахад Разманда [294] (Военная техническая академия), Голь Ака, Азиз Азем, Ахмад Али, Анвар, офицеры полиции Гулям Наби, Фарук Якуби и другие. Накануне апрельского вооруженного восстания 1978 года в АРДО, по словам З.Зиармаля, отвечавшего за работу в сухопутных войсках, состояло более 800 активных членов. Кроме того, имелось много сторонников и сочувствующих.

Армейская революционно-демократическая организация, однако, была, даже в рамках НДПА (Парчам), не единственной тайной леворадикальной организацией в вооруженных силах Афганистана. В частности, большую работу по созданию и укреплению партийных организаций в армии проводил Нур Ахмад Нур, [295] являвшийся в предреволюционные годы руководителем военного отдела ЦК НДПА (Парчам). Под его непосредственным руководством, к примеру, действовала, наряду с другими, военная организация партии в Кандагарском корпусе, насчитывавшая перед апрелем 1978 года более 60 активных членов и большое число сторонников (для сравнения: перед переворотом 1973 года в этой организации состояло около 20 человек). Офицеры – члены НДПА – занимали здесь многие ключевые посты, прежде всего в боевых подразделениях и штабах.

Параллельно с Парчам большую работу в армии проводило и другое, действовавшее самостоятельно, крыло НДПА – Хальк. Оно заметно расширило и усилило свое влияние среди военных в середине 70-х годов, когда со всей отчетливостью стали проявляться антидемократический внутри- и внешнеполитический курс М.Дауда и его стремление расправиться путем использования силы с левой оппозицией. Во главе военного отдела ЦК НДПА (Хальк) с 1973 года оказался Хафизулла Амин, использовавший впоследствии приобретенные им в среде военных влияние и связи, а также лично преданных ему лиц для осуществления своих амбициозных, преступных замыслов по захвату руководства в государстве и партии, для развертывания массовых репрессий и грубейших нарушений законности, дискредитации национально-демократического режима.

Деятельность НДПА (Хальк) по привлечению в ряды партии демократически настроенных офицеров и унтер-офицеров, созданию и укреплению армейской партийной организации началась в 1970 году, [296] то есть значительно позже, чем это сделали парчамисты, и разворачивалась прежде всего в тех боевых частях и подразделениях, которые потенциально могли стать ударной силой вооруженного восстания, а именно: в танковых, мотопехотных, связи, артиллерийских, авиационных и т.п. Большое внимание при этом уделялось проведению идейно-политической подготовки партийцев и революционно-демократической пропаганде среди личного состава, а также осуществлению организационных подготовительных мероприятий, призванных обеспечить в нужный момент успех вооруженного выступления войск. Так, были разработаны и тщательно отрепетированы с офицерами – членами партии – несколько вариантов плана восстания. [297]

К апрелю 1978 года НЛПА (Хальк) удалось создать свою довольно сильную организацию как непосредственно в частях столичного гарнизона, так и в провинциях. К примеру, под ее полным контролем оказалось большинство батальонов и рот 4 танковой бригады, дислоцированной в Пули-Чархи (в 35 км к востоку от Кабула). В Кандагарском корпусе в ее военную организацию, руководство которой осуществлял член ЦК Абруррашид Арьян, входили более 200 офицеров, унтер-офицеров и солдат. [298]

Обе военные организации НДПА (Хальк и Парчам) и после восстановления в июле 1977 года партийного единства продолжали, по решению руководства партии, действовать самостоятельно. Однако, надо признать, какой-либо абсолютной обособленности в деятельности этих двух организаций ни в период подполья, ни во время проведения вооруженного восстания в апреле 1978 года не было, хотя, конечно, нередко и имели место случаи предвзятого отношения их друг к другу, взаимного непонимания и межкрыльевых трений. Но это ни в коей мере не мешало им поддерживать контакты между собой и выступать вместе, когда этого требовала обстановка.

В целом накануне апреля 1978 года в военных организациях НДПА насчитывалось от 2 до 3 тысяч че-

ловек. [299] Кроме упомянутых выше 4 тбр и Кандагарского корпуса, она имела своих членов и сторонников в 15 танковой бригаде, 88 артиллерийской и 99 зенитно-ракетной бригадах, 7 и 8 пехотных дивизиях, 32 бригаде, батальоне «коммандос» (все были дислоцированы в столице и ее окрестностях), Пактийском корпусе, гарнизонах Мазари-Шарифа, Баграма, Шинданда, Джалалабада, в штабе ВВС и ПВО и т.д. Многие офицеры – члены НДПА – занимали в это время ключевые командные и штабные посты в войсках. Среди них можно назвать начальника штаба и начальника оперативного отдела 4 тбр Мухаммада Рафи и Фатех Мухаммада, начальника штаба и заместителя командира по технической части 15 тбр Абдул Маджида и Нур Мухаммада, командиров батальонов 4 тбр Мухаммада Аслама Ватанджара [300] (см. о нем Приложение б) и Асадуллу Пайяма, командира 255 транспортного батальона Ширджана Маздурьяра, командира танкового батальона и командира зенитной батареи 8 пехотной дивизии Алауддина и Карима и др. Все это составило довольно значительную силу в руках НДПА. При относительной слабости государственных институтов режима М.Дауда левая оппозиция, используя свои военные организации и обеспечив совместное и организованное выступление находившихся под их контролем войск, могла вполне рассчитывать на успех в борьбе за власть, за свержение авторитарного режима. И это со всей убедительностью подтвердило апрельское вооруженное восстание 1978 года.

В начале 60-х годов в ВВС Афганистана возникла и действовала подпольная организация, получившая название «группы Максуди». В нее входили около 60 радикально настроенных военнослужащих, не связанных организационно с какими-либо гражданскими партийными структурами, однако близких по взглядам с НДПА. Среди организаторов и руководителей этой группы, кроме М.Максуди, были Абдул Кадыр, инженер Якуб, Джелалуддин, А.Васе, Хисамуддин, Фарук, М.Азиз и др.

Процесс политизации афганской армии и дальнейшего расслоения ее офицества заметно ускорился после государственного переворота 1973 года, когда армия, выйдя из казарм, открыто вмешалась в политическую жизнь Афганистана на стороне национально-патриотических сил. Уже через год ряд активных участников данного переворота из числа военных, убедившись в неспособности правительства М.Дауда осуществить обещанные социально-экономические и политические преобразования в стране, создали подпольную организацию под названием «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (ОФКА), в которую вошли преимущественно офицеры и унтер-офицеры ВВС, в том числе члены «группы Максуди». Ее возглавил полковник Абдул Кадыр. [301] (см. о нем Приложение б) Кроме него, в руководящее ядро организации вошли Абдул Хамид Мохтат, А.Сарвари, М.Кадыр, Акбар, Якуб, Джелалуддин, Ф.Кадыр и др. Организация поставила своей целью свержение режима М.Дауда путем подготовки и проведения силами армии вооруженного восстания. В идейно-политическом плане она стояла на позициях НДПА и поддерживала нелегальные связи с ее руководством, которые стали особенно активными после объединения партии в июле 1977 года. Вместе с тем, ОФКА все это время оставался организационно самостоятельным. Накануне апрельского восстания в его рядах состояло, по-видимому, не менее 600 человек.

В Афганистане в рассматриваемый период на нелегальном положении действовали и другие леводемократические группировки, в частности «Группа труда» («Кар»), «Революционная организация трудящихся Афганистана» (сокращенно – РОТА или САЗА), «Организация федаев трудящихся Афганистана» (ОФТА или САФЗА), «Революционное общество трудящихся Афганистана» (РОБТА) и др. Все они стремились привлечь в свои ряды также и военнослужащих. И это им удалось сделать: по ориентировочным данным, к 1978 году они имели среди военных несколько сот своих сторонников.

Среди некоторой части молодых офицеров – выходцев из мелкобуржуазных и полупролетарских слоев – в конце 60-70-х годах получили распространение левозэкстремистские взгляды, суть которых сводилась к крайне упрощенной и ошибочной трактовке социально-экономической и политической ситуации в Афганистане, призывам к открытой конфронтации и столкновениям с властями и абсолютизации при этом вооруженной формы борьбы, попыткам дискредитировать леводемократические силы, прежде всего НДПА. Левацкие элементы в армии, связанные с маоистской организацией Шоалеи джавид и ее группами, были, однако, немногочисленными и структурно не оформленными. Зачастую они действовали внутри леворадикальных армейских организаций, привнося в их ряды идейную незрелость и политический авантюризм.

Борьба за армию в Афганистане в предреволюционные годы развертывалась и «справа». Наиболее активно ее проводили группировка М.Дауда и афганские приверженцы «братьев-мусульман». Последние пытались, и безуспешно, найти себе опору прежде всего среди армейской верхушки – генералитета и старших офицеров, представленных выходцами из состоятельных консервативных кругов общества. Будучи организационно разрозненными и не оформленными, воинствующие исламисты в армии смыкались по многим вопросам в период до свержения монархии с той частью придворной аристократии, которая группировалась вокруг маршала Шах Вали и его сына генерала Абдул Вали, и получала от них негласную поддержку и покровительство. Для них были характерны ультрареакционность в подходе к решению внутренних социальных проблем, проповедь возврата к средневековым порядкам, крайняя враждебность к прогрессивным идеям и движениям и призыв к расправе с левыми силами страны, стремление к международной изоляции, ярый антикоммунизм. В число сторонников и единомышленников консервативно-клерикальных кругов, кроме высших военных чинов, входило, по признанию Г.Хекматяра, определенное число «правоверных унтер-офицеров». [302] Тем не менее, все они не смогли ни до, ни после переворота 1973 года составить сколько-нибудь существенного противовеса левой военной оппозиции.

Консервативная верхушка мусульманских богословов вместе с крупными землевладельцами-малеками, частью ханов племен и крупной буржуазии, бюрократической элитой, отстраненной от власти, крайне враждебно встретили установление в Афганистане в 1973 году республиканского строя и провозглашение некоторых буржуазно-демократических преобразований, усмотрев во всем этом угрозу своим экономическим и политическим интересам. Вскоре они перешли к активным действиям, целью которых было свержение правительства Дауда и создание теократического государства во главе с «праведным пре-

зидентом», избранным из среды духовенства. При этом исламские фундаменталисты основную ставку делали на своих последователей в армии. Они фактически поддерживали или приняли непосредственное участие и возглавили почти все антиправительственные заговоры и вооруженные мятежи, имевшие место в Афганистане в 1973-1976 годах. О масштабах вовлеченности афганского офицерства в антиправительственную деятельность клерикалов свидетельствует тот факт, что только за причастность к заговору в декабре 1973 года из армии было изгнано около 100 офицеров (см. об этом подробнее в главе 5).

Что касается М.Дауда, то он еще в 1953-1963 годах, будучи премьер-министром и одновременно министром национальной обороны, начал усиленно создавать себе опору в армейских кругах. В тот период он приобрел много своих сторонников, особенно среди старших офицеров. После ухода в 1963 году в отставку с указанных постов вокруг него сложилось руководящее ядро в составе восьми человек (генерал Абдул Карим Мостагни, полковник Гулям Хайдар Расули, полковник Гулям Сарвар, майор Мухаммад Сарвар Нуристани и др.), которое поставило целью путем заговора устранить скомпрометировавший себя королевский режим и спасти под новой, республиканской вывеской власть помещичье-буржуазного блока. К началу 70-х годов группировка сторонников М.Дауда в армии составляла не более 200 человек. Подавляющее большинство из них не имело в своих руках рот и батальонов. В этих условиях окружение М.Дауда вынуждено было искать поддержку у левой армейской оппозиции, располагавшей, как было показано выше, существенным влиянием и конкретной силой в войсках. Именно данная поддержка и явилась решающим фактором успеха в свержении монархии в июле 1973 года.

Следует иметь в виду, что распространенные выше течения и группировки, существовавшие в армейской среде Афганистана в 60-70-х годах, охватывали далеко не весь офицерский корпус. К ним не примыкала значительная часть офицеров, которых условно можно назвать «нейтралами». Это были в основном старшие и младшие офицеры, выходцы из мелкобуржуазных семей. Для данной группы офицеров были характерны аполитичность, беспринципность, индивидуализм, боязнь скомпрометировать себя связями с «неблагонадежными», карьеристские побуждения, всевозможные злоупотребления служебным положением. Не питая особых симпатий к монархическому и республиканскому режимам, они смотрели на военную службу лишь как на источник существования их, как правило, больших семей. Отличительной чертой поведения этих офицеров, является то, что они в случае возникновения «взрывных» ситуаций в армии и стране, руководствуясь исключительно личными интересами, могут встать на сторону любой из противоборствующих группировок и усилить ее, а точнее примкнуть к той из них, за которой они почувствуют шансы на успех. Именно так случилось в решающие моменты афганских событий 1973 и 1978 годов. На деле, как показала афганская армейская действительность, «нейтралы» всегда были и остаются крайне ненадежной опорой любого режима, особенно в критических ситуациях.

Итак, уже к началу 70-х годов «почва» в армейской среде Афганистана была существенно взрыхлена и довольно обильно засеяна разными идейно-политическими «семенами», в том числе и мятежного толка, всходы которых не заставили себя долго ждать. При всей многоликости идейного размежевания среди афганских военных наиболее политизированной и активной оказалась та, значительная по своей численности, часть офицерского и унтер-офицерского корпуса, которая примкнула к левodemократическим силам. Именно она предопределила исход политической борьбы: в 1973 году – свержение монархии, а в апреле 1978 года – ликвидацию авторитарного даудовского режима. Афганская армия в сложившейся в те годы обстановке, при слабости социальных и политических устоев тогдашних правящих кругов явилась практически единственной организованной силой, обеспечившей успех обоих антиправительственных выступлений.